

Глеб Голубев

След золотого оленя

Часть первая

«Загадочный клад»

1

Он отвернул кусок мокрого брезента — и передо мной тускло засияло золото.

Древние сокровища. Скифское золото!

Я смотрел на драгоценности и все еще не верил глазам.

Все началось с будничного телефонного звонка.

Телефон затрещивал громко и требовательно. Я с укоризной посмотрел на него, но он не унимался. Пришлось взять трубку. Я приложил ее к уху и прижал плечом, пытаюсь продолжать писать. Но не тут-то было. В трубке так загремел чей-то хриплый прокуренный голос, что я поспешил отнести ее подальше от уха.

— Але! Это музей? Але!! — надрывался голос.

— Да, да, это музей. Зачем так кричать? Что вы хотели?

— Присылайте срочно вашего представителя... Или нет, лучше приезжайте сами. Дело чрезвычайно важное... Мы тут ломали дом в Матвеевке, хибару, понимаешь, форменную... И нашли в подполе целый клад — вазу, сдается, золотую, оленя золотого и бритву, кажись, серебряную. И висюльки тоже вроде золотые, дюже старые. Были спрятаны в чемодане.

— В каком чемодане?

— Ну какой чемодан? Обыкновенный, фибровый. От него, почти-тай, одни запоры да ручка остались, все к чертям погнило. А ви-сюльки — как новенькие. Мы грязь с них стерли, они прямо засия-ли. Чистое золото, честное слово! И бритва серебряная.

— Да откуда вы звоните? Кто это говорит?

— Говорит Працок Андрей. Экскаваторщик я, из шестого СМУ. Мы тут в Матвеевке работаем, расчищаем площадку строителям, сносим старые хибары. И наткнулись на клад. Только приезжайте поскорее, а то мне работать надо...

Прокуренный голос умолк. В трубке что-то шуршало и пописки-вало. Я положил ее на рычаг и некоторое время недоуменно смотрел на телефонный аппарат. Мог ли я представить в тот момент, какая необычная история начинается этим странным звонком?

Последние четыре года я занимался раскопками на трассе быстро продвигавшегося через степь к жаждающей Керчи Северо-Крымского канала. Нужно было обследовать все древние погребения, чтобы они не пропали для науки в ходе строительства. Работа была, конечно, важная, совершенно необходимая, но, признаться честно, не очень интересная. Мы раскапывали все курганы подряд. Большинство их принадлежали еще к эпохе бронзы и для меня, скифолога, интереса не представляло. Скифских же курганов попадалось пока мало, да к тому же все они, как водится, были разграблены еще в древности. Однако за это время кое-какой материал накопился, и в прошлом году мне удалось наконец защитить кандидатскую. Но при всем том меня тяготило, что жизнь стала как-то уж больно размеренной, спо-койной и скучноватой. И все же, когда раздался неожиданный звон-ок, сердце у меня вовсе не екнуло, как пишут в романах, и не под-сказало, что это и есть призыв судьбы.

Ехать мне в Матвеевку решительно не хотелось. День выдался отвратительный, какие здесь бывают нередко в конце зимы. За ок-ном косыми струями полосовал улицу дождь. С моря дул ветер, во-лоча по крышам бесконечную череду унылых туч. А в чистой ком-натке было так тихо, тепло, уютно. На столе разложены книги и бу-маги — писанина предстояла еще долгая.

Честно говоря, я не верил в пользу этой поездки. Керченская земля удивительная. Каждая пядь ее овеена поэзией неустанно ле-тящего времени. Тут новые громадные заводы высятся по соседству с древними курганами, и на склонах полысевшей за века горы Мит-ридат рядом с раскопами археологов, недавними шрамами зияют еще не заросшие траншеи и бойницы дотов. Выкопай яму в огороде и увидишь, что земля похожа на слоеный пирог. И по этим слоям можно проследить чуть не всю историю человечества — от пещерных стоянок первобытных людей до нашего времени. Машинально под-нимешь там глиняный черепок и увидишь на нем вдруг древнегре-

ческие буквы. Сколько веков он тут пролежал?

Тавры, скифы, сарматы, греки, римляне, готы, гунны, хазары, славяне, генуэзцы, татары, турки — кто только не побывал здесь! Отсюда понтийский царь Митридат Евпатор угрожал Риму, меряясь полководческим искусством с Юлием Цезарем. Тут плененный греками и проданный в рабство вольнолюбивый скиф Савмак поднял восстание — первое из многих, полыхавших потом на нашей земле. Здесь «в лето 6576 индикта 6» — в 1068 году по нашему счету — «Глеб князь мерил море по льду от Тмуторокана до Корчева», как написано на древнем камне. Камень этот потом несколько веков валялся на пыльных улочках станицы Таманской, пока не пригляделась к нему повнимательнее и не разобрали старинную надпись. Так что на каждом шагу здесь могут таиться замечательные сокровища и поджидать археолога поразительные открытия.

Но только не в Матвеевке!

Этот захудалый поселочек на окраине города даже официального названия не имел. Сами местные жители почему-то прозвали Матвеевкой жалкое скопище ветхих домишек. Еще в прошлом веке, до того, как начал безалаберно застраиваться хибарками этот пустырь, его обследовали археологи и ничего интересного не обнаружили — ни гробниц, ни остатков древних зданий. Испокон веку тут был унылый пустырь.

Строители, наверное, нашли клад, припрятанный до лучших времен в тайничке каким-нибудь купчишкой, а им уже кажется, будто это бесценные древности. Какие могут быть древности в чемодане?!

Но раз позвонили, придется ехать. И именно мне. Больше никого в музее сейчас не было.

Запахнув в стол надоевшие бумаги, я натянул не просохшее еще с утра пальтишко, укутал горло сырым шарфом и, подняв воротник, вышел на улицу.

И конечно, все пошло именно так, как я предвидел. Ветер набросился из-за угла и едва не свалил меня на обледеневшую мостовую. Ледяной дождь обрушивался водопадами, от него спас бы разве только водолазный костюм. И автобуса, конечно, пришлось ждать целую вечность. А когда он наконец приполз, тяжело переваливаясь на ухабах, я еле втиснулся в него.

Наконец он выкарабкался, натужно урча, из последней ямы и устало замер у столба, обозначавшего конечную остановку. Выйдя, я начал озираться вокруг.

Повсюду торчали в самых фантастических положениях полусгнившие балки, местами уцелели куски стен с разноцветными обоями. Среди развалин курились сизые дымки, причудливо закрученные ветром. Над руинами поднималась длинная стальная шея притихшего экскаватора. Скользя и оступаясь в лужи, я стал проби-

раться к нему через этот дикий лабиринт.

Тут меня ждали. Обдав брызгами, летевшими во все стороны из-под огромных сапог, ко мне навстречу кинулся коренастый крепыш в брезентовой куртке, сердито выкрикивая плачущим голосом:

— Профессор, где вы пропадали?

Лицо у него было так перепачкано липкой грязью и мазутом, что я даже не мог его разглядеть толком. Словно клещами схватив за рукав, он потащил меня за собой в тесный тупичок, образовавшийся между полуобрушившимися стенами соседних домов, не давая ни опомниться, ни оглядеться. Тут он присел на корточки, поманил меня рукой, сверкнув ослепительно белыми зубами на перемазанном лице, сказал:

— Глядите! — и ловким жестом опытного фокусника сдернул промокший брезент, прикрывавший какую-то кучку в углу на земле...

Я обомлел, сразу забыл обо всем на свете, и медленно, как луна-тик, не сводя с драгоценностей глаз, стал опускаться на корточки.

На грязном куске брезента передо мной лежала прекрасная золотая ваза высотой примерно в полметра. Всю ее поверхность покрывали крошечные фигурки людей и животных и причудливый растительный орнамент, сделанные древним неведомым мастером из красного золота с поразительным изяществом и мастерством. Все фигурки и растения были накладными, прикреплены к стенкам вазы скрытыми зацепками. И ни одна не отвалилась! Казалось, вазу сделали лишь вчера, а не двадцать веков назад! В три яруса друг над другом шли сценки из жизни скифов. Вот бородатый воин, присев на корточки, освобождает от пут передние ноги лошади. Рядом лежит на земле седло. Видимо, воин куда-то собрался ехать и сейчас станет седлать лошадь. Другой воин набросил на шею коня аркан. Пытаясь освободиться, горячий скакун поднялся на дыбы.

Рядом усатый скиф доит корову, отмахиваясь в то же время плеткой от телянка, который мешает ему. Тут же крохотный жеребенок, вытянув шею, сосет кобылицу, а та, повернув голову, ласково поглядывает на него.

Я поворачивал вазу — и передо мной одна за другой раскрывались мирные сценки давно отшумевшей жизни кочевого народа. Художник словно специально задался целью показать ее в бытовых подробностях. Вот два скифа что-то делают с овечьей шкурой, разложенной на земле, — кроют ее, что ли, собираясь шить?

Кузнец в кожаном фартуке подковывает лошадь, а рядом бородатый скиф плотничает, обтесывает топором короткое бревно. Другой столб уже вкопан в землю. Что строит плотник? Может быть, дом, полушалаш-полуземлянку, в каких жили скифы, останавливаясь на зимовку или для обработки полей?

Как скифы обрабатывали поля, мы могли только предполагать, а

теперь видим воочию: пожилой коренастый скиф тяжело, всем телом навалился на деревянный плуг, который с явным усилием тащат два вола, запряженных в уродливое ярмо, сделанное из целой дубовой колоды.

Плуг еще совсем примитивный — просто кусок дубового ствола с торчащим крепким суком. За этот сук и крепилось ярмо с дышлом. А заостренный край ствола кое-как, очень неглубоко царапал землю.

Во всех сценках изображены были только мужчины, ни одной женщины — длинноволосые, усатые, в коротких кафтанах и штанах, заправленных в мягкие сапоги. Двое были в остроконечных башлыках, остальные с непокрытыми головами. Художник не упустил ни одной подробности, словно делал моментальные снимки. Можно было прекрасно разглядеть не только выражение лиц, но и мельчайшие детали одежды, шитье на кафтанах.

С этими картинками мирной жизни резко контрастировала одна развернутая сцена, полная драматизма, занимавшая весь средний ряд. Пешие воины с длинными копьями успешно отражали натиск вражеской конницы. Кони поднимались на дыбы, воины в остроконечных шапках вылетали из седел, пронзенные стрелами. Два стрелка из луков натягивали тетивы и целились, прижавшись спинами друг к другу, заняв, так сказать, «круговую оборону».

Художник изобразил самый напряженный, переломный момент боя. Натиск врага был еще силен, но уже чувствовалось, что победа за пешими воинами. И снова было непонятно, каким образом древний художник сумел передать это.

Так же выразительна была и каждая сценка нижнего яруса. Воин с непокрытой головой о чем-то докладывает сидящему на камне вождю. Тот слушает внимательно, сумрачно, настороженно, обеими руками тяжело опершись на копьё. Правую ногу вождь вытянул вперед, похоже, она ранена.

А вот длинноусый воин готовится к бою, старательно натягивая на лук новую тетиву. Маленькая фигурка из драгоценного металла выглядела как живая, под кафтаном прямо вздулись от напряжения бицепсы. Так и чувствовалось, как нелегко воину преодолеть сопротивление тугой тетивы.

Две сценки были особенно интересны. Они знакомили нас, видимо, с искусством древнего врачевания. На одной скифский воин перевязывал товарищу раненую руку. А на другой некто в пышном уборе — возможно жрец, склонился над лежащим на земле скифом и что-то делал с его головой. Три воина, опершись на копьё, внимательно следили за операцией.

Слагался как бы связный рассказ о жизни людей, давно исчезнувших с лица земли, полный таких сочных, впечатляющих подробностей, что каждую деталь хотелось долго рассматривать и смаковать. Уже одно это делало найденную столь необычным образом

древнюю вазу бесценной. Но она к тому же была и замечательным произведением искусства. В промежутках между бытовыми сценками древний художник поместил забавные фигурки бодающихся козлят и задиристого петуха, на скакивающего на длиннорылого поросенка. Рядом с совершенно реалистическими были и фигурки фантастических птиц; сказочные грифоны терзали вепря, вокруг причудливо переплелись ветви и листья невиданных растений.

Несомненно, все сценки были изображены с натуры — и не скифом, а человеком посторонним, пришлым, для которого кочевой быт казался в диковинку. Он явно любовался экзотическими деталями, зорко подметив и старательно выделяя их. Замечательную вазу сделал, видимо, по специальному заказу приглашенный в кочевой лагерь, как это было в обычаях у скифов, какой-то талантливый греческий торевт, художник-ювелир, в совершенстве владевший мастерством и скульптора, и гравера, и резчика.

А вот Золотого Оленя, лежавшего рядом с вазой, создал, конечно, скифский мастер. Когда-то этот олень, видимо, украшал боевой щит скифского вождя. Чеканенный из чистого золота, величиной чуть не в полметра, поджав ноги, гордо выгнув шею и закинув на спину ветвистые рога, олень взлетел над землей в стремительном прыжке — да так и замер на века.

Прежде всего воспринималось именно стремительное движение, гордый полет, так что не сразу замечались некоторые отступления от реализма — причудливые завитки на спине, словно продолжение рогов, всего две ноги вместо четырех — может; для того, чтобы легче было взлететь, прыгнуть.

Я уже рассматривал следующую драгоценную находку, а все еще не мог выпустить Оленя из рук. Какая давно истлевшая в земле красавица носила эти прекрасные золотые подвески, так непочтительно названные экскаваторщиком «висюльками»?

Отложив Оленя в сторону, я взял подвески в руки и начал их рассматривать. Они были тяжелые, в виде маленьких овальных щитов. На каждом изображено прекрасное женское лицо — гордое, надменное. Длинные волнистые волосы скрывали плечи женщины, постепенно переходя уже в чисто декоративное переплетение, вроде рельефного орнамента. Вероятно, это была скифская богиня.

Чуть в сторонке на брезенте лежало нечто непонятное, озадачившее меня: две выгнутые металлические дужки, соединенные клочками грубой кожи. Я осторожно взял их в руки. Что это могло быть? Металл желтоватый, но совсем не похож на золото — легкий, тусклый. И кожа почему не истлела?

И тут, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, рядом раздался хрипловатый голос:

— Це ж ручка от чемодана. Мы ее выбрасывать не стали. Может, нужна для выяснения.

Я поднял голову и удивился, увидев, что надо мной склонились уже несколько одинаково перепачканных и улыбающихся лиц. Одно из них при более пристальном рассмотрении показалось мне знакомым. Наверное, это и был экскаваторщик Працюк, встречавший меня. Но когда успели подойти его товарищи так, что я не услышал? Не заметил даже, что они растянули надо мной кусок брезента и держат его, прикрывая находки от дождя. Какие молодцы!

— А вот бритва. Мы ее в сторонку отложили. Люди говорят — серебряная. Не может быть, чтобы тоже древняя была, как вы считаете, товарищ профессор? — сказал Працюк, протягивая мне небольшую коробку. — Больно хорошо сохранилась. Даже кожа не вся истлела.

Я взял коробочку и стал рассматривать. Она буквально разваливалась в руках. Из нее высыпались бритвенные принадлежности: старомодный станочек для безопасной бритвы, мыльница и тазик — пожалуй, в самом деле, серебряные. Зеркальце совсем потускнело от сырости, из помазка выпали все волоски. На мыльнице я с трудом различил монограмму из двух причудливо переплетенных, словно двойщихся заглавных букв «С.С.».

— Мы тут заспорили, товарищ профессор, — сказал Працюк. — Не может, я кажу, быть, чтобы бритва тоже древняя. И буквы тут наши, русские.

— Конечно, бритва никакого отношения к древним сокровищам не имеет. Она попала сюда совершенно случайно, — ответил я.

— А я что говорил?! — экскаваторщик повернулся к товарищам, потом опять обратился ко мне: — Значит, музею она не нужна?

— Совершенно не нужна. А что, она вам нравится?

Экскаваторщик под смех товарищей пожал плечами.

— Возьмите, не стесняйтесь, — протянул я ему коробку.

— Ну спасибо! Всей бригаде на память подарок будет, — крепко зажав бритву в огромной ладони, Працюк другую руку протянул мне.

— Больше ничего не было?

— Нет, все тут, — помотал головой Працюк.

— А черепки забыл? Или скрываешь? — спросил его один из строителей.

Все снова засмеялись.

— Какие черепки? — насторожился я.

— Да слушайте вы их! — отмахнулся Працюк. — Шуткуют ребята. Были там еще два черепка битых, видать, от какого глечика завалились.

— Где они?

— Черепки? — удивился моему волнению экскаваторщик. — Выбросили где-то тут. На кой они нужны. Тут их вон полно, черепков-то битых.

— Куда выбросили, помните? — спросил я, лихорадочно озираясь.

— Вы не огорчайтесь, мы сейчас найдем те черепки, — поспешили успокоить меня строители. — Куда-то тут бросили, недалеко.

— Стойте, хлопцы, я сам! — остановил товарищей Працюк. — Я помню, сюда вот бросал, в эту кучу. Сам их найду, а то вы все тут перелопатите, затопчете.

Присев на корточки возле большой кучи мусора, он начал методично и размеренно ее разбирать. Я подошел и присел рядом с ним, внимательно разглядывая каждый черепок. Неужели найдем?

— Вот он, — сказал Працюк, протягивая мне маленький осколок, перемазанный грязью.

Я начал осторожно его отчищать. И все время боялся, что он окажется действительно просто осколком самого обыкновенного глечика или макитры, какие здесь продаются на каждом базаре.

Но нет! Похоже, керамика древняя. Сосуд был явно слеплен вручную из отдельных полосок глины. Неужели повезло? Если бы осколок был побольше...

— А вот и второй, — сказал Працюк.

Он протянул мне другой осколочек, чуть покрупнее первого. Он тоже был ручной лепки и вроде от одного сосуда. Или нет? Кажется, немножко темнее? Ладно, потом разберемся.

И вот я уже в музее, сокровища аккуратно разложены на столе под яркой лампой. А над ними благоговейно склонились археологи, уже успевшие услышать о чудесной находке. Их в любое время года немало работает в Керчи. Собрались тут все люди знающие, опытные. Внимательно рассматривают драгоценности, изучают в лупу детали, высказываться не спешат. Но потом, конечно, разгорится спор, это уж как водится.

Рассматривая находки, археологи постепенно начинают обмениваться впечатлениями, однако не очень уверенно. Чувствуется, драгоценности их кое-чем озадачивают.

— Ваза, конечно, попроще Чертомлыцкой¹, но зато сценки на ней куда интереснее, вы не находите, Николай Павлович?

— И она тоже явно из богатейшего, несомненно, царского погребения! Только для весьма знатного и богатого вождя могли заказать такую роскошь.

— А какое поразительное мастерство! Ведь ни один воин не похож на другого!

Да, это было изумительно. Неведомый художник каким-то колдовским чудом — одними лишь позами и жестами сумел рассказать нам: вот этот воин — ловок и быстр, а этот — тяжеловат на подъем и робок. Он ухитрился в движениях раскрыть характеры давно исчез-

¹ Один из шедевров скифской культуры — знаменитая серебряная амфора, найденная при раскопках Чертомлыцкого кургана близ Никополя в 1862—1863 годах.

нувших людей!

— Фигурки ведь не превышают трех сантиметров, правда, Всеволод Николаевич, а можно свободно рассмотреть не только выражение лиц, но и каждый завиток на овечьей шкуре.

— А вы посмотрите в лупу, Анна Матвеевна. Увидите даже кузнечиков, сидящих на согнувшихся под их тяжестью травинках.

Я тоже тщательно и не спеша, по-хозяйски, смакуя и наслаждаясь, изучаю уникальные находки. Но ваза теперь меня привлекает меньше. Она — творение греческого мастера, произведение античного искусства, как и прекрасные «вискольки». А вот Золотой Олень — изумительный образец чисто скифского, так называемого звериного стиля.

Барс на горе. Бляха. 5 - 4 в. до н. э.

образец звериного стиля

Кочевые скифские племена все время странствовали с места на место. Бродячим домом скифа была кибитка. Мраморных статуй в ней не поставишь, войлочные стены не украсишь мозаикой или фресками. Искусство скифов соответствовало возможностям их быта. Главным образом это были украшения — изображения всяких зверей на оружии, щитах, походном снаряжении, на золотых бляхах конской сбруи и удилах. Эти произведения искусства сопровождали скифа в его вечных скитаниях. Ими легко можно было в любой момент полюбоваться у вечернего костра или во время пира, а потом спрятать в седельные сумки — и ехать дальше или ринуться в бой.

Лишь в конце жизненного пути, оборванного вражеским копьём или болезнью, обретал скиф памятник монументальный и вечный, как холмы в степи — величавый курган, сгладить который бессильно время и за века.

Самих себя скифы не изображали и портретов своих, к сожалению, нам не оставили. Лишь кое-где в степи стоят грубые изваяния, прозванные в народе «каменными бабами». У них с трудом удастся различить примитивные человеческие черты. Скифские мастера любили изображать зверей: оленей, взметнувшихся в легком прыжке, быстрых, как молния, пантер, свирепых кабанов, боевых соколов и грозных орлов. Всех зверей и птиц, с которыми сталкивались они в странствиях по степям, скифские художники изображали с редкостной наблюдательностью и выразительностью деталей и в то же время умелой декоративностью, подчеркивая у них и выпячивая ловкость, стремительность, силу. Клыки изображались такими, что не умещались в пасти. Ухо, ноздри или глаз тоже непомерно увеличивались. Клювы у орлов загибались в могучую спираль. Нередко мастера давали волю фантазии и создавали зверей сказочных, совсем необычных: крылатых тигров, драконов, причудливых грифонов, терзающих пойманную лань.

Особенно любили они изображать благородных оленей. Этот образ был, видимо, связан для скифов с обожествлением солнца, света. По некоторым признакам, олень был одним из древнейших тотемических божеств² еще у предков скифских племен.

Крупные изображения оленей, вроде нашего красавца, скифские мастера помещали на боевых щитах самых прославленных воинов и вождей. Оленей часто изображали на рукоятках мечей, на горитах — футлярах для луков и на колчанах для стрел. Маленькими золотыми бляшками — фигурками оленей украшали одежду и обувь. Изображения оленей находят в скифских погребениях повсюду — и в степях Украины, и в Крыму, и на Северном Кавказе, и в Сибири.

Ваза же была шедевром совсем иного искусства. К счастью для нас, жизнь и быт скифов с массой неопценимых подробностей изображали на различных сосудах и украшениях из драгоценных металлов греческие художники. Их для этого специально приглашали в степные становища. Теперь мы через века как бы можем с благодарностью глянуть на живописный мир кочевников глазами этих художников.

— Обратите внимание: волы комолые, как описывал Геродот!

— А медицинские сценки? Сколько в них юмора...

² Животное или растение, считавшееся священным предком и божеством — покровителем рода или племени у первобытных людей; его изображение служило как бы гербом племени.

- Но что он делает с его головой?
- Перевязывает.
- Не похоже, Анна Матвеевна. Скорее долбит ее.
- А мне кажется, над убитым вождем совершают какой-то магический обряд. Это явно жрец колдует...

Мы понимали друг друга с полуслова, перебрасываясь, словно мячиками, именами авторитетов и названиями курганов. Но тебе, дорогой читатель, придется, видимо, время от времени кое-что пояснять, чтобы стали понятными волнующие нас проблемы и загадки.

Горячие споры длятся вот уже три с половиной века — пожалуй, с тех пор, как любознательный смоленский священник Андрей Лызлов опубликовал в 1622 году свою «Историю скифов». Она была, конечно, совершенно фантастической: ведь Лызлов не имел решительно никаких археологических материалов — только скудные и противоречивые сведения древних греческих авторов, открывавшие полный простор для самых смелых «теорий».

С тех пор много раскопано древних курганов и немало найдено замечательных памятников старины. Одна только уникальная коллекция Эрмитажа насчитывает свыше сорока тысяч различных предметов скифской культуры. Историей скифов занимались все наши крупнейшие археологи. Но горячие споры не утихают, и нерешенных проблем и загадок остается еще немало.

Мы до сих пор не знаем даже, как на самом деле назывался древний, давно исчезнувший народ. «Скифами» называли их древние греки. Сами же скифы не имели письменности и не оставили никаких документов. Только свидетельства греческих историков да вещи, найденные при раскопках остатков скифских поселений и погребений в курганах, помогают нам узнать, как жили много веков назад эти люди.

Наиболее подробное описание жизни и быта скифов оставил «отец истории» Геродот. Чтобы изучить их, он даже ездил специально в греческую колонию Ольвию на черноморском берегу, а оттуда — в страну скифов. Его свидетельства бесценны для историков, но как нелегко в них отделить правду от легенд и сказок!

О происхождении скифов Геродот приводит три совершенно различные легенды. По двум из них скифы якобы обитали в причерноморских степях издавна, с незапамятных времен. А согласно третьей легенде они будто бы пришли сюда с востока.

Признаться честно, хотя с тех пор прошло две с лишним тысячи лет, мы до сих пор не знаем точно, откуда же взялись скифы в наших южных степях. Большинство ученых теперь считают, что скифы пришли сюда откуда-то из-за Волги и Дона — возможно, из степей Южной Сибири и Средней Азии. Видимо, это были ираноязычные племена.

И вероятнее всего, они продвигались в степи юга Европы мед-

ленно, постепенно, в течение нескольких столетий, и было несколько «волн» таких вторжений.

Первые кочевые скифы появились в южных степях нашей страны скорее всего в начале восьмого века до нашей эры. Но тогда они не остались здесь, а, преследуя обитавших тут ранее загадочных киммерийцев, о которых мы вообще почти уже ничего не знаем, вторглись в Закавказье и Малую Азию.

Сколько времени находились скифы в странах Малой Азии, где они с разными государствами древности то воевали, то вступали в дружественные союзы, ничего опять-таки толком не известно. Очевидно лишь, что в конце седьмого века до нашей эры они возвращаются в причерноморские степи и уже прочно надолго оседают здесь, создав государство, которое не могли победить ни персидский царь Дарий, ни греческие полководцы. Наибольшего расцвета оно достигает в четвертом веке до нашей эры, при легендарном царе Атее. По преданию, он был столь воинственным, что предпочитал ржание боевых коней во время битвы сладостным звукам флейты.

По описаниям Геродота, государство скифов объединяло несколько племен, отличавшихся между собой образом жизни и некоторыми обычаями. Самым сильным и могущественным было племя так называемых «царских скифов». Они занимали весь Крым и степные просторы на юге нынешней Украины, кочуя с места на место. Севернее жили скифы-земледельцы и скифы-пахари: уже сами названия племен говорят о том, что они вели более оседлый образ жизни. Купцы из возникших по берегам Черного моря греческих колоний-городов Ольвии и Боспорского царства скупали и выменивали на разные товары у них пшеницу.

Государство, созданное в степях кочевниками, служило как бы своеобразным мостом. По нему обменивались достижениями своих культур весьма отдаленные друг от друга народы. По торговым путям, охраняемым в бескрайних степях скифами, творения античного искусства попадали в далекие северные стойбища оленеводов, из Месопотамии купцы везли в города Фракии и Западной Европы оружие и чеканные украшения.

Войско девятистолетнего Атея, погибшего в этом бою, но не сдавшегося, все же разбил царь Филипп, отец Александра Македонского. Но еще долго Скифия остается одной из сильнейших и грозных держав того времени, пока в третьем веке до нашей эры не обрушатся на нее с востока, из задонских степей постепенно набравшие силу сарматские племена. Они оттеснят скифов на Крымский полуостров, где те все еще продолжают сохранять свою независимость в течение нескольких столетий.

Государство скифов было сложным миром с богатой и во многом еще темной для нас историей. Изучение ее и жизни исчезнувшего народа осложняется еще тем, что многие скифские обычаи перени-

мали соседние племена: загадочные невры, по словам Геродота, люди-оборотни, которым он приписывает чудесную способность при необходимости превращаться в серых волков; не менее таинственные меланхлены — «люди в черных одеждах»; будины, андрофаги и савроматы.

В период расцвета скифская культура была распространена на огромной территории от Карпат до Алтая. Всюду при раскопках погребений того времени археологи находят одинаковые украшения в зверином стиле, одно и то же оружие и настолько похожие предметы конской сбруи, словно ими снабжала кочевые стойбища, разделенные тысячами километров, одна мастерская.

Теперь, надеюсь, читателю понятно, как интересны были для нас сценки из скифского быта, изображенные древним художником на замечательной вазе. И все же они не столько проясняли загадки, сколько, пожалуй, добавляли поводов для размышлений и споров.

Важнее всего было, конечно, выяснить, где же именно грабители выкопали из кургана эти сокровища, каким-то загадочным путем очутившиеся потом в подполе на окраине Керчи. Но это было очень нелегко. По этому вопросу мнения особенно резко разделились.

Довольно дружно мы пришли, пожалуй, к одному выводу: искать родину Золотого Оленя надо не в окрестностях Керчи и вообще не в Крыму.

Возле Керчи и, можно сказать, даже прямо на ее улицах и огородах местных жителей были сделаны находки, ставшие украшением скифской коллекции Эрмитажа. Всемирно известны сосуд из Куль-Обы со сценками из военного быта скифов, золотая гривна — нашейное украшение в виде жгута из шести толстых проволок с изображениями всадников на концах, прекрасные золотые подвески, фиал для торжественных застолий, множество всяких мелких бляшек и украшений. Прямо на окраине города высятся прославленный Золотой курган, Царский, Змеиный. С высоты горы Митридат видна за ними цепочка сторожевых курганов. Их называют Юз-Оба, «сто холмов» по-татарски. Но на самом деле их гораздо больше, и многие еще не раскопаны. Это скифские погребения, но и в украшениях, которые в них находят, и даже в самом устройстве погребений чувствуется сильное греческое влияние.

Уже при беглом сравнении нашего золотого красавца с оленем, найденным в прошлом веке при раскопках Куль-Обы, становилось ясно: они весьма отдаленные родственники.

Золотую бляшку в виде оленя для погребения знатного скифа в Куль-Обе сделал греческий мастер, подражая скифскому звериному стилю. Но фигура оленя получилась у него скованной, безжизненной. Откиннутые на спину могучие рога слились с туловищем, отяжелив его и заставив прогнуться спину. А ради пущей красоты по всей фигурке оленя греческий тореут разбросал в разных местах еще чис-

то декоративные фигурки других животных: скачущего зайца, лежащего льва, барана, грифона.

Как все это было далеко от благородной простоты и грациозности нашего красавца!

— Но и не сибирская работа, Николай Павлович. У всех «сибирских» оленей вперед торчит один рог, а тут два. Да и вся манера исполнения иная.

— Не сибирский — бесспорно. А вот более точно привязать его к какому-нибудь месту в европейской Скифии, пожалуй, так же нелегко, как и вазу.

Н-да... Где же искать родину нашего Золотого Оленя? Где находился тот курган, из которого его выкопали грабители? Не в Крыму и, к счастью, кажется, не в Сибири.

Так я и размышляю и вдруг слышу:

— Присмотритесь внимательнее, какая морда у оленя. Вам не кажется, что в ней есть нечто от лося или, пожалуй, скорее от лосихи? Тупоносая, с горбинкой, губы толстые, добродушные. Подобные изображения находили в лесостепной полосе.

— Ничего похожего!

— Нет, пожалуй, Николай Павлович прав. Есть что-то лосиное.

— Ну художественная схожесть, свидетельство, к сожалению, весьма туманное. Даже точные копии могут оказаться в местах, весьма отдаленных друг от друга. Вспомните Чертомлыцкий горит. Точно такие же обкладки налучников, сделанные явно с одной формы, нашли ведь и в Мелитополе, и в Елизаветинской на Нижнем Дону, и под Винницей. Мне кажется гораздо более ценным другой признак: содержание бытовых сценок. Все они, в общем-то я имею в виду сценки из мирной жизни, говорят скорее о быте достаточно оседлом...

— Да, конечно, сценка пахоты...

— А этот строитель!

— Мне думается, все же искать надо где-то на землях царских скифов! Уж очень богатым было погребение.

— По-моему, тут явно изображено столкновение двух разных племен, — сказал я. — Одно, возможно, кочевое, другое более оседлое. Не случайно же все пешие без бород, а конники — бородатые.

— Конечно, Геродот, разделяя скифов на царских, кочевых, пахарей, земледельцев, алазонов и каллипидов, наверняка подразумевал под каждым названием не одно племя, а целую группу их, близких по хозяйственному укладу, месту обитания и положению в племенном союзе, — вдумчиво и неторопливо, как он любил, начал рассуждать Николай Павлович. — Разумеется, не из шести же всего племен состоял этот союз — могучее степное государство. Несомненно, скифских племен было много, и некоторые порой враждовали между собой. Но те доказательства принадлежности изображенных в

схватке воинов к разным племенам, какие вы привели, Всеволод Николаевич, мне кажутся недостаточно убедительными. Вспомните Солоху. Там тоже конные борются с пешими...

— На гребне? — нетерпеливо подхватил Виктор Лесновский, талантливый молодой археолог, несколько лет назад раскопавший интереснейшее скифское погребение в кургане прямо на окраине Керчи. — Конечно, на нем явно все скифы — и пешие, и конные.

— И все бородатые...

— Не только на гребне, — продолжал Николай Павлович. — А на Солохском горите? Весь этот изумительный налучник украшен военными сценками. И там, как и на этой чудесной вазе, бородаты лишь всадники. Все пехотинцы же, с которыми они сражаются, — безбороды. А и те, и другие, несомненно, скифы.

— Да, пожалуй, вы правы, Николай Павлович, — согласился я.

— Но вам не кажется примечательным, что здесь, на вазе пешие явно одолевают конных, успешно отражают их натиск? Значит, именно пешие, если так их назвать, и заказывали художнику вазу, чтобы увековечить свою победу.

— Да, Всеволод Николаевич, пожалуй, прав, — поддержала меня, правда не очень уверенно, Анна Матвеевна. — Победенные своим поражением, наверное, хвастать не стали бы. Тут в самом деле, возможно, запечатлена какая-то важная битва между разными племенами.

— Кто же тогда были эти пешие? Скифы-пахари? Скифы-земледельцы? Или невры? Будины?

— Ну нет. То, что все они — скифы, пусть даже из разных племен, по-моему, бесспорно. Полное сходство и одежды, и оружия, как и на Солохских украшениях.

— Конечно. А подвески? На них явно изображена змееногая богиня. Волосы, посмотрите, прямо переходят в какие-то извивающиеся жгуты, вроде змей. Змееногая была божеством, связанным с Днепром-Борисфеном. Так что, мне кажется, и искать курган, откуда все это выкопано, надо в Приднепровье.

— А точнее? На землях царских скифов или пахарей? И те и другие жили возле Днепра.

Вопрос Лесновского повис в воздухе. Ответить на него было некому.

— Вещи уникальнейшие, но определить их происхождение, пожалуй, будет не легче, чем сокровищ Бессарабского клада, — покачал седой головой один из археологов.

Он был прав, припомнив Бессарабский клад, найденный совершенно случайно незадолго до первой мировой войны неподалеку от Белгорода Днестровского. Там оказалось оружие, очень древнее — даже еще каменные топоры, вероятно, середины второго тысячелетия до нашей эры. Причем наконечники копий весьма походили на

те, какими пользовались в давние времена далеко от Днестра — в дремучих лесах по берегам Волги и Камы. Но рядом с ними лежал серебряный кинжал, какие находили в Греции, в Микенах! Другие же вещи были явно более поздние — и кавказского происхождения. Как они попали вместе в один тайник, кто их туда запрятал, так и осталось загадкой, — вероятно, уже навсегда.

Не грозит ли такая же печальная судьба и нашей находке? Как выяснить, где и кто выкопал из древнего кургана эти сокровища, прежде чем спрятать в подполе ветхого домика на одной из пыльных улочек Матвеевки?

— Это золото только путает и сбивает, — сердито сказал Николай Павлович, и все дружно закивали, соглашаясь с ним. — Если бы оказалось побольше керамики, пусть даже в осколках, а то два крошечных черепка. По ним ничего не определишь. Или вы все-таки что-нибудь сможете сказать, Анна Матвеевна?

Все с надеждой посмотрели на щупленькую старушку с большим венцом седых кос на голове. Держалась она скромно, незаметно. Но к ее слабому, неуверенному голоску почтительно прислушивались даже академики, потому что была Анна Матвеевна одним из лучших знатоков скифской керамики, всю жизнь изучая вот такие черепки.

Мы с надеждой смотрели на нее и ждали, что она скажет. Но Анна Матвеевна лишь покачала головой и вздохнула:

— Нет, по таким крохотным осколкам ничего определить нельзя, а гадать не стану.

Она снова, в какой уже раз, начала рассматривать невзрачные черепки в сильную лупу.

— Можно только сказать, керамика, несомненно, скифская, ручной лепки. Вон даже оттиски пальцев отчетливо заметны. А вот на этом осколке отпечаток какого-то зерна. Мне кажется, пшеничного, но надо уточнить...

Она передала мне лупу. И я увидел в нее, действительно, на одном черепке довольно отчетливый отпечаток пальца древнего гончара, а на другом — едва заметное продолговатое углубление, неровное, слегка ребристое.

— Да, если бы поменьше золота, но зато побольше керамики, — вздохнул кто-то за моей спиной.

— Вы многого хотите от грабителей, — засмеялся Николай Павлович. — Им куда важнее было золото, они за ним и охотились. Удивительно, зачем они черепки прихватили. Наверное, случайно закатились в вазу.

Покачав головой, он добавил:

— В том-то и беда, что находки эти дают простор для самых различных толкований. Уточнить же, где именно их выкопали, очень трудно. Боюсь даже, невозможно, если только не посчастливится ра-

зыскать какие-нибудь дополнительные сведения о том, кто их спрятал в подполе. Наверное, этим вам и придется заняться в первую голову, Всеволод Николаевич. Стать на время не столько археологом, сколько сыщиком.

Я молча кивнул.

Вечером, когда находки были тщательно взвешены, сфотографированы с разных точек, измерены, зарисованы и запрятаны в сейф, когда общими усилиями сочинили и отправили подробную ликующую телеграмму начальству в Киев, все разошлись. Я остался один. И все думал о том, какая трудная задача встала перед нами. Как же, в самом деле, узнать, из какого кургана выкопаны замечательные сокровища?

Видимо, погребение действительно было богатое. Искать его, наверное, надо в тех краях, где обитали, по Геродоту, царские скифы, возглавлявшие союз кочевых племен — где-нибудь в районе Никополя. В прошлом году примерно там же, только на левом берегу Днепра мой старый друг Василь Бидзиля, возглавляющий Запорожскую экспедицию, раскопал замечательное погребение пятого века до нашей эры. Правда, оно было разграблено в древности, но удалось обнаружить тайник, не замеченный грабителями. В нем оказалось немало превосходных вещей: серебряные чаши с изображением беседующих скифских вождей и ритон — рог для вина, серебряные кувшины, кубок, немало других драгоценных находок.

Явно где-то в тех же краях следует искать и родину Золотого Оленя. Хотя в находках из Гаймановой могилы очень мало общего с ним. На нашей вазе изображены главным образом картины оседлого быта. И эти отпечатки пшеничных зерен на осколке сосуда.

Возможно и другое — драгоценности были выкопаны из кургана какого-то вождя скифов-земледельцев. Они обитали севернее царских скифов. А может, еще дальше к северу, на границе лесостепи, где жили скифы-пахари и невры? Там и лоси водились. Неведомый древний художник мог изображать их прямо с натуры.

Нет, в тех краях не было таких богатых погребений. И конечно, это скифы, не невры. Может быть, какое-то скифское племя, еще неизвестное науке?

Если бы, действительно, кроме драгоценностей, нам в руки попало побольше бытовых предметов, какой-нибудь утвари, пусть даже разбитой посуды! Тогда наверняка бы многое прояснилось.

Мы вовсе не ищем сокровища, как порой это некоторые наивно представляют, а раскапываем памятники древности и кропотливо изучаем все, что в них окажется. Значение находок для науки вовсе не определяется ни материалом, из которого они сделаны, ни художественным мастерством, ни даже их уникальностью. Важно одно: помогают ли они заглянуть в прошлое, лучше представить его. А это нередко вообще невозможно сделать по отдельным, самым драго-

ценным находкам. Только все они вместе, причем особенно как раз предметы будничные, бытовые, на первый взгляд невзрачные — похожий на комочек засохшей грязи обломок разбитого горшка, проржавевший гвоздик, несколько буковок, нацарапанных на кусочке бересты, — позволяют воссоздать картину давней жизни. Как раз этого-то найденные в Матвеевке сокровища и не раскрывают.

Возвращаясь в гостиницу, я подумал о том, что следовало бы немедленно позвонить в Ленинград моему учителю, профессору Олегу Антоновичу Казанскому, сообщить об удивительной находке и посоветоваться. Но он опередил меня.

— Вам три раза звонили из Москвы, — встревоженно сказала дежурная, когда я вошел в темноватый холл гостиницы.

— Из Москвы? Кто?

— Не сказали. Очень приятный мужской голос, только страшно сердитый.

Я поспешно поднялся в номер, торопливо разделся, швырнув все еще не просохшее пальто на кровать, и только протянул руку к трубке, собираясь заказать Ленинград, как вдруг телефон сам затрезвонил. Через мгновение я услышал знакомый, мягко рокошущий, хорошо поставленный баритон:

— Алло! Всеволод? Где вас носит нелегкая? Пьянствовали?

— В музее задержался, Олег Антонович. Здравствуйте, — ответил я и хотел спросить, почему он оказался вдруг в Москве вместо Ленинграда, но не успел. Следующий вопрос Казанского совсем уже отдавал мистикой:

— Почему вы до сих пор не сообщили мне о Матвеевском кладе?

— Только что собирался. Задержался в музее, все изучали находки.

— Безобразия! Я узнаю о них последним да еще не от вас, а из десятых уст. Что вы там раскопали?

Я начал рассказывать, что мы нашли.

Олег Антонович слушал, порой недоверчиво хмыкая, а потом перебил меня:

— Что-то ничего у вас толком не поймешь, Всеволод. По-моему, вы все-таки выжили. Нет? Зря! Такое событие грех как следует не отметить. Значит, просто ошалели от радости, потому что ничего вразумительного от вас не добьешься. Ладно. Завтра прилечу на денек. Надо посмотреть, что за клад вы раскопали. Позаботьтесь, пожалуйста, насчет номера. Спокойной ночи.

Откуда он уже все узнал? Впрочем, всеведение было совершенно в духе профессора Казанского, так же как и напористая готовность бросить все дела и немедленно «прилететь на денек», чтобы собственными глазами полюбоваться на Матвеевский клад.

Да — только теперь дошло до меня — ведь и клад им был уже мимоходом окрещен! «Матвеевский клад» — именно так и будет он

отныне называться во всех ученых трудах.

Таким образом пыльная и грязная Матвеевка, не существующая ныне — сейчас на ее месте уже высятся новенькие веселые дома, — перед исчезновением с лица земли все-таки успела попасть в историю...

2

Без малого три часа рассматривал профессор Казанский найденные драгоценности и осколки сосуда. Он приехал в музей прямо с аэродрома, даже не заглянув в гостиницу, только милостиво кивнул, когда я почтительно доложил:

— Лучший номер вам достал, Олег Антонович. «Люкс».

Такое равнодушие было для Казанского необычным. Работая на раскопках, в поле, он мог спать прямо на земле, подстелив кусок брезента, но, приезжая куда-нибудь на конференцию или совещание, требовал непременно лучший номер в гостинице.

Казанский любовался сокровищами, а я — своим учителем. Профессор то брал в руки сильную лупу, то откладывал ее в сторону и даже отходил от стола, чтобы глянуть издали. Мясистое, крупной лепки лицо с высоким лбом под густой шапкой курчавых седых волос стало сосредоточенным даже до некоторой пугающей мрачности. Время от времени Олег Антонович характерным жестом захватывал ладонью остренькую мушкетерскую бородку, словно пытаясь оторвать ее. Для меня же его движения и жесты, давно хорошо изученные, были полны скрытого смысла.

Я видел, как увлечен он находкой. Но долго восторгаться Олег Антонович не любил. Он быстро настраивался на деловой лад:

— Масса интереснейших подробностей, ты прав. И конечно, все с натуры, все увидено своими глазами. Надо искать, где это выкопано.

Я засиял от радости и спросил:

— Как вы считаете, Олег Антонович, — похоже, тут представители двух разных племен изображены. Кочевого и оседлого.

Он не ответил, задумчиво поворачивая и рассматривая вазу.

— Соплеменники не стали бы воевать между собой, — не унимался я.

— Логично, но при одном условии: если художник изобразил реальные исторические события, а не вдохновился какой-нибудь легендой, как и создатель горита из Солохи. А это гораздо вероятнее. Батальной живописи тогда ведь еще не знали.

— Одни на конях, другие пешие. Одни бородатые, другие — безбородые. И в одежде разница есть, хоть и небольшая.

— Ну какая там разница! В числе пуговиц на кафтанах? Нет ничего опасней поспешных выводов. Они как шоры. На горите из Солохи тоже одни бородатые, другие безбороды. Чисто условный прием. Надо же было художнику как-то обозначить противников, чтобы

мы их различали. Или облагородить их, изобразить «Идеальных воинов». На Солохском гребне сражаются скифы — двое пеших против одного конника. И одеты они по-разному: у пеших поверх кафтанов панцири, у конника на голове не обычная войлочная шапка, а греческий шлем, на ногах поножи. Однако ни у кого не возникает ни малейшего сомнения: все они скифы. Верно?

Он опять отодвинул вазу подальше, чтобы полюбоваться.

— Так что гипотеза ваша, друг мой Всеволод, слишком скороспела, повисает в воздухе. Не исключено, что тут изображены представители двух разных племен. Но пока это лишь предположение. Несомненно лишь одно: и те и другие — скифы. А что это с головой они у него делают? — заинтересовался профессор, ставя вазу на стол. — Дай-ка лупу.

— Сергей Сергеевич считает, какой-то магический обряд совершают над покойником.

Казанский недоверчиво хмыкнул:

— Делают дырку, чтобы душу покойного выпустить на волю? Это что-то новенькое. Но, поскольку письменного описания всех своих ритуалов они нам оставить не удосужились, заманчивые просторы открываются. Один что-нибудь придумает, другой опровергнет и предложит свою выдумку, еще более невероятную. Тут на несколько диссертаций можно нафантазировать.

Мне не оставалось ничего другого, как промолчать.

— И красавец этот разве не подтверждает, что древности без всяких сомнений скифские? — продолжал профессор, откладывая лупу и снова любовно беря в руки Золотого Оленя. — Превосходнейший образец классического звериного стиля. Типичнейший!

— Не хуже Костромского, Олег Антонович, правда?

— Не хуже, ничуть не хуже. Пятый век? А может, пораньше? Посмотри, какими широкими плоскостями, без излишней детализации, изображена мускулатура. Явно еще не забыты старые традиции резьбы по дереву.

Положив Оленя, Казанский начал раскуривать толстую трубку, но тут же нахмурился, задумчиво оглядел разложенные на столе сокровища и вдруг сказал:

— И все же, сдается мне, будто этого красавца я где-то видал.

Я обмер.

— Где? Вот запомнил! — буркнул Олег Антонович, потирая височки, с залысинами крутой лоб.

— Может, он вам напоминает бляшку из-под Полтавы? — спросил я. — В самом деле, пожалуй, в очертаниях морды у него есть что-то лосиное, как и у оленя на этой бляшке. Я сравнивал.

— Какую бляшку?

Я быстро нашел книгу, открыл заложенную страницу и показал ему:

— Вот эту.

— Ах, из коллекции Эберта. Некоторое сходство, пожалуй, есть. Но я другого оленя имел в виду, — повторил он и с очаровательной непоследовательностью похвастал: — У меня же прекрасная, абсолютная память.

Олег Антонович прошелся по комнате, потом остановился передо мной, нацелил мне в грудь дымящуюся трубку, точно пистолет, нестрого сказал:

— Надо искать! Вещи уникальные и могут привести к важным открытиям. Скорее всего припрятали их в годы революции и гражданской войны или незадолго перед этим. Где же их выкопали «счастливики»?

«Счастливицами» с изрядной долей иронии прозвали керченские жители тех, кто до революции сделал своей опасной профессией поиски и ограбление древних могил. «Счастливики» были злейшими врагами археологов. В алчной погоне за драгоценностями они вскрывали и уродовали древние погребения, выбрасывали из них куда попало или даже просто варварски уничтожали все, казавшееся им ненужным, а для ученых представлявшее ценность отнюдь не меньшую, чем золото. Между археологами и грабителями шла форменная затяжная война — с облавами, засадами, жертвами: в 1918 году, воспользовавшись беззаконием, царившим при оккупантах, «счастливики» зверски убили тогдашнего директора Керченского музея талантливого археолога Шкорпила.

«Воспринимаются в Керчи и окрестностях всякого рода самочинные кладоискательские раскопки для добывания древних памятников, являющихся народным достоянием. Надо помнить, что обязанностью каждого гражданина является охрана и защита памятников старины и искусства и неисполнение этого повлечет за собой ответственность по закону военно-революционного времени», — провозгласила народная власть в одном из первых декретов местного Военно-Революционного Комитета, расклеенных на улицах Керчи всего через неделю после изгнания белых.

Однако «счастливики», конечно, еще некоторое время по инерции продолжали хищничать. Но никакого сочувствия в народе они уже не находили, и вскоре удалось навсегда обуздать воровскую вольницу.

— Надо непременно выяснить, где они, шельмы, все это раскопали! — решительно повторил профессор. — Ведь не один же такой курган там был. Должны найтись и другие погребения. Так что любой ценой надо выяснить, кто спрятал эти сокровища в погребке и где он их, негодяй, украл!

— Где его найдешь? Не в уголовный же розыск обращаться.

— При чем тут уголовный розыск? Не остри так бездарно! — напустился он на меня. — Сам ищи! У археолога нюх должен быть, как

у ищейки. Забыл — или скорее вовсе не знал: у древних греков в его первоначальном смысле слово «история» означало «расследование». Вы запрашивали хотя бы адресный стол, кто там жил в этой хибарке? Нет. Напрасно! Где у вас телефон?

Казанский тут же позвонил в адресный стол, прочел коротенькую лекцию о значении для науки обнаруженных в Матвеевке сокровищ — и ему поклялись немедленно разыскать, куда переехали жильцы из снесенного домика. Я только успевал подсказывать Олегу Антоновичу громким шепотом необходимые сведения, любясь его напористой энергией и еще не подозревая, насколько точно запутанная история, начавшаяся находкой загадочного клада, оправдывает древнегреческий «первоначальный смысл» этого слова и сколько нам доставит хлопот.

А Казанский уже явно входил во вкус и начинал расправляться с загадками с решительностью опытного детектива.

— Черепки? — попыхивая трубкой, сказал он. — Вас удивляет, почему воры украли вместе с драгоценностями и осколки сосуда? Значит, разграбил курган некто, не чуждый археологии. Его заинтересовала и керамика, вот он ее и прихватил вместе с золотом — как подтверждение, что древности не фальшивые.

— Археолог-грабитель? — недоверчиво спросил я.

— А разве таких не бывало? Разворовал же в девятьсот четвертом году проходимец Шульц Келермесское погребение. Всякое случилось. Возможно, эти сокровища отняли у какого-нибудь археолога, прикончив его, так что он и сообщить о своей находке не успел.

— Ну а если выяснить, откуда украдены сокровища, не удастся? Тогда, где вы считаете, Олег Антонович, надо организовать поиски?

— Дай-ка карту. Наверное, здесь, — сказал он, указав пальцем на излучину Днепра между Запорожьем и Никоподем.

Вот приятный сюрприз: наши предположения совпали! Но проклятый мой нерешительный характер требовал еще подтверждений, и я стал задавать «провокационные» вопросы, рискуя вывести профессора из себя.

— Вы думаете, на землях скифов царских? А не севернее? Все-таки, слишком много явных признаков оседлости в сценках на вазе. И отпечаток зерна на керамике.

— Новое племя тебе хочется открыть? — понимающе усмехнулся Олег Антонович. — Мало, брат, керамики, чтобы такие далеко идущие выводы делать. Даже Анна Матвеевна, как ты рассказывал, не берется определить, откуда эти жалкие черепки — из-под Киева, из Каховки или, может, из Казахстана. Ну какой там признак оседлости — единственный отпечаток пшеничного зерна? Все ведь хлебом питались — и кочевники, и земледельцы. Не было у скифов ни одного племени, какое можно назвать по-настоящему оседлым. Даже те, что занимались земледелием, истощив один участок земли, пересе-

лялись на новые места да и в свободное от полевых работ время тоже кочевали. Но пусть это земледельцы, если так тебе хочется. Все равно искать надо где-то тут, — постучал он пальцем по карте, — пусть немножко севернее Чертомлыка и Солохи, но в тех же краях, где земледельцы соседнили со скифами царскими. Может, в самом деле, посчастливится, наконец, нащупать границу их земель? Хотя была она, конечно, весьма условной, подвижной. Разные по хозяйственному укладу племена наверняка обитали рядом на одной и той же территории, обмениваясь продуктами и традициями. Тем интереснее выяснить места их обитания, уточнить, наконец, этнокарту Скифии.

— А если не земледельцы, а скифы-пахари, Олег Антонович?

— Они тоже недалеко от скифов царских обитали. Если уж гадать, то и я тебя могу спросить: а почему бы не невры? Или будины? По каким, скажи на милость, признакам так упорно на север тебя тянет, в лесостепь? — уже заметно начиная сердиться, спросил он. — Только потому, что с чьих-то слов тебе в этом красавце нечто лосиное стало мерещиться? Так ведь это не аргумент, а впечатление, и весьма субъективное. Почему бы тогда не поискать и под Воронежем? И там лесостепь была. И лоси там водились, любили местные мастера их изображать. И сосуд, как тебе прекрасно известно, там нашли великолепный со сценками из скифского быта при раскопке Частых курганов. Может, туда кинуться? Или в Сибирь. Там тоже изображения оленей, весьма похожих на лосей, попадают.

Посопев опять погасшей трубкой, он добавил:

— Так гадать можно без конца. А исходить надо из реальных фактов. О том, что погребение это раскопано было, если не на землях кочевых скифов, то пусть у их соседей-земледельцев, свидетельствует прежде всего его богатство. Одна ваза чего стоит. Нигде на периферии Скифии ничего похожего не находили.

— А Литая могила?

— Ну и что — Литая? Да, погребение богатое, хотя и не скифское. Но за счет чего? За счет драгоценностей, привезенных из военного похода в Переднюю Азию.

— Ну а все-таки — Частые курганы? — не унимался я. — Жили там будины, а на сосуде, который вы помянули, изображены типично скифские воины и по одежде, и по вооружению.

— Поэтому ты предлагаешь поискать там? Но ведь еще неизвестно, как этот сосуд попал к вождю будинского племени. Может, он его просто купил у заезжего греческого кушца. Но не исключено, что это тоже — военная добыча: захватил он сосуд, убив какого-то скифского воина. В том-то и беда, что по одним драгоценностям никак не определишь, где находилось погребение — и даже скифское оно было или нет. С таким же успехом по Матвеевской вазе можно отправиться на поиски и в края описанных Геродотом меланхленов, о которых

мы до сих пор почти ничего толком не знаем, кроме того, что носили они «черные одежды». Или в края совсем уже загадочных андрофагов, — и Олег Антонович с явным удовольствием процитировал нараспев Геродота: — «Из всех людей андрофаги имеют наиболее дикие нравы: они не признают правды и не имеют никаких законов. Они ведут кочевую жизнь, носят одежду, похожую на скифскую, но имеют особый язык, они одни из этих племен едят людей...» Попро-буй-ка указать, где обитали андрофаги, по этим признакам!

Посмотрев на Золотого Оленя, он добавил:

— А против воронежского варианта поисков есть, кстати, беспорное археологическое возражение. Среди украшений в зверином стиле там господствует кабан, вепрь, а олень не олень. Забыл?

— Значит, искать где-то севернее Чертомлыка? Или Солохи?

— Если бы я мог тебе указать точно, то сам бы лучше поехал копать, — усмехнулся Олег Антонович. — Нет, брат, придется основательно поискать, и, боюсь, немало времени это отнимет. А начать, думаю, надо с разведки правого берега Днепра. На левом берегу поселения и курганы скифов-земледельцев попадаются реже. Впрочем, и их проверить надо. Повезло же там Бидзеле с Гаймановой могилой? Вот, кстати, наглядный пример: богатейшее погребение, а легко ли по находкам определить, какие именно скифы тут жили: земледельцы или царские? А?

— Олег Антонович, все это так, но разрешат ли мне в тот район перебраться? Вдруг поручат просто Запорожской экспедиции провести дополнительные разведочные раскопки...

— Ну, это некрасиво будет. Ты же в некотором роде первооткрыватель Матвеевского клада. Дадут тебе небольшой разведочный отрядик. Много народа с собой не бери, не то мобильность потеряешь. И прежде всего надо побольше площадь осмотреть, выборочно раскопать в разных местах несколько курганов. Кто сейчас твой непосредственный начальник? Все еще Петренко?

— Он.

— Ну так чего ты беспокоишься? У вас же хорошие отношения еще с институтской поры. Или поцапались из-за чего?

— Нет, отношения нормальные. Какие могут быть у подчиненного с начальством, утверждающим отчеты и сметы.

Казанский понимающе улыбнулся.

— Ну, значит, тебе бояться нечего. Тем более Петренко ведь тоже мой ученик. Думаю, к моему мнению прислушается, хоть и начальником стал.

— Но вы же его знаете. Для Димы дорога слава родного института, а кто именно ее добывает, не так уж важно.

— А что? Похвальная позиция, — засмеялся Олег Антонович. — Боишься, что он подавит тебя принципиальностью и уговорит пожертвовать личными интересами ради общественных, тем паче что

вы друзья? Дима руководитель напористый. Но ты что-то рано в поход собрался. Во-первых, надо срочно статеечку о Матвеевском кладе написать в «Проблемы археологии» с приложением хороших фотографий. Думаю, ее пропустят вне всякой очереди. Пусть и другие над твоими находками головы поломают. Или ты их своим личным достоянием считаешь? А во-вторых, надо еще сначала и здесь, в Керчи, как следует поискать. Может, удастся нащупать, кто же сей клад в подполе припрятал...

И тут, словно спеша ответить на этот вопрос, затрезвонил телефон.

Я поспешно схватил трубку.

— Адресный стол? — я начал лихорадочно шарить среди бумаг в поисках карандаша. — Да, да, это музей! Слушаю вас... Диктуйте, я записываю. Так. Маркина Полина Петровна... Тысяча девятьсот второго года рождения... Уроженка села Пеньки Курской области. Где она сейчас проживает? Ага, понятно...

Потом мне продиктовали подробные паспортные данные и новые адреса двух мужчин, раньше проживавших в снесенном доме, — Карпенко и Авдеева и еще какой-то чуть ли не столетней Прасковьи Ивановны Егорушкиной, хотя она-то, как и Маркина, вряд ли была способна раскопать где-то за тридевять земель курган с древними сокровищами и коварно припрятать их в погребе.

По настоянию Казанского я тут же отправился разыскивать бывших обитателей Матвеевки по их новым адресам. Ордера им всем выдала в разные районы. Но уже первая беседа — с мрачноватым, небритым шофером Авдеевым — принесла нам полное разочарование.

— Откуда же мы можем знать, кто в том доме жил до революции, когда сами в нем только после освобождения Крыма от фашистов поселились?

— Все четыре семьи?

— Конечно. Дом пустой стоял, сильно порушенный. Вот нас в него и вселили.

— А кто до войны в нем жил?

— Вот этого уж не скажу, не знаю.

Однако Олег Антонович ни капельки не расстроился, когда я обескураженно поведал ему о полной неудаче начатых поисков. Наоборот, он даже как будто обрадовался и, потирая руки, бодро сказал:

— Отлично, значит, круг сужается! Мы уже ближе к цели. Теперь остается лишь выяснить, кто жил в той хибарке до войны и куда подевались ее прежние обитатели. Займитесь этим немедленно! И лучше поезжайте сами в адресный стол, мой друг. Не давайте им покоя, пока не разыщут всех прежних жителей!

Олег Антонович все делал страстно, увлеченно, и трудности лишь

подбадривали его. Мне бы такой характер.

На следующий день я отправился в адресный стол. Выполнить задание оказалось нелегко, потому что архивы сильно пострадали за время войны и гитлеровской оккупации города. Но все-таки к вечеру удалось установить имена хотя бы двоих, несомненно живших в снеженном домике до войны: слесаря-пенсионера Никитина, умершего в 1943 году, во время оккупации, и какой-то Авдотьи Горячкиной, неизвестных занятий, — она выехала в самом начале войны к сыну в Свердловск, где и следовало, видимо, разыскивать ее дальнейшие следы.

Вряд ли Горячкина имела какое-то отношение к спрятанным сокровищам. К тому же у нее бы нашлось достаточно времени забрать их с собой. Если же их спрятал в подполе бывший слесарь, то, ясно, успеть прихватить их на тот свет он не смог. Но и выяснить у него, он ли выкопал из кургана загадочные драгоценности, теперь было, конечно, невозможно.

Сомневаюсь вообще, что довоенные жильцы подозревали о спрятанном в подполе кладе. Дотошные сотрудники местного архива отыскиали среди старых бумаг чудом уцелевшее постановление местного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, датированное 16 октября 1922 года. Оно разрешало «трудящемуся слесарю Никитину А.В. построить дом на освободившемся участке, из материалов, сохранившихся от прежних зданий».

Формулировка была довольно туманной, но из нее, несомненно, следовало, что дом, при сносе которого обнаружили строители удивительный клад, построен уже после революции — на месте каких-то развалин. И если Никитин так и умер, не воспользовавшись спрятанными сокровищами, вполне естественно было предположить, что он о них ничего и не знал. Драгоценности явно были запрятаны еще до революции — в подполе дома, разрушенного или сгоревшего в годы гражданской войны. Они затерялись среди мусора. На пустыре же построили новый дом. Шли годы, в нем, ничего не подозревая о спрятанном кладе, сменялись жильцы, пока и этот дом не пришел в полную ветхость.

Таким образом, тоненькая, полуистлевшая ниточка, очутившаяся у нас в руках, оказалась совсем непрочной и тут же оборвалась! Но Олег Антонович и теперь не пал духом.

— Ну что же, — сказал он, — тогда поступим так. Мне пора в Москву. Директор музея, насколько мне известно, жаждет поскорее избавиться от драгоценностей и отправить их в Особую кладовую Эрмитажа. Я с ним договорюсь на этот счет, а мы с вами поедем в Симферополь, и я перед отлетом выступлю по телевидению. Покажем найденные вещи, расскажем об их значении для науки и попросим, чтобы нам помогли отыскать бывших жителей этого заколдованного домишки в Матвеевке. Потом уже вашу находку из Симферополя

отправят в Эрмитаж.

Нас сопровождал молчаливый охранник с пистолетом на поясе — инкассатор местного банка. Вооружен был и шофер, и от этого становилось тревожно. А вдруг какие-то злоумышленники пронюхали, что мы повезем в Симферополь бесценные сокровища, устроили где-то по дороге засаду и собираются напасть на нас?

Признаться, эти глупые мысли никак не выходили у меня из головы, отчего я слушал Олега Антоновича невнимательно, на его вопросы отвечал невпопад, так что он удивленно поглядывал на меня и крикал.

Телевизионная передача прошла удачно. Казанский был в ударе и рассказывал о жизни и быте скифов с красочными подробностями очевидца. Обстоятельно объяснив, как важно выяснить, где именно были выкопаны из кургана скифские драгоценности, Олег Антонович закончил свое выступление призывом ко всем, кто что-нибудь знает о людях, живших в разрушенном доме до революции, сообщить поскорее об этом в Керченский музей.

Потом мы в сопровождении так и не проронившего ни единого слова охранника отвезли драгоценности в местный музей и сдали по всем правилам, чтобы поскорее переправили их в Ленинград. Я завез Олега Антоновича на аэродром и отправился обратно в Керчь.

— Немедленно извещайте меня о всех новостях, — напутствовал меня Казанский. — Немедленно! Я уверен, новости будут. Кто-нибудь непременно откликнется. И статью, статью пиши срочно! — погрозил он мне пальцем. — Пока ее не пришлешь, шефу твоemu звонить не стану.

Когда я утром пришел в музей, меня там уже поджидал первый же поспешивший к нам на помощь. Этому человеку суждено было принять самое деятельное участие в расследовании запутанной истории Матвеевского клада.

Но в тот день я ничего подобного и представить не мог. Признаюсь честно, с первого взгляда посетитель показался мне ничем не примечательным: грузный, круглолицый, лысый, в помятом костюме с давно уже немодными широченными брюками.

— Клименко Андрей Осипович, — высоким голосом, неожиданным для его комплекции, представился гость, когда я пригласил его присесть у своего стола, несколько демонстративно начав поправлять разложенные бумаги.

Гость отнюдь не был простаком. В глазах у него промелькнула усмешка, и он добавил, крепко пожимая мне руку:

— Бывший следователь, с полувековым стажем.

— Следователь? — удивился я. — Но вам, видимо, надо к директору. Я тут лицо временное, в командировке...

— Не тревожьтесь, я не по служебным делам. Уже давно на пенсии. Просто смотрел вчера вашу передачу и заинтересовался.

— Ах так, очень приятно. Слушаю вас.

— Я насчет этого клада в тайнике. Остатки чемоданчика нельзя ли посмотреть?

Просьба показалась мне неожиданной.

— Какого чемоданчика? — переспросил я.

— Ну, в котором сокровища были. Профессор вчера рассказывал, что они находились в чемодане, который почти истлел. Остались от него только ручка да часть стенок. Верно?

Я кивнул, мучительно стараясь припомнить, куда же девал остатки злосчастливого чемодана. Кажется, засунул их вместе с брезентом, в котором вез сокровища, на шкаф. Пошарил там и в самом деле обнаружил сверток.

Я положил сверток на стол и развернул его:

— Вот, пожалуйста. Дать вам лупу?

— Не тревожьтесь, спасибо, у меня своя, — ответил Клименко, не поднимая головы, и достал из кармана небольшую кожаную сумочку. В ней оказались не только превосходная сильная лупа, но и пинцет. Пинцетом Андрей Осипович начал остороженько разбирать остатки чемодана, пристально изучая их в лупу, с повадками привычного к таким деликатным операциям человека.

— Да, старенький чемоданишко, дореволюционный, — сказал наконец Клименко. — Халтурная работа одесской фабрички братьев Зон. Конечно, не исключено, чемоданчик мог у кого-то залежаться, и закопали его уже после революции. Но, пожалуй, вы правы, пробыл он в земле лет полсотни, не меньше. А больше ничего, кроме драгоценностей, в чемодане не было? Обрывка газетки какой-нибудь?

Я неопределенно пожал плечами, потом вспомнил:

— Бритва еще была. Я ее строителям отдал, больно она им понравилась. А нам она ни к чему.

— А какой марки бритва, не помните?

— Безопасная. По-моему, еще дореволюционная, серебряная.

— Ну ладно, вам она, конечно, не нужна, а все же... Ничего, я ребят этих разыщу и посмотрю у них бритвочку, — сказал Клименко, делая пометки в крошечном блокноте. Потом он опять начал рассматривать в лупу остатки чемодана и вдруг сказал: — А пожалуй, есть одна отметинка, позволяющая, мне думается, довольно точно датировать время, когда именно запрятали чемоданчик. Гляньте-ка сюда, — пригласил он.

Я послушно склонился и посмотрел в подставленную лупу.

— Видите, фибра слегка покоробилась и потемнела, явно подгорела. Видите подпалину?

— Вижу. Вы думаете, это подпалина?

— Да, след ожога.

— Ну и что?

— Жалко, конечно, что вы так неосторожно изымали находку, —

покачал головой Клименко. — Надо бы по всем правилам — сначала сфотографировать, прихватить и землицы по соседству. Не помните, попадались там в земле угли или остатки обгоревших досок? Может, кирпичи обожженные?

— Не помню, там же все перерыто было.

— Верно, ведь не вы нашли чемодан. Что я вас допрашиваю. Эскаваторщики. Н-да, конечно, теперь уже копать там поздно, все переверостили. Но, думаю, все-таки это след того пожарчика.

— Какого?

— Наверное, я вас огорчу и разочарую. Но, боюсь, хозяина чемоданчика мы уже никогда не найдем, — задумчиво произнес Андрей Осипович, поглядывая на меня из-под приспущенных век. — Там, где вы клад нашли, стоял до революции двухэтажный домишка, с просторным двором, имевшим выход на соседнюю улицу. Хозяева его за время гражданской войны куда-то исчезли, и в брошенном доме всякое жулье устроило свою воровскую «малину». Свинья, как говорится, грязь всегда найдет. В те годы развелось в Керчи таких бандитских притонов немало. Вот мы и начали их чистить. Меня к тому времени только прикомандировали из армии в ЧК после разгрома Врангеля. Сначала в Джанкое служил, потом в Керчь перевели. И одной из первых операций, где довелось мне участвовать, оказалась как раз эта облава в Матвеевке. Тогда впервые ранен был — как же мне такого события не запомнить? — улыбнулся он. — Перекоп штурмовал — и ни царапинки, а тут — на тебе! Правда, легко ранило, пустяково. Такую молодость разве забудешь? Я потом и в Москве работал, и в Ленинграде, и в Харькове. А на склоне лет потянуло снова в Керчь. Как на пенсию вышел, так и переехал сюда. Да и климат тут для пенсионного возраста подходящий. Копаюсь в садике, рыбку ловлю, боевую, молодость вспоминаю.

И дальше Андрей Осипович так же не спеша, обстоятельно рассказал, как в конце февраля 1921 года было решено покончить с матвеевской «малиной». Дождливой ветреной ночью туда отправились все сотрудники местной ЧК. Им были приданы комендантский взвод и отряд чоновцев. Оцепив весь поселок, они начали сжимать кольцо облавы, обыскивая дом за домом. Бандиты дважды пытались прорвать кольцо, но отступали под огнем чекистов.

— Так мы их помаленьку и загнали во двор того дома, что самой главной «малиной» служил. Крикнули им, что никому, мол, не вырваться, оцепление прочное. Предложили сдать оружие. Ну, они сами видели, вырваться не удастся. Большинство, конечно, сдалось. А часть самых отпетых, кому нечего было рассчитывать на пощаду, попыталась прорваться, так что дело жаркое получилось. Некоторых перебили в бою, но кое-кто, конечно, прорвался, ушел. Однако город немножко поочистили: были убиты такие крупные бандюги, как Лешка Косой, налетчик Арсений Хватов, известный вор Кравченко

по кличке «Артист», еще кое-кто. Арестовали человек сорок. В общем, «малину» ликвидировали под корень, тихо стало. Тем более дом сгорел. Может, загорелось случайно: разбили бандиты керосиновую лампу в одной из комнат, когда мы стали в окно стрелять. Но скорее кто-нибудь из них специально поджег, плеснул керосинчиком...

— Зачем?

— Чтобы побольше паники навести и попытаться под шумок уйти. Думаю, главари рассчитывали и на то, что с польхающим пожаром за спиной наверняка все отчаяннее сопротивляться станут. Отступать-то некуда. Расчет, в общем, конечно, правильный был.

— Значит, дом, где в подвале был запрятан чемодан со скифскими драгоценностями, сгорел? Вы точно знаете?

— Никаких сомнений. Догла сгорел. А годика через полтора развалины там расчистили и уже построили два домика поменьше — так примерно осенью двадцать второго года.

— Правильно, — сказал я. — Это потом слесарь Никитин там поселился.

— Старый-то фундамент с чемоданом в подполе, видимо, в сторонке остался, вот клада и не обнаружили. Только теперь на него наткнулись, когда все там расчищать стали.

— А кто же, по-вашему, мог там в подполе чемодан со скифскими драгоценностями спрятать? Может, среди бандитов были «счастливичики»? Что это за Артист, которого вы помянули?

— Настоящее его имя, кажется, было Федор, фамилия — Кравченко. А прозвали его так, потому что любил похвастать знакомством якобы с разными художниками, музыкантами, артистами. Была у него такая слабость. Этаким вор-меценат, покровитель «свободных художников». Театры, эстрады тогда позакрывались, а артистам кормиться-то где-то надо было. Так что кабаре поустраивали в каждом подвальчике. Мы в эти притончики частенько заглядывали, держали их под наблюдением. Туда и красноармейцы ходили, разрешалось. Кругом шпана всякая, буржуи недобитые, а некоторые разявы-солдатики по наивности, представляете, даже винтовки в раздевалку сдавали, словно зонтики. Забавное время было!

— А не мог он все-таки эти драгоценности где-то выкопать и там припрятать? Этот Артист?

— Нет, раскопками и грабежом могил он, насколько мне известно, не занимался, — покачал головой Клименко. — У них ведь в воровском мире строгое разделение труда существовало. Если уж «медвежатник», так только сейфами занимался. «Домушник» налетчиков сторонился. И «счастливичики» своей особой кастой были.

— Кто же тогда спрятал чемодан? Ведь это сделал явно не простой вор. Кто-то, разбирающийся в нашем деле.

— Почему вы так думаете? — заинтересовался Клименко.

Я рассказал ему о древних черепках, спрятанных вместе с драгоценностями.

Бывший следователь одобрительно кивнул:

— Вполне логично. Почему же вас это озадачивает? Лишнее подтверждение, что не бандиты выкопали драгоценности из кургана. Сделал это кто-то другой. А вор просто свистнул у него чемодан и припрятал на время в подполе «малинь» — вполне возможно, тот же Кравченко. Он в «малину» заглядывал частенько и в тот вечерок закатился туда погулять, на свою беду. А характером горячий был, вот и попал под пулю. Наверное, было еще что-нибудь в чемоданчике. Вещи поценнее, вроде серебряной бритвы, сразу сбыть не решился, не хотел продешевить, оставил до лучших времен. Тем более драгоценности. Не будешь же их продавать первому встречному. Сомневаетесь? А мне кажется, версия самая убедительная. Вы задумайтесь хотя бы, почему драгоценности оказались именно в чемодане. Разве это подходящее для них хранилище? В чемодан обычно укладывают вещи, какие берут в дорогу. А уж для хранения в тайнике можно подобрать упаковку получше, понадежнее: какой-нибудь сундучок или просто железную банку. А чемодан — хранилище непрочное, пригодное больше для перевозки.

— Пожалуй, вы правы, — согласился я.

Мне начинали все больше нравиться житейская опытность, проницательность и спокойная рассудительность бывшего следователя. Но чем убедительнее казались его доводы, тем мрачнее выглядела перспектива наших поисков.

— Н-да. Ну спасибо вам, Андрей Осипович, — сказал я похоронным тоном.

— За что? За то, что вас огорчил?

— Зато избавили от напрасных поисков.

Он протянул руку к лежавшим на столе фотографиям находок:

— Можно глянуть поближе?

— Конечно, пожалуйста.

Клименко стал разглядывать фотографии. Золотой Олень его совсем не заинтересовал, так что я даже почувствовал легкую обиду. Дольше он рассматривал фотографии сенок, изображенных на вазе, — особенно битвы, с уважением заметив:

— Тонкая работа. Каждая деталь оружия отчетливо видна.

Мне показалась несколько забавной такая, профессиональная, что ли, оценка старого чекиста. И, видимо, заметив это, Андрей Осипович, как бы извиняясь в простительной слабости, добавил:

— Я давно холодное оружие собираю. Так сказать, хобби. Нынче это модно, а время пенсионеру куда девать? Как-нибудь покажу вам свою коллекцию. Знатоки говорят, неплохая.

Заинтересовали его и фотографии осколков горшка — опять с довольно необычной стороны:

— Какие отчетливые отпечатки пальцев гончар оставил. Живи он в наше время, мы бы его моментально по ним разыскали.

3

Я все-таки надеялся, что Клименко ошибается и вдруг кто-нибудь еще откликнется на передачу и принесет адрес бывшего владельца загадочного чемодана.

Правда, ожидая приятных новостей, я все же написал Казанскому обо всем, что рассказал Клименко. И опасения бывшего следователя оправдались. Прошел день, другой, третий — слабая надежда стала тускнеть и меркнуть.

Никто не приходил с радостной вестью. Звонки по телефону, правда, раздавались, но все какие-то вздорные. Несколько раз звонили просто любопытствующие и надоедливо допытывались — «поймали, наконец, жуликов, укравших из музея браслет и серьги?».

Помня совет Олега Антоновича, все эти дни я работал над статьей о находках. Слава о Матвеевском кладе уже распространялась. Дважды мне звонили из редакции журнала и торопили. Наконец, я статью послал: только факты, описание находок, никаких поспешных гипотез о том, откуда они могли попасть в Матвеевку.

А тут пришло письмо от Казанского с совершенно неожиданными вестями.

Первое, что я увидел, поспешно вскрыв конверт, оказалась какая-то фотография. Она выпорхнула бабочкой и, покружившись в воздухе, упала на пол. Я схватил ее и остолбенел: у меня в руках была фотография Золотого Оленя! Снимок был отпечатан неважно, но никаких сомнений не оставалось: совпадали в точности все детали.

Удар был сокрушительным. Выходит, наша находка вовсе не уникальна? У Золотого Оленя есть двойник?

Я лихорадочно принялся читать письмо.

«Друг мой Всеволод! Приятно известить вас: память меня не подвела. Она у меня, как вы лишний раз можете убедиться, действительно замечательная. Я отыскал двойника вашего красавца! Оказывается, он в самом деле существовал, хоть и появился на свет весьма ненадолго и при довольно темных обстоятельствах, что извиняет мою временную забывчивость.

Посылаю вам фотокопию иллюстрации со страницы 902 двадцать четвертого тома «Akad. der Wissenschaft» за 1923 год. Прекрасно понимаю, мой друг, как вы огорчены, и спешу вас тут же обрадовать, хотя мог бы поинтриговать: олень, изображенный на фотографии, — подделка! С ним связан довольно грязный скандал, историю коего, со всеми подробностями обстоятельно рассказанную в упомянутом ежегоднике, я вам сейчас изложу покороче... Итак, в кратком изложении дело развивалось следующим образом. Осенью 1921 года в

Берлинский музей «явился некий господин, поставивший одним из непереносимых условий переговоров требование, чтобы его имя ни при каких обстоятельствах не называлось, ибо он служит только посредником» — привожу точные цитаты тех мест из статьи, которые особенно важны для наших поисков. Сей таинственный незнакомец предложил музею ни больше ни меньше как приобрести через него «у одного лица, бежавшего от ужасов большевистского террора из России», скифские драгоценности.

При вторичном визите незнакомец принес золотую бляху в виде оленя, фотографию которой я вам прислал, а подлинник, к счастью, уже надежно хранится в золотой сокровищнице Эрмитажа.

Ну, в таком солидном музее, конечно, сидели не дураки. Памятью печальную историю с покупкой в свое время Лувром пресловутой «тиары царя Сайтафарна», оказавшейся ловкой подделкой гениального одесского ювелира Рахумовского, чиновники золотую бляху сразу не купили, хоть она им и понравилась, а потребовали оставить ее для консультации со знатоками скифских древностей. Таинственный продавец согласился — то ли из-за слишком наглой самоуверенности, то ли просто потому, что некуда было деваться.

И поначалу ему повезло! Специально собранная весьма авторитетная комиссия тщательно изучила бляху, нашла ее подлинной и уникальной, пришла от нее в полный восторг и настояла, чтобы ее непременно приобрели для музея за довольно солидную сумму в двадцать пять тысяч американских долларов.

Оленя купили и выставили в скифском зале. Но многие археологи стали выражать сомнение в подлинности бляхи, среди них и такой знаток скифских древностей, как профессор Куртвенглер. Пришлось послать оленя на повторную экспертизу новой, еще более авторитетной комиссии. В состав ее уже включили не только одних защитников подлинности бляхи, но и противников — профессора Куртвенглера и какого-то русского археолога из эмигрантов Кочановского. Комиссия под энергичным натиском профессора Куртвенглера пришла к заключению, что бляха все-таки поддельна. Смутила их все та же лосинообразность, полное отсутствие каких-либо зооморфных украшений, слишком нереалистическая, по мнению Куртвенглера, летящая поза — короче, не подходил олень под те каноны, каких придерживалась ученая комиссия. После этого бедного оленя быстренько изъяли из экспозиции и, кажется, заставили загадочного незнакомца, втавившего почтенный музей в скандальную аферу, забрать его обратно, взыскав с него, разумеется, полученные доллары.

Новую сенсацию бульварным газетам доставило вскоре неожиданное самоубийство одного из музейных чиновников. Он застрелился после того, как профессор Куртвенглер в чрезмерной дискуссионной запальчивости намекнул, будто сей чиновник признал бля-

ху подлинной вовсе не бескорыстно...

Вот видите, оказывается, какая у нашего красавца бурная и богатая биография! Но теперь появилась новая ниточка, за которую можно ухватиться. Надо выяснить, кто же все-таки сделал столь мастерскую копию Золотого Оленя, что разоблачить подделку не сразу удалось даже опытным и весьма недоверчивым музейным специалистам.

Сначала я было погрешил на самого Рахумовского — уж больно мастерской мне показалась работа. К тому же, как вы знаете, финансировали его и занимались сбытом фальшивок печально известные темные дельцы братья Гохманы. Старший из них после скандала с «тиарой Сайтафарна», правда, отошел от преступного промысла. Но младший продолжал торговать подделками древностей, только переключился на серебряные изделия. А после революции он эмигрировал из Одессы в Берлин! Причем есть сведения, что он сумел вывезти с собой не только готовые фальшивки, но даже прихватить и мастера — одного из учеников Рахумовского, так что в Берлине он продолжал мошенническую деятельность, пока его не посадили в двадцать шестом, кажется, году.

Однако к нашему оленю ни Рахумовский, ни Гохман, кажется, не причастны. Местом их темной деятельности всегда оставалась родная Одесса.

Думается, я нашел вполне достойного кандидата в создатели копии Золотого Оленя. Его имя наверняка и вам известно (если, разумеется, вы еще не окончательно забыли мои лекции). Это известный керченский ювелир Мирон Рачик, тоже один из наиболее способных подмастерьев знаменитого Рахумовского — создателя «тиары царя Сайтафарна». В бытность свою в Одессе Рачик даже помогал создать этот шедевр подделок. А затем перенес свою деятельность в Керчь, где был замешан в нескольких скандалах. В частности, несомненно им был сделан серебряный позолоченный ритон в виде оленьей головы с рельефными фигурками скачущих скифов, приобретенный перед самой революцией Историческим музеем. Даже искушенные ученые не распознали ловкой подделки, хотя фигурки на ритоне подозрительно были похожи на всадников из Куль-Обы.

Так что Рачик тоже был первоклассным мастером подделок. Он умел не только с поразительной точностью копировать древние украшения, но и придавать им старинный вид, обрабатывая специальными химическими составами (секрет которых никому не открывал), чтобы металл покрывался окислами и выглядел долго пролежавшим в земле. К тому же Рачик обычно продавал поддельную вещь не отдельно, а вместе с подлинными древностями, купленными у «счастливчиков».

И вот что любопытно: я пытался найти упоминания о нем в археологических сборниках после революции, но тщетно. Он словно

растворился в воздухе, не оставив следов. Такие, впрочем, не пропадают и не прекращают своей предприимчивой деятельности добровольно. Возможно, Рачик удрал во время гражданской войны за границу, увезя с собой по иронии судьбы лишь поддельную бляху, а подлинных драгоценностей по какой-то причине лишившись. Вполне возможно, их у него украли, как предполагает ваш следователь. Так что последняя ставка у него была на поддельную бляху. Он и попытался ее продать в Берлинский музей. А потом, после разоблачения, все же сбаврил первому же простаку-любителю, чтобы приобрести себе первоначальный капитал и начать заново темную деятельность в Европе или даже в Америке — уже, разумеется, под иным именем.

Поищите в Керчи. Там старики живут долго, и наверняка среди них должны найтись те, кто еще помнит Рачика. Возможно, кто-нибудь и продолжал с ним поддерживать связь, когда он уехал за границу, так что, может, и удастся отыскать следы Рачика в Европе или за океаном. Попросите помочь вам этого следователя. Он мне кажется человеком весьма толковым и, главное, знающим секреты потайных мирков многопрославленного древнего града Корчена.

Только торопитесь! Последние представители профессии «счастливищиков» быстро вымирают и скоро станут столь же легендарны, как и мамонты. А я попробую написать друзьям в Берлин — возможно, они смогут разузнать что-нибудь еще о таинственном продавце поддельного двойника нашего Золотого Оленя. Может, в полицейских архивах о нем сохранились какие-то сведения?

И еще помните, что весна неуклонно приближается и торопит собираться в дорогу, на раскопки!»

Нет, тут без Андрея Осиповича мне явно было не обойтись! И я немедленно позвонил ему по телефону, номер которого он мне, прощаясь, записал, и попросил его зайти в музей.

— А что случилось? — поинтересовался он.

— Надо с вами посоветоваться. Но это не для телефонного разговора.

Видимо, я заинтриговал Андрея Осиповича. Через час он был в музее.

— Мирон Рачик? — задумчиво переспросил он, когда я рассказал ему о просьбе Казанского. — Конечно, слышал о нем. Личность была весьма приметная. И вполне мог сделать такую фальшивку. Только искать его бесполезно.

— Почему?

— Потому что он умер в январе двадцать первого года. Могу даже сказать точнее: шестнадцатого января, между одиннадцатью вечера и часом ночи. Я собственными руками вынимал его из петли.

— Он повесился?

— Вот и я тоже так поначалу подумал, не разобрался, но история оказалась посложнее, — покачал головой Андрей Осипович, усаживаясь поудобнее и настраиваясь на подробный, неспешный рассказ. — Комната была заперта изнутри, ничего вроде не тронута, даже пыль нигде не потревожена. Помню, тем, что это подметил, я особенно возгордился: вот какой, дескать, Шерлок Холмс или, на худой конец, Ник Картер. А на столе с кривыми ножками стояла почти допитая поллитровка, тарелка с остатками немудрящей закуски — маслины там, помидор, остатки тараньки. И всего один стакан. Ну, ясное дело: выпил для храбрости на дорожку, а потом и полез в петлю. В таком смысле я и доложил своему начальнику и наставнику. А он меня высмеял и ткнул, как щенка носом, в несообразности, которые я не заметил.

Клименко улыбнулся и продолжал:

— Наставником у меня был балтийский матрос Антон Григорьев. Не знаю, каков он был морячок, но в ЧК его направили совершенно правильно. Он тут свое истинное призвание нашел. Был у него настоящий следовательский талант. Он мой бодренький доклад выслушал, покачал с сомнением головой и говорит: «С чего это вдруг, пересидев в своей норе и денкинцев, и врангелевцев, благополучно спасшись от всех погромов, этот Мирон Рачик теперь, когда мы порядочек навели, взял да вдруг и повесился? Сомнительно». — Потом спрашивает меня: «Петля-то какая была?» — «Обыкновенная». — «Где она? Покажи». Я только ручками развожу. Хорошо, петлю не выкинул, когда срезал, осталась она на полу валяться. Осмотрел ее внимательно Григорьев и спрашивает меня: «Он что — моряк был?» — «Нет, — говорю, — ювелир». — «А раньше на флоте не служил?» — «Не знаю», — говорю, а сам уже начинаю злиться...

Андрей Осипович лукаво усмехнулся и покачал головой, вспоминая давний разговор.

— Тут показывает он мне узел срезанной петли и говорит: «Посмотри внимательно и запомни. Такой узел лишь опытный моряк завязать может. „Рыбачий глаз“ называется. Нет, его не ювелир вязал. Тут, говорит, преступник хитрый, опытный работал. Да перехитрил. Свой стаканчик и вилочку спрятал, даже, наверное, вымыл тщательно. Дескать, пусть подумают, будто покойник перед отправкой на тот свет сам себе поминки устроил. Но уж больно старательно подлец на столе все расставил, нож и вилочку разложил, даже крошки сдуру смахнул. Перестарался! Когда в одиночку пьют, да еще последний раз в жизни, где уж тут за чистотой следить. Так что вскрытие наверняка покажет: не сам ювелир в петельку влез, его туда уже мертвым засунули». Ну и он прав, конечно, оказался. Вскрытие подтвердило: ювелира сначала задушили другой петлей, видимо, ловко накинутой ему на шею сзади, когда он не ожидал, — след от нее остался. Значит, убил Рачика кто-то, кому он доверял,

дверь открыл, сел с ним выпивать.

— А как же вы сказали, будто дверь была изнутри заперта?

— Ну, Григорьев тут же мне продемонстрировал, как просто было убийце, уходя, дверь за собой изнутри запереть. Достаточно лишь крючок укрепить стоймя, а потом хлопнуть дверью посильнее.

— Кто же его мог убить?

— Этого выяснить не удалось. Других, более важных забот хватало. Одно несомненно: убил его кто-то из дружков. Было у нас, кстати, сильное подозрение и на этого Артиста. Помните, я рассказывал, убили его при облаве. Забрали мы его, стали допрашивать. А он возмущался, и вроде искренне, натурально. Уверял, будто покойный был его лучшим другом, и так далее. И представил алиби: видели его в тот вечер, когда ювелира убили, несколько человек совсем в другом месте. Пришлось отпустить. Хотя, нам показалось, Артист знал или догадывался, кто убил Рачика. Чувствовалось это по некоторым его темным намекам и угрозам непременно отомстить за покойного «кореша». Но нам он ничего не сказал. А вскоре и он погиб во время облавы. Кстати, убийство ювелира вместе с другими преступлениями и заставило нас заняться очисткой города от преступных элементов. Специальный приказ был отдан нашему Особому отряду ВЧК на побережье Черного и Каспийского морей. Так он именовался.

— Андрей Осипович, а может, все-таки Артист чемодан в подполе «малины» припрятал? Пусть не он убил Рачика. Но ведь мог его обокрасть? — с надеждой спросил я.

— Увел у него чемодан с драгоценностями? Сомнительная версия. Как ее проверить? Да и ничего она ведь не дает. Ни Артиста, ни Рачика давно нет в живых. Ничего они нам рассказать не могут. Обе ниточки обрываются.

Да, как ни печально, Клименко и теперь оказался прав: поиски снова зашли в тупик.

А на следующий день меня ожидал новый неожиданный удар.

Я собирался позвонить в Ленинград Казанскому, но, когда пришел в музей, меня встретил встревоженный заместитель директора:

— Звонил Олег Антонович. Очень сердился, где вы пропадаете. Будет снова звонить в десять часов. Никуда не уходите.

Что там стряслось? Неужели он получил какие-то новости из Берлина? Наконец звонок раздался — продолжительный, требовательный, явно междугородный. Я схватил трубку и услышал голос Казанского.

— Где вы пропадаете? — напустился он на меня, даже не подозревавшись. И, не дав мне ничего ответить, продолжал: — Ну и шельма этот Рачик, ну и подлец! Ведь он и нам поддельного оленя всучил!

— Как?!

— Так. Решил я для перестраховки и наши находки послать на экспертизу. Сегодня получили заключение. Липовый олень.

— А они не ошиблись, Олег Антонович?

— Ну, по моей просьбе сам профессор Павлов из Metallургического занимался. Он не ошибется. Сам подписал заключение. И по химическому составу и по технологии плавки «металл, — пишет он, — я цитирую на память, — использованный для изготовления бляхи в виде оленя, является вполне обычным для изделий первой четверти нашего века». Ну, и цифры соответствующие: сколько там золота, сколько серебра, какая примесь меди.

— Надо скорее статью задержать, Олег Антонович.

— С какой стати? Все остальное-то, к счастью, подлинное — и ваза и подвески. Только олень фальшивый. Это, признаться, подтверждает: подделал его именно Рачик. Излюбленная его манера — подсунуть фальшивки среди подлинных древностей. Тогда на нее клюнут без осечки — как мы с вами клюнули. Так что к статье надо лишь дать примечание, сделать сноску, дескать, олень оказался поддельным, обмишурились. Это не поздно, публикации не задержит. Я поручу кому-нибудь из своих аспирантов. Да, но каков жулик! Хорошо еще, что у него времени, видно, не было, а то бы он и вазу подделал. Чтобы и подлинник продать, и фальшивку — вдвойне заработать. Олень-то попроще, с него он и начал. Даже, как видите, две копии сделал: одну в Берлин увез, другая нам досталась. А с вазой не успел, бежать пришлось...

— Не удалось ему никуда бежать, Олег Антонович, — перебил его я. — Не добрался Рачик до Берлина.

Я рассказал Казанскому о том, что узнал вчера от Клименко.

— Та-ак, — протянул Олег Антонович. — Уголовщина нас все глубже засасывает. Ну что же, царствие ему небесное, вороватому Левше. Все-таки золотые руки у него были, только жаль, не тем занимались, чем следовало. Придется уж ему простить, что так нас провел. Но кто же тогда его фальшивку в Берлин привез и пытался в музей продать?! И где подлинник, с которого он копии делал? Не выдумал же Рачик такого красавца. Был подлинник у него перед глазами! Если и у нас подделка, и в Берлине, где же подлинник? Тоже, вполне возможно, в каком-то подвале, в Керчи валяется? Надо искать, искать и искать. Возьмите на подмогу вашего следователя, ищите!

Немножко придя в себя, я позвонил Клименко и рассказал ему о своей неудаче.

Андрей Осипович посочувствовал, но как-то, по-моему, недостаточно искренне, тут же добавив с восхищением:

— Ну и кладик попался!

— Не понимаю, чему вы радуетесь, — обиделся я.

— Как же не радоваться такой трудной задачке? Не дает дремать,

заставляет мозгами шевелить. Но вы не расстраивайтесь, полоса сплошных неудач — предвестник перемены к лучшему. Из Германии, кстати, ничего не слышно? Я все же думаю, там в полиции, конечно, знали, кто пытался музеем поддельную бляху продать. И в полицейских архивах сведения должны сохраниться, они народ точный, любят порядок. Что, ваш профессор ничего насчет этого не говорил?

— Нет.

— Ну подождем... Терпенье и труд все, говорят, перетрут.

— Да некогда уже ждать, Андрей Осипович. Пора экспедицию готовить и отправляться в поле. Завтра улетаю в Киев.

— Значит, решили искать наугад? В степях между Никополем и Запорожьем?

— Ну не совсем наугад. Драгоценности явно выкопаны где-то в том районе. Конечно, лучше бы знать поточнее, где именно, но ничего не поделаешь.

— Да, конечно. Ну что же — ни пуха ни пера. Или у археологов какое-нибудь свое особое пожелание есть, вроде: ни скелета, ни золотой вазы? — засмеялся он.

— К черту, Андрей Осипович, — шутливо ответил я.

— Правильно. Но все же вы меня не забывайте. Информировать старика, как дела пойдут. А я, чтобы не очень скучать, тут поиски продолжу. Может, и повезет. Попробую разыскать хоть одного «счастливчика».

Часть вторая

«Криминалистика помогает археологии»

1

Неужели прошло всего немногим больше месяца, и я люблюсь степным простором, выглядывая из-под брезентового навеса старенькой экспедиционной машины?! Неужели мы в самом деле мчимся на поиски таинственной родины Золотого Оленя?

Впрочем, сомневаться в этом было трудно. Рядом над самым моим ухом студенты неистово горланили бесконечную и, наверное, вечную песню:

А ну-ка, если ты хороший мальчик,
Скорее убери свой чемоданчик!
Скорее убери,
Скорее убери,
Скорее убери свой чемоданчик!

Подпрыгивая на ухабах, я мучительно-сладостно ощущал, как впивается в бока экспедиционное оборудование. А в планшете у ме-

ня лежала бережно сложенная бумага, украшенная гербами и печатями, — Открытый лист на право проведения разведочных раскопок.

Как я и опасался, подписал Дима Петренко этот заветный документ весьма неохотно. Он долго вздыхал, покачивал седеющей, но все еще кудрявой, как в институтские годы, головой и в глубоком раздумье постукивал по столу толстым цветным карандашом, не решаясь поставить свою подпись.

— Может, все-таки поручим провести разведку Запорожской экспедиции, а ты останешься в Керчи? — сказал он. — Я понимаю, конечно, твои чувства. Но ведь надо уметь жертвовать личными интересами ради общего дела, не тебе же мне объяснять. Работа на трассе Северо-Крымского канала тоже важна, ты сам прекрасно понимаешь. Ты там нужен, хорошо изучил обстановку. А скакать с места на место — для ученого не очень красиво. Каким-то чуждым науке кладоискательством попахивает.

Он был во многом прав и, взывая к дружеским чувствам, возможно, уговорил бы меня. Но мощная поддержка профессора Казанского, его настойчивые звонки по телефону и телеграммы подействовали. И вот уже все хлопоты и тревоги позади, я качу по степи со своим отрядом, хотя и совсем небольшим.

Старая, выдавшая виды машина набита мешками и ящиками. На горе походной клади в живописном беспорядке разместился весь славный отряд: мой заместитель и ближайший помощник Алексей Петрович Савосин и четверо горластых студентов. Привычный к походному быту, Савосин крепко спал в углу, не обращая ни малейшего внимания ни на толчки, ни на рев молодых глоток над ухом. Мы иногда шутили, что Алексей Петрович способен даже вести раскопки во сне — и с отличными результатами.

На Савосина можно положиться. Трудно сложилась у него судьба: война помешала кончить институт, ушел добровольцем на фронт, потом контузия, два ранения. В пятидесятом он все же получил диплом, но дальше уже не продвинулся, так и ходит в вечных младших сотрудниках. Сам он статей не пишет, никаких сенсационных гипотез не выдвигает. Разве только помянут его как соавтора заботливые друзья. Главным в археологии Алексей Петрович считает раскопки. А что при этом будет найдено — бусинка, наконецник истлевшего копья или золотая ваза — уже не так важно.

Но в поле, на раскопках, этот медлительный, болезненный и сутулый человек преображается. Он обожает неторопливо и обстоятельно рыться в земле. Не пропустит ни одной бусинки или окаменевшего зернышка.

Двое из студентов — Марк Козлов, с томным видом уставшего льва раскинувшийся на жестких тюках и все поглаживавший свои пышные баки, будто проверяя, не потерялись ли они, и самозабвен-

но распевавшая, дирижируя тонкими загорелыми руками, Тося Голубовская уже работали со мной прошлым летом. Я был ими доволен, хотя нынче, кажется, Марк перешел в тот приятный период жизни, когда самым важным и увлекательным на свете кажутся девушки, и завел чудо-баки. Это был тревожный признак, однако я все же не терял надежды, что раскопки приведут Марка в чувство. Руки ведь у него, к счастью, остались прежние. А у них есть своя память. Взявшись за лопату, они машинально станут работать как надо.

Два других — Алик Горин и его неразлучный дружок и покровитель Боря Калинин ехали на раскопки впервые. Их еще предстояло проверить в деле. Но ребята они были толковые, особенно Алик. А энтузиазм первооткрывателей, на который я весьма рассчитывал, для земляных работ важнее всего. Опытности же с лихвой хватит у нас с Алексеем Петровичем.

В кабинке, скучая с важным видом, восседал наш неизменный шофер — долговязый дядя Костя. Он ведал всем хозяйством, за что его в шутку торжественно именовали «заместителем начальника экспедиции по научно-хозяйственной части».

Народу, конечно, маловато. Собственно, не отряд, а разведочная группа. «А уж если понадобится, и вы действительно найдете ценный для науки курган, то наймете землекопов на месте, мы вам вышлем деньги», — утешило меня начальство.

Главное: мы уже ехали. Я был счастлив и, подсакивая на угловатых тюках и лениво озирая сквозь завесу тянувшейся за машиной пыли бескрайние поля, подпевал студентам, рискуя прикусить язык:

А это был не мой чемоданчик!

А это был не мой чемоданчик!

А это был не мой,

А это был не мой,

А это и не мой был чемоданчик!

— Смотрите, еще курган! — прерывая пение, закричала Тося.

— Уже шестнадцатый с утра, да? — спросил Алик. — Ничего, хватает тут курганчиков.

И они снова запели очередную бесконечную песню, а я опять предался ленивым мечтам.

Курганов в самом деле попадалось по дороге немало, самых различных размеров — от едва приметных бугорков метровой высоты до весьма солидных, высотой в десять-двенадцать метров, а диаметром порой метров в семьдесят.

Они казались вечными, стоявшими тут всегда, древними, как сама степь. И в то же время в правильности их очертаний, которую не смогли стереть века, явственно чувствовался волнующий отпечаток человеческих рук, упрямой человеческой воли.

Впрочем, некоторые курганы — оплывшие, грузно осевшие, изу-

родованные траншеями кладоискателей или боевыми шрамами окопов и блиндажей — уже нелегко было отличить от природных холмов и бугорков. Они еще ждали своих открывателей и, кто знает, какие удивительные тайны хранили в себе? Ведь когда-то весь неоглядный степной простор — тогда совсем дикий, нераспаханный, заросший кустарником и душистыми травами, служил для привольных кочевий скифских племен. И было среди них и то, пока еще загадочное и неведомое племя, сценки из быта которого были изображены на вазе, выкопанной из кургана где-то тут и затем загадочным путем попавшей в подпол сгоревшей воровской «малины» на окраине Керчи.

От Никополя, где выгрузились с поезда, мы отправились по степным дорогам на северо-восток. Возле города Орджоникидзе уже не первый год вел охранные раскопки мой старый друг Борис Мозолевский. Его экспедиция раскапывала курганы в тех местах, где предстояло закладывать новые карьеры марганцевого рудника. Хотелось заехать к ним, посмотреть, как идут работы, посоветоваться, где лучше нам начать. Но жаль было терять время.

Нетронутых курганов для его отряда тут оставалось еще немало. А на горизонте, как постоянное напоминание о возможных успехах, маячили останцы знаменитого Чертомлыка.

Когда-то тут был самый центр древней Скифии. Здесь обитали скифы царские, возглавлявшие союз племен и считавшие, по словам Геродота, «всех остальных скифов своими рабами». Именно в этих краях были сделаны самые интересные находки при раскопках пропавленного на весь мир курганов — Чертомлыцкого, Александропольского, Томаковки, Красного Кута, Бабы, Раскопанной могилы.

А на левом берегу Днепра, неподалеку от знаменитой Солохи, почти напротив нынешнего Никополя, уже много лет раскапывают археологи огромное Каменское городище, раскинувшееся на двенадцать с лишним квадратных километров! Сейчас это занесенные кочующими песками — «кучугурами» остатки древних домов и мастерских. А когда-то тут была, видимо, своего рода столица скифского царства. От нападения врагов ее надежно защищал глубокий ров и высокий земляной вал. Изучение этих развалин позволило археологам лучше узнать повседневную, будничную жизнь древних скифов, представить себе, как жили не только вожди, над могилами которых скифы насыпали огромные курганы, но и простые общинники, гончары, оружейники, металлурги.

Тут же неподалеку в прошлом году Василь Бидзиля раскопал Гайманову могилу.

Где-то в этих краях по соседству с царскими жили и скифы-земледельцы. Они вели преимущественно оседлый образ жизни, снабжая хлебом не только Скифию, но и продавая его грекам в обмен на драгоценности и всякие заморские товары. Но как отличить

курган земледельцев от других? А главное, найти среди этих курганов погребения именно того племени, сценки из быта которого изобразил неведомый греческий тореут на Матвеевской вазе.

Где остановиться и с какого начать раскопки? Впервые меня мучила такая нерешительность. Обычно приезжаешь в назначенный район и не выбираешь, начинаешь раскапывать все курганы подряд. А тут постоянно казалось, что нужно проехать подальше. Словно я надеялся по каким-то признакам найти тот самый заветный курган, что нам нужен.

Но таких признаков быть не могло. Не скифы изобрели курганы. Обычай насыпать над могильниками искусственные холмы возник по крайней мере за полторы тысячи лет до появления скифов и существовал еще столько же времени после них. Славянские курганы есть и под Москвой, хотя местные жители считают их иногда «французскими могилками» — следами нашествия Наполеона.

Все курганы в степи, в общем-то, одинаковы, они различаются лишь размерами. Но и величина еще не говорит, богатое под курганом погребение или нет. Возле Каховки курганы небольшие, совсем невзрачные на вид, а погребения в них богатейшие. Южнее же, под Николаевом, курганы высокие, но погребения в них скромные.

Курганы в степи были заметны издалека, как и пирамиды в песках Египта. И так же, как пирамиды, манили грабителей. А их никто не охранял, и, улучив момент, когда родственники покойного откочевывали куда-нибудь, грабители поспешно принимались за воровскую работу. Это делали, вероятно, люди, сами принимавшие участие в похоронах, потому что обычно ограбления производились с отличным знанием всех деталей устройства подземной могилы. А ведь надо еще учесть, что шарить в ней грабителям приходилось тайком, обычно по ночам, в темноте, на ощупь. И все-таки они редко промахивались.

Скорее всего этим занимались приглашенные на похороны воины из какого-нибудь соседнего племени. Их не пугали заклятия всяких духов и богов, страшных лишь для членов того племени или рода, к которому принадлежал покойный и его близкие.

И грабители были, вероятно, людьми вовсе не бедными. Бедняку в те времена было просто невозможно внезапно разбогатеть, ограбив чью-то могилу. Он сразу стал бы заметней белой вороны.

Редко посчастливится археологу найти нетронутое погребение. За все два с небольшим века, что ведутся у нас специальные археологические раскопки, такие счастливые случаи можно пересчитать буквально по пальцам.

Тем обиднее было думать, что вот и сравнительно недавно каким-то жуликам, а не ученым посчастливилось наткнуться на неразграбленное погребение — да еще с такими уникальными сокровищами, как Золотой Олень (где-то ведь должен быть спрятан и его

подлинник!), подвески и ваза со сценками из быта неведомого племени. Наверняка там должны быть по соседству и другие курганы; если уж слишком, до невероятности нам повезет, возможно неограбленные. Или хоть и ограбленные, но не до конца...

Но все-таки где же искать эти курганы? С какого начать раскопки? С этого? А может, вон с того, оплывшего и почти сровнявшегося с землей? Его явно уже пробовали раскапывать — может, как раз те загадочные грабители, след которых мы тщетно пытаемся нащупать.

— Надо останавливаться, — решительно сказал Савосин, — иначе не успеем дотемна лагерь разбить.

Я постучал в стенку кабинки. Шофер притормозил.

— Давайте останавливаться, дядя Костя, — крикнул я. — А то не успеем лагерь засветло разбить.

— И так уже не успеем, — укоризненно ответил шофер. — Давно надо бы остановиться. Ведь договаривались: сверхурочно я вкалывать не стану. У меня строгий режим врачами предписан.

Была у нашего шофера одна забавная черта, вроде совершенно несвойственная представителю такой трудной и беспокойной профессии. Дядя Костя страдал болезненной мнительностью, очень заботился о своем здоровье и любил порассуждать на медицинские темы. Он возил с собой толстенный медицинский справочник и пухлую папку вырезок из журнала «Здоровье», никогда не пил сырой воды, каждое утро он начинал с длительной зарядки, любую остановку использовал для того, чтобы вылезти из кабины и проделать несколько приседаний и дыхательных упражнений по системе йогов, а спать ложился ровно в десять, ни минутой позже.

— Придется как попада ночевать. Ох, не люблю, когда порядка нет, — продолжал он ворчать.

В самом деле, мы слишком увлеклись, выбирая курган получше. Уже не оставалось времени для разбивки лагеря по всем правилам. Почти в полной темноте, выбрав место неподалеку от какого-то селения на пригорке и трех курганов, выстроившихся вдоль шоссе, мы остановились, чуть отъехав в сторону от дороги, натащили сухих сучьев из ближайшей лесополосы и разожгли костер. При его трепетном свете кое-как поставили две палатки. Тем временем дядя Костя съездил в село за водой и молоком. Вернувшись, он озабоченно сказал:

— Совхоз тут. И, видать, отстающий. Трудно нам будет.

Вздыхая и покачивая головой, он с помощью Тоси быстро сварил густой кулеш со свиной тушенкой, ароматно попахивавший походным дымком. Мы запили это божественное блюдо крепким и сладким чаем — и завалились спать.

Утром я встал пораньше и, выбрав из трех ближних курганов самый высокий, поднялся на него, чтобы бегло осмотреть окрестности и выбрать место для лагеря.

Савосин уже бродил вокруг палаток, внимательно рассматривая землю под ногами. Это стало у него привычкой. Даже беседуя с кем-нибудь, Алексей Петрович вдруг замолкал, присаживался на корточки, рассматривал заинтересовавший его камешек или черепок, а потом поднимался и как ни в чем не бывало продолжал разговор.

Мне приглянулась подходящая ровная площадка подалее от поселка и в стороне от дороги, где поля прорезал довольно глубокий овраг. Он густо зарос кустарником, вполне возможно, там был родничок.

Сразу же после завтрака я намеревался поехать в поселок, представиться местному начальству, предъявить «Открытый лист», попросить разрешения разбить лагерь на выбранной площадке и договориться о том, чтобы выделили нам бульдозер и скрепер: надо было скрыть курганную насыпь. Но не успел. Мы еще кончали завтрак, как с дороги к нам свернул запыленный «газик». Он остановился, из него вылез человек лет пятидесяти. Был он высок, сутуловат, сумрачен и озабочен, в фуражке с большим козырьком и в сером пропыленном и измятом костюме, в запыленных, нечищенных сапогах. Лицо у него было, несмотря на ранний час, уже усталое, хмурое. С планшетом в левой руке он твердой, хозяйской поступью подошел к нам и строго спросил:

— Здравствуйте. Что за люди?

— Здравствуйте, — ответил я. — А вы, собственно, кто?

— Петровский Александр Евсеевич, директор совхоза «Колос».

— Очень приятно, а я как раз к вам собирался, — сказал я, пожимая ему руку. — Мы археологи, собираемся раскопать один из ваших курганов.

Я подал ему «Открытый лист». Петровский дважды прочитал документ, внимательно рассмотрел печать и подпись Петренко.

— Ну что ж, раз требуется для науки, — с некоторым сомнением произнес он. — Ладно, копайте. Курганы нам мешают. Рассадники сорняков.

Савосин, не выдержав, что-то пробурчал. Я предостерегающе посмотрел на него и поспешил спросить у директора совхоза:

— Вы нам разрешите разбить лагерь вон на той площадочке, возле балки?

— Добре. Только с огнем поосторожнее. И после себя все приберите, чтоб аккуратненько было.

— Конечно, Александр Евсеевич, можете не сомневаться. И еще есть к вам одна просьба.

— Какая? — насторожился Петровский.

— Не выделите ли вы нам на недельку бульдозер и скрепер, чтобы курган скрыть? Ведь сейчас механизаторы, верно, у вас работой не перегружены?

Увидев, что он хмурится еще больше и уже готов покачать головой, я поспешно добавил:

— Разумеется, мы оплатим. По договору. Перечислением, как предполагается.

— Ну если так, другое дело, — успокоился он. — Зайдите в бухгалтерию, оформите. Выделим две машины.

Он уже направился к своему «газику», когда я вспомнил еще об одном деле и остановил его:

— Александр Евсеевич; не поможете ли нам найти повариху? Продукты ей привозить будут, только чтобы готовила. Народу у нас немного.

— С поварихой не обещаю, — покачал он головой. — Свободного народу нет, все заняты в поле. И так рабочих рук не хватает.

«Газик» рванулся с места и умчался, скрывшись в туче пыли.

Мы перевезли все имущество на выбранную площадку возле балки. Поручив опытнейшему в таких делах Алексею Петровичу все заботы по разбивке лагеря, я решил, не откладывая, пока директор совхоза, чего доброго, не передумал, поехать в поселок, оформить договор на машины. Заодно нужно было запастись продуктами на ближайшие дни и сообщить, как обещал, наши координаты Казанскому. Этим летом он не уезжал со студентами на раскопки, а оставался в Ленинграде, готовя международный симпозиум, так что с ним можно было поддерживать постоянную связь, в случае чего посоветоваться.

Совхозный поселок был новый, благоустроенный, даже с асфальтовыми тротуарами, но какой-то не очень уютный. Вдоль шоссе выстроились одинаковые шлакоблочные домики. Зелени маловато.

Сначала мы направились в бухгалтерию и оформили договор на машины. Директор на этот счет уже успел распорядиться. Потом заехали за хлебом и продуктами в новенький, весь стеклянный сельмаг. Товаров было много, но жара в нем царила ужасная — его насквозь пронзали палящие солнечные лучи. Выскочили мы оттуда распаренными и мокрыми, как из бани.

Уже собираясь сесть в машину, я не смог удержаться при виде дедка, гревшегося на солнцепеке возле одного из домиков по соседству с магазином. Уж больно старым и много повидавшим выглядел он.

Мы с дядей Костей подошли к нему, почтительно поздоровались и попросили разрешения присесть рядом. Старичок охотно подвинулся.

— Видать, не здешние? — спросил он, с великим любопытством разглядывая нас.

Прежде чем самому приступить к расспросам, мне пришлось, отвечая на его вопросы, сначала подробно рассказать, зачем мы сюда прибыли. Дедок кивал и задавал все новые вопросы, показывая не

только неумемную любознательность, но и хорошую осведомленность во всех телевизионных передачах за последние месяцы, так что беседа грозила затянуться.

Наконец мне удалось улучшить момент, когда он на миг призадумался, о чем бы еще спросить, — и я поспешил перехватить инициативу:

— Скажите, диду, а у вас тут в округе ученые уже вели раскопки, не припомните? Может, давно, еще в прежние годы копали?

— Как не помнить. Наши курганы знаменитые. О них по всему свету слава идет.

— Чем же они знамениты? — неосторожно спросил дядя Костя.

Теперь старичка остановить было уже невозможно.

— Да вы знаете, кто в том кургане похоронен? Вон в том, что повыше, — показал он клюкой. — Це ж могила самого Тараса Бульбы, если хотите знать, славного запорожского атамана. Читали, конечно, про него у Миколая Васильевича Гоголя?

— Читали, — кивнул я. — Но позвольте, диду, так ведь Гоголь рассказывал, будто старого Тараса сожгли на костре...

— Не сожгли! Не сожгли! — азартно закричал он, размахивая клюкой и вспугивая подошедших послушать гусей. Те с гоготом разлетелись.

— Не до смерти, — продолжал бойкий дед. — Понимаешь? Спасли его казаки. Повезли домой, в Запорожскую, значит, сечь. Да не довели: от полученных страшных ран Тарас у них на руках помер, как раз, когда проезжали через наше село. Тут его и похоронили. А каждый казак набрал в шапку земли и, попрощавшись, высыпал на его могилу. Вот и поднялся курган.

Я не перебивал его, уже давно зная, что это совершенно бесполезно. Каких только сказок не складывают о курганах местные жители! Причем нередко об одном и том же кургане — совсем разные, одна красочнее другой — в зависимости от фантазии и вкусов рассказчика. И самые невероятные события излагались с подробными деталями и твердой уверенностью очевидца.

Чаще всего курганы приписывали каким-либо историческим личностям — татарским ханам, или шведам Карла XII, или какому-нибудь мифическому наполеоновскому генералу, или даже, как дед сейчас, — литературному герою. Причем, конечно, народная фантазия непременно помещала под курган в могилу героя давних времен и богатейший клад. Содержимое его также находилось в прямой зависимости от разгула фантазии рассказчика.

...Часа четыре колесили по окрестностям поселка, я нанес на карту восемь курганов. И опять одолевали сомнения: с какого же начинать?

Когда мы вернулись, разбивка лагеря была в полном разгаре. Уже установили четыре палатки, окружив каждую канавкой для

стока дождевой воды. Над палатками на высокой мачте, сделанной из трех жердей, скрепленных проволокой, развевался флаг. На нем, конечно, был изображен летящий Золотой Олень, грациозно поджавший быстрые ноги и гордо закинувший голову.

Собственно, поднимать флаг было несколько рановато. Это полагалось делать лишь там, где работы ведутся постоянно и лагерь разбит надолго. Но я не стал придираться, потому что какой же, в самом деле, экспедиционный лагерь без флага?

В сторонке устроили кухню, где уже хлопотала раскрасневшаяся Тося. Судя по ее резким движениям и неразборчивым выкрикам, она явно была не в духе — ведь ее заставили заниматься делом, довольно далеким от науки. Я поспешил послать к ней на подмогу дядю Костю, а сам направился туда, где Савосин с Марком Козловым прилежно и вдумчиво готовили самое священное место лагеря: походную столовую под открытым небом, она же вечерний клуб у костра. Устройство было простым, как все гениальное: выкопали кольцевую канавку такой глубины, чтобы можно было сидеть, свесив в нее ноги. Внутри кольца образовался отличный круглый стол. Теперь оставалось только вбить по углам колья и накинуть на них брезент или мешковину. Такой тент защищал сидящих у «стола» от жгучего степного солнца.

К вечеру устройство лагеря закончили полностью, вплоть до скамеечки для поварахи, чтобы она могла посидеть на ней, «пока борщ убегает», как заметил Марк. После ужина все с наслаждением растянулись на теплой земле вокруг костра и завели неторопливый разговор, мечтательно любуясь причудливой игрой огня.

— С какого же кургана начнем? — спросил Савосин. И, видя, что я колеблюсь, решительно добавил: — Давайте больше не метаться. Раскопаем одного из этих трех «братьев», какой побольше. Раз уж разбили возле них лагерь, значит — судьба. Надо же с какого-то начинать.

— Ладно, — согласился я. — Завтра попробуем бурить и вызываем технику. — Потом не очень уверенно добавил: — Тося, обязательно поварахи пока придется вам взять на себя...

— Ни за что! — подскочила девушка. — Не для того я на истфак поступала, экзамены, зачеты сдавала и сюда ехала, чтобы с кастрюльками возиться.

— Но ведь всего несколько дней, пока не найдем поварахи.

— Все равно не буду! Пусть готовкой дядя Костя занимается. У него прекрасно получается, все пальчики облизывали прошлым летом.

Я встал и, потянувшись, сказал:

— Ну, пора спать. Молодежь, не засиживаться! Подъем в пять.

— Почему так рано? — спросил Алик.

— Чтобы не жарко было работать. Или ты сюда загорать прие-

хал? — ответил ему Савосин, тоже вставая и хозяйственно поправляя носком сапога выкатившуюся из костра головешку. — Смотрите, уходя, непременно костер присыпьте. Козлов, ты нынче дежурный для начала.

— Есть! — не поднимаясь, лениво козырнул Марк и величественно распушил свои баки. — Не беспокойтесь, Алексей Петрович, все будет в порядочке.

Наутро после завтрака весь отряд направился к кургану. Настроение было волнующим, как всегда при начале раскопок в новом, незнакомом месте. Однако я сдерживал себя, чтобы не спешить и все делать по правилам.

Прежде всего предстояло заложить контрольные скважины. Этот метод, позволяющий достаточно точно определить, скифский ли это курган или нет, разработал профессор Тереножкин.

Скифы, обитавшие некогда в этих степных краях, устраивая погребение, обычно сначала рыли глубокую вертикальную шахту-колодец. Затем от ее дна под землей прокладывался коридор — дромос. Он вел к погребальной камере в виде пещеры или катакомбы. Небольшие коридорчики обычно соединяли ее еще с несколькими катакомбами поменьше. В них хоронили наложниц, стражников и слуг, призванных сопровождать покойного вождя в последнее путешествие.

Вокруг главной могилы в основной погребальной камере устраивали еще ниши. В них раскладывали различные вещи, которые могли понадобиться покойному в этом бесконечном странствии. Помня о грабителях, иногда еще придумывали тайник, где прятали самые драгоценные украшения, хотя это редко их спасало.

Курганы рядовых воинов порой не достигают и метра в высоту, но в точности повторяют грандиозные погребальные сооружения вождей. Только в них все словно игрушечное: вместо глубокого колодца — узкая ямка, в одной из ее стенок камера-катакомба, куда и кладут на спине покойника, отгораживая от мира простым плетнем из кольев и засыпая землей.

После похорон шахту заваливали обычно камнями, а сверху насыпали курган, порой тоже укрепляя его для верности несколькими слоями крупных камней. Причем насыпав часть кургана, устраивали на утрамбованной площадке тризну, отмечая это толстым слоем битой посуды.

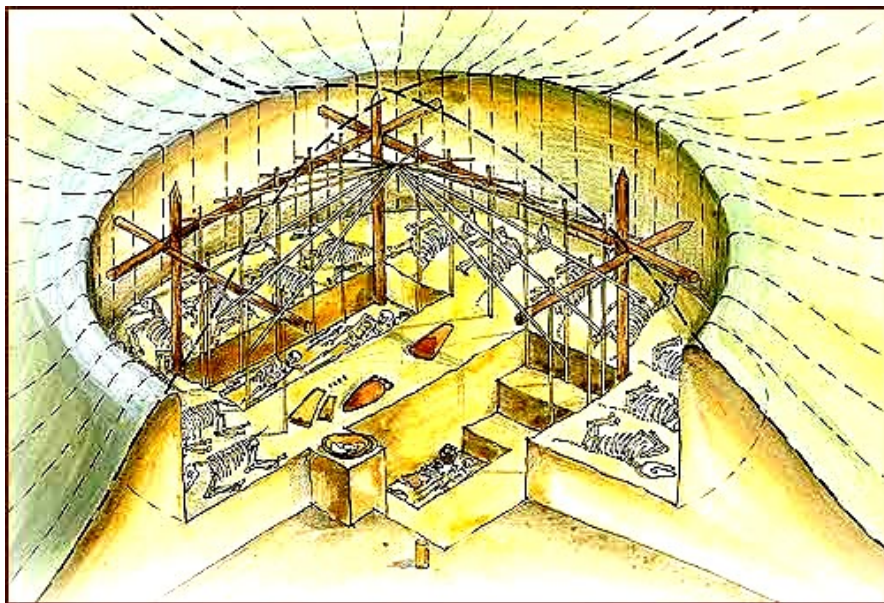
Выброшенная при копке шахты, дромоса и погребальной камеры земля — обычно тяжелая материковая глина — как правило, оставалась возле устья шахты, под более мягкой и рыхлой почвой курганной насыпи. Эта глина и позволяет узнать, скифский ли курган, если на нее наткнется бур, прокладывающий разведочную скважину. Бурение скважины требует времени и нетерпеливым кажется ужасно долгим. Легко ли дожидаться, пока бур пронзит всю толщу

кургана, а потом осторожно вытаскивать из скважины колонку грунта, тщательно изучая слой за слоем...

Обычно приходится бурить не одну скважину в разных местах, а тут нам сразу повезло.

— Есть! — воскликнул Савосин, колдовавший, стоя на коленях у буровой колонки.

Все окружили его, вытягивая шеи и подталкивая друг друга.

В самом деле, взгляд сразу привлекала полоса красноватой глины. Местами в нее даже были вкраплены довольно крупные камешки с острыми краями — несомненно, осколки тех бульжников, какими строители заваливали устье шахты, чтобы понадежнее укрыть ход в погребальную камеру.

Все же заложили для страховки еще две скважины. Одна оказалась пустой, одинаковая темная земля до самого дна. Другая опять наткнулась на глину.

— Завтра начнем копать, — решил я.

Рано утром к кургану, басовито урча, двинулись бульдозер и скрепер. Их сопровождали толпа ребятшек и несколько седоголовых дедков.

Я объяснил план предстоящей работы. Бульдозер развернулся и по моему сигналу, грозно взревев, ринулся на курган, словно в атаку.

Машина была мощная. Острый, сверкавший на солнце нож так и

вспарывал землю. Все притихли, даже ребяшня, и не сводили глаз с машин, словно ожидая, что они вот сейчас, немедленно освободят из-под земли сказочного атамана разбойников с его кладом.

Но так лишь казалось. Курган худел медленно, неохотно. Возни с ним предстояло немало. Ребятишки скоро заскучали, затеяли возню, убежали на поиски новых развлечений.

Терпеливее оказались деды. Им все равно было, где греть на солнышке старые кости и вести неспешную беседу. Но к обеду и они, чинно попрощавшись с каждым из нас за руку, гуськом побрели в село.

Чтобы снять курганную насыпь, понадобилось восемь дней. И все это время, хотя работали пока лишь машины, никому из нас не было покоя с утра до вечера. Надо было непрерывно следить, не наткнулись ли машины на что-либо интересное. Приходилось просматривать и прощупывать каждую горсточку срытой бульдозером земли. А тут зной, грохот, пылица! К вечеру все валились с ног.

На третий день бульдозер неожиданно подцепил кусок полусгнившего бревна. Все сбежались, но тревога оказалась ложной. Просто остатки блиндажа времен Отечественной войны. Немало их было нарыто, как и окопов, почти на каждом кургане.

К середине девятого дня от кургана осталась лишь невысокая площадка, пересеченная полоской нетронутой земли. Это так называемая бровка. Ее срывают в последний момент, чтобы всегда можно было бы по такой бровке вычертить разрез — профиль курганной насыпи и по чередованию слоев земли в ней проверить, в каком именно слое окажется какая-нибудь любопытная находка, если она вдруг попадется.

Снято еще несколько пластов. Волнение нарастает. Особенно нервничает Савосин. Он то и дело грозит кулаком, приводя механизаторов в трепет, и какой уже раз предлагает:

— Хватит! Дальше сами будем копать.

— Подожди ты, горячка, успеешь еще наломаться, — успокаиваю я его, хотя и сам боюсь даже на миг оторвать глаза от неширокого промежутка между ножом бульдозера, поднимающим очередной пласт, и гусеницами машины: именно тут и может в любой момент промелькнуть долгожданная находка.

— Стой! Стой! Остановитесь! — приплясывает Савосин. Еще минута, и он, чего доброго, бросится под бульдозер.

— Что случилось? — кидаются все к нему.

— Пошла материковая глина!

В самом деле, среди темной земли стали попадаться светло-желтые и красноватые комья. Тут уже не выдерживают нервы и у меня. Я сдаюсь. Отпускаю машины и даю команду братья за лопаты.

— Пусть только ладони забинтуют, — напоминает Савосин. —

А то с непривычки кровавые мозоли набьют. Тося, покажите им.

Я тоже бинтую руки — для начала, потом можно обойтись без этой предосторожности.

Савосин и дядя Костя берутся за лопаты, просто поплевав на мозолистые ладони. Трактористы не хотят уезжать. Переглянувшись, они отвели свои машины в сторонку и тоже взяли в руки лопаты.

Желтой глины становится все больше... Наконец среди нее начинает проступать большое черное пятно. Оттеснив всех, над ним священнодействует Савосин.

— Что это, Всеволод Николаевич? — шепотом, словно боясь помешать ему, спрашивает меня Алик.

— Видимо, вход в шахту, к погребальной камере.

— Скифского вождя?!

— Посмотрим.

Пятно, поначалу бесформенное, под умелой лопатой Савосина постепенно приобретает правильные квадратные очертания. Яма углубляется. Савосин отбросил лопату, встал на колени и взял в руки большой нож с изогнутой рукояткой. Такие ножи предназначены, собственно, для вырезки меда из сотов, но их давно взяли на вооружение археологи. Они хорошо подходят для расчистки при раскопках. Только держать нож надо умеючи — чтобы рукоятка крепко упиралась в ладонь, иначе, наткнувшись на что-нибудь твердое, он может соскочить и порезать руку. Этому, как и многим другим тонкостям работы в поле, первое время приходится учить ребят, постоянно присматривая за ними.

Алексей Петрович быстро, но осторожно разбивал черенком ножа землю на мелкие кусочки, каждый тщательно рассматривая. Иногда он пускал в ход кисточку, зажатую в другой руке. Теперь это надолго его основные орудия, да еще резиновый баллончик от детской клизмочки — пыль сдувать. И в такой вот молитвенной позе он проведет на солнцепеке много дней.

Начинаешь раскопки, стоя во весь рост с лопатой в руках. И постепенно зарываешься в землю, опускаешься на корточки, потом на колени, а то и ложишься, если так удобнее работать. Так же постепенно меняются и орудия труда, и движения становятся осторожными, нежными.

Я любовался работой товарища, потом, спохватившись, снова налег на лопату. Мне пока ничего не удалось откопать.

Зато в раскопе Савосина на глубине около двух метров начали попадаться кости — одна, за ней другая.

Студенты донимают вопросами:

— Чья это кость, Всеволод Николаевич? Очень уж большая.

— Неужели человеческая? Во великан был!

— Нет, лошадиная, — улыбаюсь я.

— Почему же она в могилу попала?

— Лошадь принесли по обычаю в жертву.

Копать под палящим солнцем землю — занятие утомительное. Одно хорошо: своей монотонностью оно успокаивает и не мешает думать. Руки действуют автоматически, а в голове между тем неторопливо роятся всякие мысли.

Впрочем, слишком отвлекаться на раскопках не рекомендуется. Это что за косточка? Чуть не проглядел ее. Я тоже становлюсь на колени, осторожно расчищаю кость и окликаю Савосина:

— Алексей Петрович, по-моему, бедренная быка.

— Похоже, — соглашается Савосин, тщательно оглядев кость и чуть ли не попробовав ее на зуб. — А где лежала?

Он прыгивает в яму, выкопанную мною, осматривает ее стенки и просит:

— Дайте-ка мой нож и кисточку.

Через несколько минут он торжественно протягивает мне на ладони почти совсем проржавевшую железную пластинку.

Первая находка! Вот черт глазастый, завидно.

— Что это? — кричат студенты.

— Нож, — поясняет сияющий Савосин.

— Скифский?

— А то чей же.

Я рассматриваю находку. Да, несомненно лезвие древнего ножа. Прimitивная, чуть изогнутая железная пластинка с двумя дырочками на том конце, где она прикреплялась к истлевшей деревянной рукоятке.

— Присмотритесь получше: распространенная в здешних краях форма. Таких ножей находили немало при раскопках Каменского городища. Вероятно, там их и делали. Позднее скифские кузнецы освоили уже более совершенные ножи — без дырочек, с узким черенком. На него и насаживалась рукоятка. И выгиб стали делать побольше, — поясняя я, передавая находку студентам. Те начинают благоговейно изучать ее, стараясь дышать в сторону.

Святое мгновение — в такие рождаются археологи.

Разглядывая проржавевший металл, я снова испытал знакомое чувство какого-то умиления. Оно часто охватывало меня на раскопках. Во всех древних вещах — глиняных черепках, простеньких пряслицах или разукрашенных затейливыми изображениями зверей конских удилах есть что-то наивное, игрушечно-детское. Даже оружие не кажется опасным и грозным. Позеленевшие бронзовые наконечники давно истлевших стрел тоже выглядят игрушками. Изъеденные ржавчиной и потерявшие смертоносную остроту, покрытые наростами, мечи и кинжалы похожи просто на древесные сучки и корни.

Только Савосину не до сантиментов.

— Ты обратил внимание: кость лежала на материковой глине, а

дальше яма забита черной землей? — спрашивает он, присаживаясь на корточки. — Значит, тут была ступенька, а? На нее и положили жертвенную часть конской или бычьей туши.

Я прекрасно понимаю, куда клонит Савосин, не желая говорить прямо, — чтоб «не сглазить». Если тут была ступенька, то уж, видно, не одна. И значит, они куда-то вели, ступеньки, в какое-то погребальное сооружение.

«Ладно, не надо спешить, — сдерживаю я себя. — Мы на верном пути и скоро все узнаем».

Так мы работаем день за днем, с утра до обеда. Утром начинать работу было приятно. Солнце стояло еще невысоко и не жгло. Было прохладно и свежо, как бывает по утрам только в степи. Приветствуя новый день, звенели, заливались жаворонки в бездонном небе. От запаха степных трав и поспевающих хлебов начинала кружиться голова. Хотелось дышать как можно глубже — и все равно не надышишься.

Но днем солнце становилось жестоким, беспощадно палящим. И некуда было укрыться от его огненных стрел в раскинувшейся до самого горизонта, изнывающей от зноя степи. Молчат жаворонки. Все живое попряталось куда можно. А тебе надо копать, копать, обливаясь соленым потом...

Мы рыли землю, ломая головы над загадками далекого прошлого, а степь между тем вокруг жила совсем иной, современной жизнью. В небе, оставляя медленно тающий след, проносились реактивные самолеты. По дороге мимо нас, вздымая пыль, бесконечным потоком мчались автомашины. Нередко они останавливались, и любопытные шоферы, под предлогом как бы напиться или прикурить, подходили посмотреть, чем это мы занимаемся.

Почти каждый день наведывались и любопытные ребятишки из поселка — узнать, что новенького. Раза два заезжал и директор совхоза, но слушал наши объяснения невнимательно, рассеянно осматривал раскоп и быстро уезжал.

Поначалу это меня немножко задевало. Вспомнилось, как нахваливал Борис Мозолевский шефствовавшего над его экспедицией управляющего марганцевым трестом, на землях которого они вели охранные раскопки. Тот им ни в чем не отказывал. А нам до сих пор даже повариху не могут найти. Впрочем, конечно, у директора совхоза, к тому же отстающего, возможностей поменьше, чем у управляющего крупным промышленным трестом. Да и хлопот с полевыми работами в эту знойную пору у Петровского, конечно, и без нас хоть отбавляй. Придется, видимо, мириться с похлебкой дяди Кости и вечными макаронами по-флотски.

После обеда, в самый зной, — два часа отдыха. А затем снова трудимся до предвечерней поры, когда рука уже не может держать даже кисточку. Тогда бросаем работу, укрываем раскопанные ямы на

случай внезапного дождя и еле доползаем до лагеря. Кое-как устраиваемся вокруг земляного «стола», где уже расставлены миски и кружки, горой громоздятся ломти свежего хлеба. С трудом беремся за ложки, с неимоверным усилием подносим их ко ртам... Но с каждым глотком усталость уходит, и мы оживаем! И через несколько минут уже начинается вечный спор:

— Если ступеньки, то это уже наверняка вход в главную погребальную камеру, — солидно басит Борис Калинин. Многие слова он произносит забавно, на родной рязанский манер: «наверняка», «красовитый», «копотно» — особенно когда начинает горячиться.

— Ты уверен? А может, просто могила, куда складывали тела принесенных в жертву рабов и коней, — не упускает случай продемонстрировать осведомленность в деталях скифского погребального ритуала Марк.

Но его тут же осаживает Тося:

— Никогда их вместе не клали. Для рабов была отдельная могила, для коней — другая яма. Правда, Всеволод Николаевич?

Забавно за ними наблюдать. Тосю я знаю уже второй год и удивляюсь, как быстро она взрослеет. Пришла прошлым летом в отряд совсем девчонкой. Школу кончала где-то в небольшом поселке. Знаний у нее было маловато, и часто прорывалась некоторая «провинциальность», бедность впечатлений. Все ее удивляло.

Помню, как всех умилило и насмешило ее простодушное восклицание, когда она впервые приехала на раскопки и, выйдя утром из палатки, увидела степной простор:

— Ой, как тут неба много!

Однако была у девушки усидчивость, хорошая хватка. Читая, она аккуратно выписывала непонятные слова, заучивала их, шевеля по-детски губами, и не стеснялась обо всем спрашивать, не обращая внимания на шутки товарищей, — лишь покраснеет да упрямо заиграют желваки на скулах.

Красотой природа ее обделила — курносенькая, скуластая, полненькая и невысокая, с грубоватыми мальчишескими повадками. Но, не убаюкивая себя завистью к более начитанным и красивым подругам, она как-то умела даже из недостатков создать некий свой стиль и не жаловалась на недостаток поклонников. Вот и в лагере за ней ухаживают наперебой оба дружка, Алик и Борис. Работать хорошо Тосю, вероятно, приучили еще с детства, и ум у нее довольно пытливый, острый, хотя пока и проявляет себя слегка замедленно. Недостаток знаний она неплохо восполняет прилежанием и аккуратностью.

Забавно, что эти похвальные качества у нее заметны лишь во время учебы или работы. В свободное же время Тося весьма безалаберна и суматошна. Странное сочетание пунктуальности и легкомыслия. Принимаясь за работу, она перерождается. Ей можно со

спокойной душой поручать самые ответственные задания. Она ведет экспедиционный дневник, хранит в своей палатке все находки и упаковывает их в коробки из-под лапши и ящики, выпрошенные в сельмаге. Постепенно она становится моей надежной помощницей взамен погибавшего на глазах Марка.

А вот о неразлучных дружках Алике Горине и Борисе Калининке у меня еще не сложилось стойкого мнения. Первая летняя практика на раскопках, а потом кропотливая обработка собранных материалов, пожалуй, решающие для того, чтобы определить: выйдет из студента археолог или выбрал он профессию по ошибке, прельстившись рассказами о сказочных находках бесценных сокровищ.

Для большинства вчерашних школьников, рвущихся сейчас в археологию, как недавно ломились в ядерную физику, к сожалению, издалека наша работа представляется сплошной романтикой: экспедиции, жизнь в палатках, находки гробниц с грудями золота. А на самом деле труд археолога требует прежде всего терпения и умения видеть ценное и важное в самых, как я уже говорил, на первый взгляд невзрачных вещах. И не унывать, раскапывая один давно разграбленный курган за другим. Для этого требуется не только терпение, но и выносливость (попробуйте-ка все лето без выходных поработать лопатой под палящим солнцем); сочетание не гаснущего ни от каких неудач оптимизма с беспощадной трезвостью в оценке собственных гипотез.

После первого раскопчного сезона у меня из группы в шесть-семь студентов обычно остается один. Остальные спешат обрести другую специальность. Но зато уж, пожалуй, в этом оставшемся можно не сомневаться, из него получится археолог.

Окажутся ли такими Алик и Борис — сказать еще трудно. Меня поражала очень уж разительная несхожесть характеров друзей. Порывистый, обидчивый, экспансивный Алик был романтиком и правдоискателем, всегда первый ввязывался в споры, а когда ехидными репликами его загоняли в угол, багровел и начинал слегка заикаться. Тогда у Бориса, переживавшего за друга больше, чем за себя, сразу непроизвольно сжимались кулаки.

Борис куда спокойней и флегматичней. Несмотря на маленький рост, он сильный и любит этим прихвастнуть: всем подсовывает пощупать «стальные бицепсы», в самые неподходящие моменты вдруг делает стойку на голове или пройдет на руках.

Пожалуй, он прилежней Алика, но, конечно, не так талантлив и начитан. Пока, к сожалению, он лучше работает руками, чем головой.

Радовало, однако, что ребята все выполняли с особым рвением. Было видно, как увлекло их участие в расследовании романтической и запутанной истории Матвеевского клада, затянувшейся на века.

Как всегда при раскопках, переживания между тем нарастали с

каждым днем. Главным объектом оказалась яма, которую пришлось раскапывать мне. Стало уже ясно: там, где копал Савосин, просто могильник принесенных в жертву коней. С его расчисткой можно повременить. А вот у меня...

Обнаружилась вторая ступенька, потом третья. Вскоре под моей лопатой неожиданно что-то глухо звякнуло.

Каменная плита!

Расчищать ее взялся Алексей Петрович. Плита стояла на ребре, строго вертикально. На ней отчетливо виднелись следы подтески грубым топором.

Нет, все-таки скифское погребение! Только, кроме каменной засыпки, вход в погребальную камеру для надежности еще закрыли тяжелой плитой. И она цела, не разбита!

Мы с Алексеем Петровичем переглянулись, сдерживая радостные улыбки. Потом Савосин негромко сказал о том, о чем подумали оба:

— А ведь, пожалуй, неграбленная...

— Что означает эта плита. Алексей Петрович?

— Что мы нашли, Всеволод Николаевич? — загалдели студенты.

Уже «мы нашли», машинально отметил я, не отрывая глаз от плиты. Савосин тоже ничего пояснять не стал, отмахнулся от студентов и попробовал сдвинуть плиту. Ребята покорно притихли, понимая, что теперь не до лекций.

Мы с Савосиным сделали план входной ямы, сфотографировали плиту с разных точек. Потом осторожно отодвинули ее... Открылся вход в гробницу, забитый землей. Савосин начал ее выбирать. Я отбрасывал землю дальше. Она была однородна: мягкий рыхлый гумус перемешан с желтой материковой глиной. Значит, обвалился свод коридора и, видимо, всей погребальной камеры. Может, это и спасло, гробницу от ограбления?

Земля как земля, подумалось мне. А ведь последний раз ее тревожили лопатами примерно во время, когда в Греции выступал с речами Перикл, в театре в дни Дионисий впервые ставили трагедии Софокла и Еврипида, хохотали над комедиями Аристофана. Древняя земляца... Ведь мы раскапываем могилу их современника, даже, возможно, выращивавшего тут на своих полях пшеницу, лепешки из которой они ели там, в античных Афинах.

Между тем лопата все порхала в золотых руках Савосина. Входной коридорчик-дромос постепенно расширялся, полого уводил вниз.

Никаких находок пока не попадалось. Тоже хороший признак. Неужели могила в самом деле не ограблена? Грабители наверняка бы обронили в коридорчике что-нибудь из мелких украшений.

Вечером у костра песни звучали громче обычного. И разговоры шли все об одном: вдруг да нам действительно повезло.

Дядя Костя прислушался, вытягивая шею, и, склонив голову набок, сказал:

— Кто-то к нам едет.

Все притихли. Стал слышен приближающийся стрекот мотоцикла. А потом мы увидели и пятно света от фары, подпрыгивающее на рытвинах.

Мотоцикл свернул с дороги и подъехал к нам. Мы узнали в прибывшем тракториста, который помогал нам срывать курганную насыпь. Он слез с мотоцикла, подошел к костру, достал из кармана комбинезона толстый помятый конверт и протянул мне.

— Второй день на почте лежит, а ваши не заезжают, — сказал он. — Вот меня и попросила жинка отвезти, может, срочное. Она у меня почтарем работает...

Я сразу узнал стремительный почерк Казанского. Ребята стали угощать тракториста чаем, а я, отойдя в сторонку, поспешно разорвал конверт и начал читать при неверном свете костра.

«Приветствую, друг мой Всеволод, и надеюсь, что мое послание разыщет вас в степных просторах. Завидую вам. Я в тех краях копался еще студентом: Александрополь, Красный Кут, Томаковка — какие места! А я торчу в Ленинграде, задыхаясь под лавиной всяких организационных забот.

Но к делу! Ваш новый друг Клименко совершенно прав: с этим Золотым Оленем скучать не приходится. Он преподносит сюрприз за сюрпризом!

Очень печально, конечно, что нам досталась пустышка. Да, кстати, мы дали Павлову еще две бесспорных подделки Рачика. Он подтвердил: олень, несомненно, вышел из той же мастерской. Так что я угадал правильно, сделал его Рачик. Но не для себя. Теперь удалось выяснить, для кого он изготовил такую талантливую фальшивку и кто был владельцем загадочного чемодана!

Мой расчет на хваленый порядок в германских архивах оправдался. Вчера я получил подробный ответ на свой запрос от одного из немецких коллег — я писал многим и просил что-нибудь разузнать о таинственном незнакомце, пытавшемся всучить берлинским музейным чиновникам подделку Золотого Оленя. Почти все мне уже ответили, но, к сожалению, никто не мог сообщить ничего интересного. Но вот вчера прислал письмо Гюнтер Шнитке — вы, наверное, его помните, он учился у меня, кажется, в одни годы с вами — такой ху-денький, вихрастый.

Так вот, он раскопал в чудом сохранившемся архиве полицейпрезидиума в Мерзебурге любопытные сведения об интересующем нас незнакомце.

Преподношу вам имя жулика, умыкнувшего в Берлин Золотого Оленя. Возможно, оно вам тоже знакомо, потому что он был, как и Рачик, довольно печально известен в свое время. Это Август Игнатьевич Ставинский, известный так же, оказывается, берлинской полиции под фамилией Винкель.

Судя по имеющимся о нем в полицейском архиве сведениям, этот Ставинский был, конечно, владельцем золотой бляхи, а вовсе не просто посредником, каким себя изображал. После скандала и самоубийства одного из экспертов, несправедливо обвиненного в сговоре с мошенником, полиция хотела взяться за проходимца всерьез, для чего и завели на него дело, сохранившееся в архиве. Но жулика спасло совершенно неожиданное обстоятельство.

Оказывается, излишне щепетильный эксперт напрасно пустил себе пулю в лоб. Представляете: Золотой Олень, которого Ставинский предлагал купить музею, был не подделкой, а настоящим древним украшением! Это неопровержимо доказала химическая экспертиза, проведенная по требованию Ставинского, когда полиция взяла его за бока. Именно поэтому его и не притянули к ответу, дело замаяли и дали ему возможность кому-то продать уникальную драгоценность, а самому тихонько исчезнуть.

А я еще подумал: когда ученая комиссия купленного оленя объявила фальшивкой, почему же они анализ золота не сделали? Ведь сразу стало бы ясно — поддельная вещь или древняя. Оказывается, анализ они по настоянию Ставинского сделали, только уже не захотели в своей ошибке признаться, честь ученого мундира марать.

Вот вам новенький сюрприз. Хорош? Не ожидали?

Как ни печально, надо, мой друг, иметь мужество взглянуть правде в глаза и честно признаться, что пока в результате всех его фортелей обманутыми оказались мы. Нам досталась подделка — хотя и великолепной, изумительной работы, вполне достойная попасть в музей, но, увы, лишь в отдел выдающихся фальшивок... А настоящий Золотой Олень скрылся от нас — и, боюсь, навсегда. Ускакал, возможно, за океан и теперь лишь по большим праздникам украшает на торжественных приемах в самом узком кругу, куда нам с вами доступ закрыт, гостиную какой-нибудь престарелой вдовы миллионера, увлекавшегося скупкой украденных древностей.

Нам известно теперь имя грабителя. Конечно, сокровища где-то выкопал Ставинский. Он в основном промышлял именно поисками и хищническим грабежом древних захоронений. На него работала целая шайка «счастливчиков». И он, конечно, вполне мог убить своего сообщника — даже «не корысти ради», не с целью грабежа, а просто чтобы убрать свидетеля. Такие мрачные делишки за ним водились и прежде, до революции, но он откупался от полиции крупными взятками.

А как он лишился своего чемодана и как этот чемодан очутился в подполе воровской «малинь» — можно, конечно, только гадать. Но над этим пусть ломает голову ваш Клименко, если ему хочется, мы же давайте займемся более важными делами.

Главное мы ведь знаем — имя грабителя. Вероятно, материалы о нем удастся найти в Керченском архиве, хотя архив этот пострадал в

годы войны и оккупации. Все равно, мне думается, какие-то упоминания о Ставлинском отыскать удастся. Он наверняка порядком на следил за свою воровскую жизнь, если даже в полицейпрезидиуме Берлина на него завели специальное досье.

Однако бумажки бумажками, но надо постараться прежде всего разыскать и живых людей, которые знавали этого хищника и даже, может, работали на него.

Нам важно установить, где он незадолго до бегства за границу выкопал уникальные сокровища (а убежал он явно вскоре после того, как их нашел, иначе успел бы продать). Может, старики, знавшие его в те годы, припомнят, куда он уезжал из Керчи, где бывал? И вот в этом, мне думается, нам может сослужить Клименко. Напишите ему и попросите от моего имени заняться поисками в этом направлении.

А мне не забывайте докладывать, как идут дела у вас — не только об интересных находках, но и весьма вероятных неудачах. В Ленинграде я проторчу еще с месяц, не меньше, а возможно, и до конца лета. Если же куда-нибудь уеду, ваше письмо мне перешлют. И обо всех переменах своего адреса тоже сообщайте незамедлительно, чтобы и я мог вас разыскать при необходимости.

Ну, желаю успехов и завидую вам. Как сейчас хорошо поваляться вечерком у костра!»

Я медленно сложил письмо, поднял голову и только теперь заметил, что тракторист уже уехал, все притихли и смотрят на меня.

— Что пишет старик? — спросил Савосин.

Я молча протянул ему письмо. Алексей Петрович взял его и пошел читать в палатку. А я коротко рассказал студентам о новых сюрпризах, которые преподнес Золотой Олень.

— Вот это да! — восхищенно произнес Алик. — Прямо как в романе.

2

В тот же вечер я написал письмо Андрею Осиповичу, рассказав ему о новостях из Берлина и о просьбе Казанского добыть какие-нибудь сведения об Августе Ставлинском.

Утром привозивший нам свежий хлеб и воду парнишка захватил мое письмецо на почту, а мы, позавтракав, поспешили приступить к работе.

Наконец, дромос расчищен. Можно прикинуть размеры погребальной камеры. Она невелика, шириной всего около трех метров, вытянута с запада на восток. Савосин начинает расчищать одну из стенок, чтобы измерить ее высоту, — семьдесят сантиметров, низковато.

— Начнем с центра?

Сверкает лопата в руках Савосина. Пока никаких следов граби-

телей! Не успел я об этом подумать, как Алексей Петрович прекращает работу и выпрямляется.

— Ты что?

Вместо ответа он в мрачном молчании протягивает мне лопату. К ней прилипли крупные черные комья. Они сохранили следы воды, проникшей сюда двадцать с лишним веков назад.

Все ясно. Клекая земля. Но я пытаюсь его подбодрить:

— Может, вода натекла случайно...

— Дождик шел, а дверь плохо закрыли? — насмешливо спрашивает Алексей Петрович. Потом, вздохнув, качает головой и начинает потихонечку копать дальше.

Студенты, столпившись у ямы, изнывают от терзающих их вопросов, но не решаются нарушить драматической тишины. Только слышно, как постукивает лопата да тяжело дышит Савосин.

Вот он останавливается, отставляет лопату в сторону и садится на корточки. Я поспешно спрыгиваю к нему.

Из земли торчит позеленевший бронзовый наконечник стрелы. Савосин начинает расчищать землю вокруг.

Что это? Обломок кости, явно человеческой.

Мы с ним понимающе смотрим друг на друга. Теперь уже нет сомнений: нас опередили. Могила ограблена, все ценности украдены, а жалкие остатки погребальной утвари перемешаны с землей. Вряд ли удастся обнаружить даже целый, неповрежденный скелет.

— Откуда же он пролез, шельмец? — бормочет Савосин, озираясь вокруг. — Не иначе, как с той стороны, а то бы мы сразу на его ход наткнулись. Ах подлец, подлец!

Больше в этот день мы работать не стали. И разговоры у костра велись вечером все о том, как ловко нас провели древние грабители.

Студенты допытывались:

— Всеволод Николаевич, а богатое было погребение? Какие, по-вашему, драгоценности могли они унести?

— А почему же их стража не задержала?

— Ну кто будет постоянно охранять курганы в степи? — сказал я. — Поживут возле него некоторое время, а потом откочуют на новые места. Приедут, может, только через год, чтобы еще раз тризну справить.

— Так что, возможно, повторную тризну устраивали уже возле пустой могилки, не подозревая, что она ограблена? — спросил Алик.

— Вполне возможно. Ловко сработано, что и говорить...

Да, мастерством грабителей нельзя было не восхищаться. Задача перед ними стояла нелегкая. Хоть курганы в степи никем не охранялись и не таили в себе разных хитроумных ловушек, как пирамиды египетских фараонов, добраться до погребения местным грабителям было, пожалуй, не легче. Ведь в толще пирамиды уже были проложены строителями готовые ходы, пусть и защищенные ловуш-

ками. А чтобы ограбить погребение под курганом, приходилось от его подошвы прокапывать наклонный лаз длиной в шестьдесят-семьдесят метров, вытаскивая землю корзинами или мешками. Лаз обычно рыли круглый, не больше метра в диаметре. Копать его грабителям приходилось, сидя на корточках или даже лежа. И не промахнуться — проложить ход прямо к погребальной камере, а то вся работа впустую. Рыть же проход в более податливой, рыхлой земле курганной насыпи было бесполезно. Она бы осыпалась, то и дело заваливая лаз и грозя придавить грабителей. Нелегким было воровское дело и опасным. Но желающие заняться им всегда находились.

Единственное наше утешение, что охотились они за драгоценностями. Посуда и всякая бытовая утварь обычно их не интересовали. Все это они, к счастью, оставляли нам, правда безжалостно перебив, поломав, пока шарили в гробнице.

Так что зачистку даже ограбленного погребения, конечно, следовало довести до конца. Нам пригодится все — даже оброненная бутылка.

На следующее утро мы и занялись этой кропотливой работой. Две недели ушло на то, чтобы расчистить камеру и перещупать буквально каждый комочек земли. Но результаты мало порадовали нас. Мы раскопали скелет погребенного. Это был мужчина лет примерно сорока. Довольно рослый: выше метра семидесяти. Кости у него были, пожалуй, немного потолще, чем у нынешних мужчин этого возраста. Значит, был он крупнее, массивней, осанистей.

Прежде чем извлечь его из могилы, мы сфотографировали скелет со всех возможных точек, каждую косточку нанесли на план и пропитали особым составом, чтобы не разрушилась на солнце и свежем воздухе. А то бывает, при неосторожном вскрытии гробниц веками пролежавшие в них скелеты исчезают на глазах потрясенных археологов от легкого дуновения ветерка, превращаются в пыль, прах.

Лишь потом мы осторожно извлекли скелет вместе с пластом земли, на которой он лежал. А вокруг в почтительном молчании собрались все участники экспедиции и ребятишки, набежавшие из поселка.

Расчистка скелета всегда волнует. Не только потому, что невольно в голову приходят грустные мысли о бренности всего земного. Ведь это встреча с представителем далекого прошлого, единственным свидетелем тех загадочных событий, какие интересуют археолога.

— Всеволод Николаевич, как вы думаете: кочевой это был скиф или земледелец? — спросила Тося.

— Я бы сам хотел узнать, — развел я руками. — Но трудно. Слишком мало для этого вещей нам оставили грабители. Судя по осколкам керамики, это был все-таки кочевник.

Казанский не ошибся. У скифов, пожалуй, не было племен, занимавшихся только земледелием и полностью оседлых. Все они имели и развитое пастушеское хозяйство. Разводили преимущественно овец и лошадей, в меньшем количестве рогатый скот — главным образом быков, запрягая их в повозки и плуги.

Из года в год одними и теми же путями скифы кочевали по степи в поисках обильного подножного корма для скота. А земледелие развивалось лишь там, где природные условия ограничивали возможность постоянных кочевков.

Но нам теперь, через тысячелетия, по археологическим находкам определить, какой именно образ жизни вело данное скифское племя — преимущественно оседлый или в основном кочевой, очень нелегко. Об этом я долго размышлял вечерами, сидя в одиночестве у затухающего костра, когда все уже уходило спать.

То и дело нам приходится задумываться над ребусами, пожалуй, потруднее того, какой по преданию загадали скифы персидскому царю Дарию. Когда он вторгся в степные просторы, они прислали ему письмо — необычное, ведь писать скифы не умели. С недоумением рассматривал царь нарисованных птицу, мышь, лягушку и пучок стрел. Что они могли означать?

Царь истолковал загадочное послание в духе льстивых изъявлений покорности, какие привык получать от перепуганных противников: якобы скифы готовы сдаться, сложить оружие и отдать в его полное распоряжение не только своих скакунов, которых, по мнению царя, олицетворяла попрыгунья-лягушка, но и всех вообще обитателей степи до последней мыши, и даже птиц в поднебесье.

Однако нашелся в его свите мудрец, знавший скифов лучше царя. Он расшифровал их послание правильно. Означало оно совсем иное: «Если вы, персы, не можете летать, как птицы, зарываться в землю, как мыши, скакать по болотам, как лягушки, не укрыться вам от скифских стрел!»

Так вот и нам приходится ломать голову над каждым раскопанным черепком и наконечником стрелы: о чем они могут рассказать? И ошибочный вывод может увлечь на ложный путь. Не всегда это постигнешь логикой. Порой бывает весьма полезно дать волю фантазии. Этому нас учил Олег Антонович, устраивая на раскопках во время студенческой практики занимательные соревнования.

Я даю волю фантазии, и грезится мне: медленно тянется по степи огромный обоз. Степь совсем иная, чем ныне, — дикая, пустынная. От этого она кажется еще просторней. Нет ни дорог, ни полей, ни селений — сплошной ковер цветущих трав до самого края неба. Их никто не косит, и травы вырастают такие, что местами могут скрыть с головой даже всадника.

И вот по этому морю душистых трав плывут, скрипя и раскачиваясь, кочевые войлочные домики-кибитки на огромных деревянных

колесах. В них играют, смеются и плачут дети, привычные к бесконечным странствиям, негромко поют женщины, занимаясь своими делами. Изнывая от зноя, бредут стада. Блеют овцы, ржут горячие кони, протяжно режут медлительные волы. Подгоняя их, гортанно кричат пастухи, носятся вокруг на злых полудиких лошаденках.

А вдаль, где степь незаметно переходит в блеклое от зноя небо, охраняя весь этот пестрый и шумный, неторопливо движущийся мир, осторожно едут воины, выслав вперед дозоры.

Ведь покой и тишина обманчивы. Незаметно подкравшись в густой траве, в любой момент, словно из-под земли, могут налететь вражеские всадники. Засвистят стрелы, засверкают мечи. Отобьют часть обоза, угонят отары овец и табуны лошадей, исчезнут так же внезапно враги, как и появились из знойного марева.

Племена, входившие в скифский союз, нередко враждовали между собой за лучшие пастбища, всегда были не прочь ограбить соседей. Военные набеги кормили скифов. И только перед лицом вторгшегося в родную степь чужеземного врага все племена действительно объединялись.

И тогда степь приходила к ним на помощь. Она была для скифов не только родным домом, просторнее которого трудно найти, но и верной союзницей, надежной защитницей.

Когда царь Дарий, не вняв предупреждению, разгневался и повел свои войска в степь, скифы не стали на него нападать. Они отступали, заманивая врага в степные просторы. Всадники на горячих конях все время маячили на горизонте, но боя не принимали. Царь приходил все в большую ярость, а потом ему стало страшно. Кругом облегла его войско немая, враждебная степь. И непобедимый Дарий повернул свои отряды назад. Они уходили, тревожно оглядываясь и все ускоряя марш. А на горизонте, провожая их восвояси, все так же маячили молчаливые всадники в остроконечных башлыках...

Степь помогла скифам победить Дария.

А я? Правильно ли понимаю я немой язык немногих находок, оставленных нам грабителями? Не заманивают ли и меня призрачные всадники на ложный путь?

Об этом я задумывался, пробуждаясь от грез. Ведь пока не попадалось решительно никаких признаков того, что мы действительно идем по следу Золотого Оленя. И мысли эти все чаще не давали мне спать, как ни уставал я за день.

Кроме скелета и осколков битой посуды, нам досталось еще совсем немного: девять наконечников стрел, три от копий да четыре золотые бусинки от ожерелья, оброненных грабителями.

И все же ограбленный курган напоследок одарил нас любопытными находками! Первую совершенно случайно сделала Тося, заканчивая расчистку угла погребальной камеры.

— Ой, что это? — вдруг вскрикнула она, поддевая кончиком ножа

комочек глины.

Он отлетел в сторону и тяжело шлепнулся на землю, причем мне показалось, что комочек как-то странно блеснул на лету. В нем явно что-то было!

Все бросились к упавшему комочку, но тут же расступились, уже автоматически уступая место Савосину.

Алексей Петрович взял комочек в руки и начал очищать его щеточкой.

— Золото, — зачарованно прошептала Тося. — Какая прелесть!

На ладони Савосина лежал маленький золотой вебрь, воинственно и в то же время забавно задрав длинную морду с грозно торчащими клыками.

Я взял статуэтку у Савосина и стал ее рассматривать. Над ухом у меня пыхтели ребята.

Кто с таким искусством отлил из золота эту фигурку — греческий или скифский мастер? Пожалуй, все-таки грек: скифы относились к звериному стилю серьезно, проявляя порой в изображении животных немало фантазии, но не юмора. А тут у грозного вебря был довольно забавный вид. Художник как бы подшутил над ним, придав ему чуть-чуть карикатурные черты.

— Вот так свинью нам подложили, — проговорил Алик, и мы все радостно расхохотались.

— А я так сначала испугалась, когда увидела, что из земли торчит эта мордочка, даже отбросила комок в сторону, — виновато сказала Тося.

— Странно, почему он тут оказался, — задумчиво проговорил Савосин, осматривая место, где была сделана неожиданная находка. — Вряд ли грабители могли его не заметить или тут обронить. Такое впечатление, что он положен нарочно, сознательно.

— При погребении? — спросил Алик.

— Нет, я же говорю — грабителями, — ответил Савосин, продолжая задумчиво все разглядывать вокруг.

— Что же они: нарочно нам сделали такой подарок? — недоверчиво спросил Борис.

— Да нет, о нас они, конечно, не стали бы заботиться, — пояснил я. — Это они свои грехи решили замолить, на всякий случай богов умиловить, чтобы не мстили за осквернение могилы. Вот и оставили им из своей добычи статуэтку в искупительную жертву. Был тогда подобный обычай.

— Конечно! Мы же проходили. Как же я забыла? — пробормотала Тося.

Когда мы вечером уединились с Алексеем Петровичем в своей палатке, я спросил его, поставив найденную фигурку на стол.

— Как ты считаешь, Алеша, дикий это вебрь или домашняя свинья?

Савосин улыбнулся:

— Прекрасно понимаю, тебе бы хотелось услышать иное, но, по-моему, это явно дикий кабанчик.

Конечно, я бы предпочел, чтобы это был не вепрь, а именно одомашненная свинья. Это служило бы доказательством, что мы раскопали погребение скифов-земледельцев, а не царских или кочевых. Геродот отмечал, что кочевые скифы не разводили свиней. Это действительно трудно при постоянных кочевках с места на место. Кости свиней находят при раскопках остатков древних поселений гораздо севернее — уже в зоне лесостепи.

Другие любопытные находки оказались в яме с останками принесенных в жертву лошадей. Ее начал было раскапывать Савосин, но потом занялся расчисткой погребальной камеры.

Теперь, закончив работы в камере, мы принялись докапывать эту яму. Кожаная сбруя давно истлела. Но, видно, она была богатой и нарядной, судя по сохранившимся украшениям из золота и серебра.

В одном уздечном наборе оказались серебряные пластины. На втором серебро было покрыто сверху еще тонким листовым золотом. Нащечные бляхи золотого набора были сплошь разукрашены изображениями различных животных: скачущих оленей, летящих орлов, сказочных грифов. Золотой налобник, некогда гордо венчавший голову скакуна, украшало изображение двух орлов и поверженного льва.

Серебряный набор был попроще. Его крупные бляхи были украшены изображениями бычьих голов с грозно выставленными рогами.

Интересны были железные и бронзовые удила с продетыми в их кольца псалиями — металлическими палочками, за которые крепился повод. Один конец каждой псалии украшала головка барана, другой — конское копыто.

Все изображения животных были выполнены с таким мастерством и изяществом, что ими нельзя было не залюбоваться. Знаменитый скифский звериный стиль являл себя тут во всей красе и величии.

Кроме того, мы нашли около двух десятков бронзовых колокольчиков с железными язычками и серебряных бляшек, скрепленных между собой тонкими бронзовыми цепочками. Этот набор украшал грудь скакуна, весело звеня при каждом его шаге.

Как ни интересны были уздечные наборы, они, к сожалению, тоже не давали возможности даже примерно определить, раскопали мы погребение скифа царского или земледельца. Ведь убранство коней с подобными украшениями было весьма похожим по всей степи от Карпат до Алтая — и даже не у скифских племен.

Так что родина Золотого Оленя оставалась по-прежнему скрытой от нас, хотя, возможно, и находилась где-то совсем неподалеку.

Больше нам тут делать было нечего. Надо переезжать на новое место, искать другой курган. Где?

Мы свернули лагерь, сложили все мешки и ящики в машину, взгромоздились на них и заехали в поселок, чтобы поблагодарить Петровского и трактористов за помощь и попрощаться с ними.

А потом бесконечная дорога снова повела нас в степь.

За годы раскопок я как-то по-особенному полюбил чудесную повесть Чехова «Степь», часто перечитываю ее и многие места знаю уже наизусть. Вот катится бричка по степной дороге, и Чехов мимоходом отмечает: «Точно она ехала назад, а не дальше, путники видели то же самое, что и до полудня». Можно ли выразительней и лаконичней передать величавое однообразие бесконечных степных просторов?

Опять мы придирчиво осматривали каждый встречавшийся на пути курган и не знали, где же остановиться. Это было мучительно. Я и в самом деле чувствовал себя каким-то авантюристом-кладоискателем. Но, помня совет Казанского проверить район пообширнее, все не давал команды остановиться.

Наконец не выдержал. Миновав Томаковку, где в прошлом веке раскопали интереснейшую Острую могилу, мы облюбовали группу стоявших недалеко друг от друга довольно больших курганов возле деревни Михайловки и начали выбирать место для лагеря.

Тут нам повезло. Место мы нашли неплохое, а главное — великолепную помощницу — начальницу работавшего здесь мелиоративного отряда Василису Ивановну Рогову.

Это была миловидная, веселая женщина лет сорока, в кожаной

куртке и с характером и повадками полководца, за что все и называли ее даже в глаза «Василием Ивановичем». Командовала она своими лихими механизаторами по-чапаевски, и слушались они ее беспрекословно.

Выслушав мою просьбу выделить нам на недельку бульдозер и скрепер, она кивнула и деловито поправила:

— Два бульдозера и два скрепера. Чтобы побыстрее освободились. Завтра к шести утра будут.

А от предложения заключить договор и оплатить аренду машин небрежно отмахнулась.

— На что мне ваши гроши. Я же, срывая вам курган, свою работу выполняю: улучшаю планировку полей. Так за что же буду с вас деньги брать? Выбирайте курган. Завтра машины будут.

Савосин, когда я восторженно рассказал, вернувшись в лагерь, об этом коротком деловом разговоре, мечтательно проговорил:

— Вот бы пристроиться к ее отряду и раскапывать курган за курганом. Прекрасно бы работа пошла.

Незачем подробно рассказывать, как мы раскапывали второй курган. Сначала заложили контрольные скважины и убедились: курган скифский. Рано утром бульдозеры пошли на приступ, строгой сверкающими ножами курганную насыпь, а скреперы отвозили землю в сторону. Потом настанет пора взяться нам за лопаты, а затем и за более тонкие орудия труда: медорезные ножи, кисточки, резиновые груши. Пойдет работа кропотливая, медленная, однообразная. Все повторяется при раскопках каждого кургана, так что рассказывать об этом не стану, а расскажу лишь о неожиданных и загадках, с которыми мы столкнулись. Это произошло уже на третий день, когда курганную насыпь срыли еще едва наполовину.

— Стой! — крикнул Савосин, размахивая руками и бросаясь прямо под нож бульдозера.

Машина дернулась и замерла. Я подбежал к Савосину и увидел хорошо заметную полоску более рыхлой земли, рассекавшую сверху вниз курганную насыпь.

— Ты думаешь — лаз? — спросил я осипшим от волнения голосом Алексея Петровича.

— Конечно, — мрачно ответил он.

Опять нас опередили грабители! Только на этот раз они не прокладывали наклонный лаз под курганную насыпь, а прокопали колодец сквозь всю ее толщу сверху. Значит, ограбили они могилу не вскоре после похорон, а уже через несколько десятилетий, когда земля в насыпи достаточно слежалась и затвердела, чтобы стенки шахты не осыпались. Потом уже колодец постепенно засыпала размытая дождями земля.

И снова мастера грабительского дела не промахнулись, попали прямехонько в погребальную камеру! Им никто уже не мог поме-

пать, так что они не спешили, обшарили ее тщательно всю и ничего нам не оставили, кроме двух наконечников стрел, осколков ненужных им разбитых глиняных горшков грубой лепки да костей скелета, разбросанных по всей камере.

Но это мы уже узнали позже, когда срыли курганную насыпь, оставив только контрольную бровку, и начали осматривать погребальную камеру. К счастью, расчищать от обвалившейся земли ее не пришлось. Но что толку: она была пуста.

Сумели грабители проложить ход и к могиле, где были закопаны три жертвенных коня, так что и тут не оказалось ничего, кроме лошадиных скелетов да бронзового колокольчика.

Но работа есть работа. Могила раскопана, и мы должны были действовать как положено: принялись разбивать на квадраты, фотографировать и осматривать каждый сантиметр пола камеры.

...Мы уже обжились в степи. Лагерь становился все комфортабельнее. Находчивый Алик придумал сделать Тосе удобное корыто для стирки, а затем по тому же гениально-нехитрому примеру и ванну. В ней было приятно понежиться субботним вечерком. Устроил он их очень просто: выкопал ямки нужного размера, застелил их пластиковой пленкой, прикрепил ее — и можно было спокойно наливать воду, не опасаясь, что она впитается в землю.

— Здорово! — восхитилась Тося. — Алик, ты — гений!

А Марк Козлов многозначительно сказал:

— Любовь — двигатель прогресса.

Мы копались в земле, а бескрайние пшеничные поля, раскинувшиеся до горизонта, постепенно золотели — и вот уже зарокотали вокруг комбайны, не утихая даже ночью. Приближалась осень.

Работали мы, признаться, довольно уныло, без вдохновения.

Как-то, поехав в Михайловку за продуктами, дядя Костя привез мне письмо от Андрея Осиповича Клименко (хорошо, что я предусмотрительно в первый же день сообщил наш новый адрес не только Казанскому и Андрею Осиповичу, но и многим друзьям-археологам).

Я торопливо вскрыл конверт. Письмо было аккуратно, без помарок перепечатано на машинке, словно официальный документ.

«Уважаемый Всеволод Николаевич!

Извините, пожалуйста, что задержался с ответом на ваше письмо. Дело в том, что отыскать какие-нибудь полезные для вас сведения о Ставинском оказалось не так-то легко.

Правда, я и сам раньше слышал о нем, в молодые годы. Но встречаться лично не доводилось, хотя мы его и искали после смерти Рачика. Но он действительно куда-то очень быстро исчез примерно в это же время, вскоре после разгрома врангелевцев. Человек он был алчный, готовый на все, так что предположение вашего уважаемого профессора О.А. Казанского о том, что Ставинский мог быть как-то причастен к убийству Мирона Рачика не лишено оснований, хотя, к

сожалению, точными доказательствами мы не располагаем.

Я попытался выяснить, куда мог выезжать Ставинский в годы гражданской войны, хотя, как вы понимаете, это дело довольно трудное. Удалось установить, что он служил где-то у белых, кажется, у деникинцев. Однако после их разгрома, не то в 1919, не то в 1920 году вернулся в Крым, пользуясь многочисленными связями, прикинулся больным, к военной службе не пригодным и у врангелевцев служить не стал. Вовремя, как видите, сообразил, что их пенсика счел, и поспешил укрыться в тени. Хитер был. Стреляный воробей.

В Керчи при врангелевцах он политикой не занимался, поэтому мы его в первое время после освобождения Керчи и не трогали. У нас других хлопот хватало. Потом, как я уже рассказывал, он исчез.

Я этими данными, уважаемый Всеволод Николаевич, однако, не успокоился и продолжал поиски, — прежде всего, конечно, бывших «счастливчиков», которые могли его помнить. Однако, к сожалению, как вы уже знаете, они поумирали. И все же мне повезло! Я разыскал живого «счастливчика», да еще такого, что прекрасно знал Ставинского, даже работал на него. Правда, был он тогда еще хлопчиком, однако Ставинского помнит. Только мужик он гордый, не любит вспоминать грешки молодости, тем более что давно стал уважаемым человеком, сталеваром на Камыш-Буруне, Героем Труда. Теперь он вот уже три года как на пенсии.

Открылся он мне совершенно неожиданно, когда я однажды, не без умысла, взял да и рассказал на одном из заседаний Совета ветеранов, как тщетно мы ищем следы Ставинского. Была у меня слабая надежда: вдруг кто из стариков и припомнит что-нибудь об этом проходимце? И, как видите, расчет мой оправдался, да еще так, что и сам я не ожидал.

После заседания Логунов отвел меня в сторону и сказал, что знал Ставинского, попросив, по возможности, не рассказывать здесь никому, что он был в юности «счастливчиком». Он мне подтвердил те сведения, которые я уже изложил в начале письма, добавив кое-какие любопытные подробности относительно характера Ставинского, рассказал, как нещадно тот эксплуатировал работавших на него людей.

Логунов работал на Ставинского два года — в тысяча девятьсот семнадцатом и восемнадцатом, а потом, когда ему исполнилось шестнадцать лет, ушел работать на рудник, потом на комбинат и везде трудился честно, добросовестно, а о прошлом, как я уже говорил, никому не рассказывал. Ставинского он сам видел всего несколько раз. Ставинский в те годы, как мы уже знаем, служил в армии, а после революции перекинулся к деникинцам. Но в Керчь ему удавалось навещаться нередко. Видимо, у военного начальства он пользо-

вался поблажками. Но где именно служил Ставинский, где находилась его часть — Логунов, к сожалению, не знает.

Помнит Логунов, что, вернувшись в Керчь и прикинувшись больным, Ставинский тем не менее связей со «счастливчиками» не порывал и даже говорил: пусть, дескать, ребята подождут, еще настанут лучшие времена и у него для них найдется очень выгодная работенка, знает он богатое место».

Эти слова, многозначительно подчеркнутые Андреем Осиповичем жирной волнистой чертой, я перечитал дважды.

«Но Логунов, как я уже говорил, больше на этого жулика работать не стал, — писал далее Клименко, — а предпочел начать честную трудовую жизнь».

Однако у Ставинского с его надеждами разбогатеть ничего не вышло. Почуввав, видно, что, покончив со срочными делами по вылову всяких контрабандистов, доберемся мы и до него, Ставинский убежал весной двадцать первого года за границу. Логунов говорит, будто увезли его в Турцию на фелюге дружки-контрабандисты. Но, видать, что-то там нечисто было при его отъезде: с кем-то Ставинский перессорился, возможно, не поделили чего-то. Во всяком случае, как слышал Логунов, дружки ухитрились его дочиста обобрать перед самым бегством, так что он уже ни разыскать врагов, ни отомстить им не успел. Так что за границу Ставинский в драных порточках и старой фуфаечке отбыл. Как говорится, вор у вора дубинку украл.

Проверить все эти сведения мне пока не удалось за давностью событий, но я склонен Денису Прокопьевичу вполне верить. Не только потому, что он вообще мужик честный и сочинять такие подробности ему ни к чему. Но ведь история эта объясняет и каким именно образом чемодан с драгоценностями попал в воровскую «малину»! Он принадлежал Ставинскому, был у него выкраден перед его бегством за границу. А вынести потом чемодан из «малинь» жуликам помешала наша внезапная облава и пожар, о которых я вам уже рассказывал.

Однако надежды ваши на то, что якобы все-таки, может, удастся разыскать Ставинского где-нибудь за границей, напрасны. Дело в том, что Логунов, оказывается, еще раз встретился со Ставинским. И знаете где? В Керчи. В ноябре сорок первого года Ставинский заявился в родные места с фашистскими оккупантами.

Ходил он в штатском, служил вроде переводчиком при какой-то саперной части. Нередко бывал и в комендатуре. Он, конечно, сильно постарел, но Логунов уверяет, будто узнал его.

Честно говоря, я сначала засомневался: Логунов мог обознаться, ведь сколько лет прошло. Тем более он сказал, будто видел Ставинского вблизи лишь однажды, столкнувшись с ним случайно на улице. Потом он видел его еще два раза, но издали, потому что ему показалось, будто Ставинский его тоже тогда, при первой встрече, уз-

нал. Логунов на всякий случай старался больше ему на глаза не попадаться. То, что Ставинский мог его узнать, конечно, сомнительно. Ведь Логунов работал на него еще мальчишкой. Но Денис Прокопьевич рисковать не имел права, потому что был связан с партизанами.

Когда он доложил командованию о встрече со Ставинским, было решено после проверки предателя Родины уничтожить, пока он не опознал и не выдал немцам кого из местных жителей.

Приговор был вынесен по всем правилам военного времени. Привести его в исполнение поручили двум партизанам — Андрею Звонареву и Кузьме Неходе. Они подкараулили Ставинского и застрелили на Третьей Продольной улице, неподалеку от дома, где он жил. Так что Ставинский за все получил сполна — и за старое хищничество, и за кражу народных ценностей, и за предательство Родины. Но по интересующему нас вопросу он, к сожалению, уже никаких показаний дать не может.

Видите, как жизнь решила, уважаемый Всеволод Николаевич. Я постарался вам помочь, насколько было в моих силах. Но, кажется, уже больше ничего по криминалистической, так сказать, линии выяснить не удастся. Придется вам уж самим искать, где же он выкопал древние сокровища. Я понимаю, насколько нелегка эта задача. Но наберитесь терпения, может, вам повезет. И черкните мне, пожалуйста, хоть пару строчек, как идут у вас дела. Что удалось раскопать интересного?

И вот еще какая мысль пришла мне в голову. Все я думал о том, зачем понадобилось Ставинскому, кроме золотых вещей, таскать еще в чемодане обломки древнего горшка? Каким он вырисовывается со слов всех, кто его знал, это на него совершенно непохоже. Допустим, правильна ваша версия, что осколки попали в чемодан случайно, завалившись в вазу. Но Ставинский уж наверное бы их заметил — и давно вышвырнув, не стал бы таскать.

Знаете, какая мысль возникла у меня по этому поводу? Что драгоценности эти выкопал вовсе не сам Ставинский и даже не простой «счастливчик», работавший на него, а кто-то серьезно разбиравшийся в археологии. Для кого и эти черепки, как вы сами мне неоднократно поясняли, представляли определенную ценность.

Версия, конечно, весьма шаткая, но проверить ее, мне кажется, не мешает. Может, кто из ваших студентов пороется в специальной археологической литературе тех лет? Вдруг и наткнется на сообщение о каком-либо обокраденном или пропавшем без вести археологе, или о покраже у кого-то только что выкопанных ценных древностей. Я и сам попробую тут полистать газетки тех лет.

Простите, что отнял у вас столько времени таким длинным письмом и опять нерадостными новостями. Желаю вам успехов, уважаемый Всеволод Николаевич, и жду хоть коротенькой весточки. Креп-

ко жму руку! Клименко».

Буря противоречивых чувств бушевала в моей душе, пока я читал письмо. Сначала я обрадовался, что неумному Андрею Осиповичу все же удалось разыскать бывшего «счастливчика», работавшего на Ставинского. Потом все мои надежды сразу померкли, когда я узнал о дальнейшей судьбе матерого хищника.

Окончательно рушилась последняя слабенькая надежда, что, может, все-таки удастся каким-то чудом разыскать за границей следы Ставинского. Круг замкнулся опять в Керчи.

Сегодня же напишу об этом Казанскому. Старик огорчится. Придется огорчить его и тем, что ничего интересного мы здесь не нашли и в этом году явно не успеем больше раскопать ни одного кургана. Да и студентам пора возвращаться к началу занятий в Киев.

В будущем году придется перебираться в новый район. А куда? Перенести поиски на левый берег Днепра, в район Запорожья? Курганы скифов-земледельцев попадаютя и там, но реже, чем на правом берегу. Значит, снова метаться по степи, не зная, на каком кургане остановиться? Признаться честно, Петренко прав: это начинает смахивать на кладоискательство. Так искать, на авось, всей жизни не хватит.

С такими невеселыми мыслями я написал письмо Казанскому обо всех новостях, сообщенных Андреем Осиповичем. Написал открыточку и Клименко, поблагодарив за все хлопоты и коротко сообщив, что у нас пока никаких достижений нет, похвастать решительно нечем.

От кургана уже осталась лишь узенькая контрольная бровка. Поручив Савосину с Тосей дочистить погребальную камеру, я с ребятами решил скрыть бровку.

Эта работа никаких неожиданностей и открытий не сулила. Ребята копали лениво, перекидываясь шуточками и часто останавливаясь. Приходилось их подгонять.

И вдруг Марк неистово крикнул:

— Снаряд, ложитесь! — и, далеко отшвырнув лопату, отбежал в сторону и присел на корточки. Студенты бросились кто куда.

— Что там у вас? — поспешил я к ним.

Но Марк предостерегающе замахал руками:

— Не подходите, Всеволод Николаевич! На снаряд наткнулся! Торчит из земли. Даже задел его лопатой, чудо, что не взорвался. Надо саперов вызывать.

— Какой еще снаряд? — недоверчиво спросил подошедший Савосин.

— Обычный, неразорвавшийся, — пояснил Марк. — От войны, видать, остался.

«Этого еще не хватало, — подумал я. — Неужели придется останавливать работу, сидеть и ждать, пока приедут саперы и заберут

чертов снаряд? Откуда он взялся? Хотя бои тут шли горячие».

— Пойду-ка я гляну, что за снаряд, — лениво сказал Савосин и направился к раскопу.

— Алеша, не стоит, — пытался остановить его я.

— Я же сапер, — пожал он плечами. — И раз уж он не взорвался, то еще подождет. Только вы отойдите от греха подальше.

Мы следили, как, подойдя к раскопу, он присел на корточки, что-то рассматривая, потом начал разгребать пальцами землю.

— Алексей Петрович! — прикрикнул я.

— Идите, полюбуйте, что этот паникер за снаряд принял, — весело отозвался Савосин.

Мы поспешили к нему и увидели, как Алексей Петрович бережно выковыривает из земли какой-то металлический предмет конусообразной формы. Пожалуй, в первый момент, когда он лишь немного выступал из земли, его в самом деле можно было принять за головку снаряда.

— Принесите-ка ножик и щетку, — скомандовал Савосин.

— Что это такое? — спросил Алик.

Ему никто не ответил, потому что не только Савосин, наконец извлекший странный предмет из земли и начавший тщательно очищать его щеточкой, но и я был озадачен.

Металл под щеткой сверкнул тусклой желтизной.

— Золото! — вздохнули студенты.

Кажется, действительно золото. Но что это за штука?

Сильно помятый, придавленный землей конус из листового золота. Почти точно в центре небольшое круглое отверстие. Сосуд? Но почему такой необычной формы? И в него ведь ничего не нальешь, из дырки все выльется. Шлем? Тоже непохоже, на голову не напялишь.

— Может, часть какого-то сооружения? — предположил Савосин.

— Думаешь, остальное было из кожи или дерева и все истлело? Возможно. Но все равно трудно понять, для чего могла служить эта штуковина. Часть головного убора?

Савосин, не любивший строить гипотез, особенно скороспелых, пожал плечами и, усмехнувшись, ответил:

— Запиши в дневнике просто: «найден предмет ритуального назначения», — и опять, опустившись на четвереньки, стал разгребать землю вокруг ямки, из которой извлек загадочный золотой конус.

Это была давняя традиционная шутка: так говорили археологи, когда доводилось выкопать нечто, не сразу понятное.

Вечером мы отчистили конус. По нижнему краю его гнались одна за другой четыре пантеры. Выше их были изображены три грифона, широко распростерших крылья. Видимо, это была работа греческого мастера, подражавшего звериному стилю. Но для чего предназначался загадочный конус? И почему он очутился в курганной насы-

пи?

После такой находки мы, конечно, стали докапывать бровку очень осторожно и даже заново тщательно пересмотрели, перещупали каждый комок ранее выброшенной земли. Но, увы, ничего не попадалось.

Настроение у ребят заметно упало. Однажды я ненароком подслушал, как Алик, так же быстро остывавший, как и загоравшийся, задумчиво сказал, опершись на лопату:

— Пожалуй, подамся куда-нибудь в другой институт.

— В какой? — спросила Тося. — Конечно, в технический?

— Наверное. Чего тут пустые могилки раскапывать?

— Надо в будущее глядеть, а не в прошлое, — наставительно поддержал дружка Боря. — Главное направление науки где? Физика, кибернетика...

— Чего же вы сюда шли? — возмутилась Тося.

— К нам кто-то спешит, — окликнул меня Савосин и настороженно добавил: — Опять какие-то вести везут.

Действительно, от поселка скакал к нам босоногий застенчивый хлопчик на неоседланной лошади. Шмыгая от важности порученного задания носом и отводя глаза, он сунул мне в руки мокрую измятую бумажку и тут же ускакал обратно, даже не подождав, пока я ее прочитаю.

На бумажке нетвердым почерком было написано:

«Телефонограмма. Явитесь для разговора с Керчею завтра к 21:00. То исть 16 августа».

Внизу стояла лихая неразборчивая закорючка.

До чего приятно было на следующий вечер, после томительного ожидания, длительной переключки телефонисток и унылого гудения в телефонной трубке услышать знакомый, такой спокойный и вроде даже немножко ленивый голос!

— Это вы, Андрей Осипович? Здравствуйте! — закричал я. — Как вам удалось отыскать меня?

Раздался тоже знакомый лукавый смешок.

— Чего же тут удивительного? — ответил Клименко. — Такая профессия. Не важно, что на пенсию вышел. Друзья у меня повсюду есть. Понадобится, всесоюзный розыск объявим, никуда не скроешься.

— Как вы там поживаете?

— Да ничего, скрипим помаленьку. Сами знаете, какая жизнь у пенсионера. А у вас как дела? Из оружия ничего интересного не нашли?

— Пока ничего. Второй курган тоже ограблен дотла.

— Значит, и в давние времена злодеи поворовывали, да еще так, что и через века вам кровь портят? Видно, тогда следователей не хватало, потому и безобразничали.

— Точно, Андрей Осипович. Но что-то вы хитрите. Не для того же вы позвонили, чтобы подбодрить меня шутками. Есть какие-то новости? Не томите...

— Кое-что есть, — ответил Клименко, и по голосу его я сразу представил, как он хитро и довольно улыбается. — Разыскал я тут еще других бывших партизан и подпольщиков. И припомнили они, будто Ставинский мечтал все перебраться из Керчи в другие места и после победы гитлеровцев там обосноваться. Вам не кажется это любопытным?

— Кажется, Андрей Осипович, конечно, кажется, — закричал я. — А куда именно он рвался?

— Удалось выяснить и это. Манили его места между Днепропетровском и Кременчугом... Что вы молчите? Или эта версия сомнительна?

— Сомнительна, Андрей Осипович. Это самая окраина Скифии. Никогда там таких богатых погребений не находили.

— Ну, извините меня, это не довод. Не находили, теперь нашли.

— Мне бы ваш оптимизм. А у вас достоверные сведения?

— Никому из партизан Ставинский, конечно, о своих мечтах и планах не рассказывал. Но есть тут одна замечательная женщина, Рейнвальд Эльза Генриховна, немка по национальности. Она была подпольщицей, устроилась служить при штабе одной фашистской части. Немцы ей доверяли и, поскольку она глухая, не боялись вести при ней весьма откровенные разговоры. Так вот она уверяет, что несколько раз слышала, как Ставинский рассказывал о своих планах перебраться под Днепропетровск. Называл его еще по-старому, Екатеринославом. Рассказывал, будто служил там еще у денкинцев и очень те места нахваливал.

— Позвольте, Андрей Осипович, но как же подпольщица это слышала, если она глухая? — изумился я. — Она что же, притворялась глухой?

В трубке снова прожурчал лукавый смешок.

— Да нет, она в самом деле глухая. Немцы ее проверяли. Только они не знали, что она много лет преподавала немецкий язык в школе для глухонемых, где прекрасно научилась все понимать по губам. Так что их разговоры Эльза Генриховна улавливала гораздо лучше, чем мы бы с вами услышали, лишь бы она видела беседующих. Она большую пользу подпольщикам принесла. Замечательная женщина, награждена орденом боевого Красного Знамени. Да вы приезжайте в Керчь, сами с ней познакомитесь, расспросите обо всем, что вас интересует. А то я не знаю, какие подробности вам нужны... Надо, чтобы вы сами побеседовали с ней и с другими партизанами. Можете выбраться хотя бы на денек, Всеволод Николаевич?

— Надо бы сначала отвезти ребят в Киев. Пожалуй, недели через три смогу выбраться к вам.

— Боюсь, как бы вы не опоздали. Ей ведь девяностый год пошел, Эльзе Генриховне. И очень слаба она стала последнее время. Врачи говорят, может в любой день с ней беда случиться. Тогда вы уже ничего у нее спросить не сможете. Поэтому я и решил вам позвонить. Неужели ваши ребята там без вас не справятся? Оставьте отряд на своего заместителя и махните сюда! Ведь не больше двух-трех дней у вас займет с дорогой.

— Я подумаю, Андрей Осипович, — нерешительно сказал я.

— Только не очень долго думайте. Буду все же ждать.

Всю обратную дорогу до лагеря я обдумывал предложение Клименко. Выбраться на два-три дня я, пожалуй, сумею. Раскопки закончены. Савосин тут справится и со свертыванием лагеря и с погрузкой на поезд не хуже меня. А предлог для поездки у меня есть: показать коллегам загадочный конус. Превосходные есть специалисты в Керчи.

Приехав в лагерь, я уже твердо решил: завтра же пораньше выехать в Запорожье и лететь оттуда в Керчь.

Савосин меня поддержал:

— Конечно, лети. Лагерь мы сами свернем и до Киева доберемся, не заблудимся.

3

И вот мы уже поднимаемся по ступенькам лестницы, у начала которой сохранилась на каменной стене полустершаяся надпись: «Эта лестница сооружена в 1866 году иждивением керченского первой гильдии купеческого сына Василия Константинова». Она всегда умиляла меня, как одна из неповторимых примет славной древней Керчи.

Нас трое — Клименко, я и Денис Прокопьевич Логунов, с которым я познакомился вчера в саду гостеприимного домика бывшего следователя, на склоне горы Митридат.

Бывший «счастливчик» оказался совсем не таким, каким я его представлял со слов Андрея Осиповича: высоченный, плечистый седой старик с черными лихими усами, в темно-синем строгом костюме, украшенном орденами планками. Он сидел чинно, подтянуто, положив на колени большие руки с натруженными ладонями и сутулясь, как обычно слишком рослые люди. Этот плечистый человек с мужественным, и, как принято говорить, «открытым» лицом и благородной сединой, своей монументальностью напоминал памятник Герою Труда.

Перехватив мой недоверчивый взгляд, Логунов засмеялся:

— Вы не смотрите, какой я теперь! Это уж потом пошел в рост, как взрослый стал. А хлопцем совсем тощий и жилистый был, прямо щепка. В любую щель пролезу или в форточку. А силенка была, хоть и лядаший на вид. Потому меня и брали, когда приходилось курган

вскрывать. Колодец рыли узкий, так что обычно Ставинский нарочно самых худеньких хлопчиков нанимал. И платить им можно было поменьше, не пожалуются. Матерый волк был.

— А я ведь могу вам показать в натуре, как он выглядел, — неожиданно сказал Андрей Осипович. — Я тоже зря времени не терял. Отыскал одного любителя, он всякие старые фотографии Керчи собирает. У него их сотни. И нашлась среди них, представьте, карточка Ставинского!

Клименко достал из стола фотографию и протянул мне:

— Полюбуйтесь, какой щеголь — и в морской форменке, — многозначительно добавил он. — Выяснил я: оказывается, он в молодости на флоте служил. Теперь понятно, откуда взялся и морской узел, каким была петля Рачика завязана.

Картинно сложив на груди руки, на меня пристально смотрел холодными глазами плечистый брюнет в щеголеватой матросской форменке. Карточка была старая. Не хватало только папиросной бумаги, прикрывавшей обычно такие фотографии. Внизу было выведено, как факсимиле: «А. Ставинский» — и от последней буквы шел росчерк, окружавший фамилию овальной рамочкой.

— Он, собака, — сказал Денис Прокопьевич, посмотрев карточку. — Молодой тут еще. Году в двенадцатом, верно, снимался.

— А скажите, Денис Прокопьевич, не встречался Ставинский, когда с фашистами в Керчь вернулся, с кем-нибудь из старых дружков? — спросил я. — Не разыскивал их?

— Этого не знаю, врать не буду. Я же за ним по городу не ходил. Кто его знает, с кем он видался. Но вряд ли. Никого из его дружков уже не осталось в Керчи. Я бы их тоже узнал, коли встретил бы. В музей он часто бывал, пограбил его, видно. И в развалинах своего бывшего дома рылся. У него на Приморском бульваре двухэтажный особняк до революции был. Потом в нем детский дом обосновался. А во время войны сгорел, бомба попала. И что он там, в развалинах, искал, не ведаю.

Сомнений не оставалось: Ставинский получил по заслугам за все преступления. Мы его уже не найдем.

Но глухая партизанка, в существование которой я, признаться, еще не очень верил, приобрела убедительную реальность! В тихом зеленом дворике возле маленького домика нас поджидала дремлющая на солнышке в дачном плетеном кресле старая женщина, укутанная в стеганый теплый халат. При виде нас она оживилась, тепло поздоровалась с Клименко и Логуновым, потом подала мне сухонькую руку. Я поразился, какие у нее зоркие, умные, совсем молодые глаза.

Мы сели возле нее так, чтобы она видела наши лица. Она все пыривалась пригласить нас в дом и угостить чаем с кизилковым вареньем:

— Сама осенью наварила. По бабушкиному рецепту, — и так же спокойно, деловито добавила: — Наверное, в последний раз, так что не упускайте случая попробовать.

Клименко начал расспрашивать, как она себя чувствует, но Эльза Генриховна пренебрежительно отмахнулась зажатым в кулачке слуховым аппаратом:

— Чего об этом говорить? Ну как можно себя чувствовать после девяноста? Сами скоро узнаете, дорогой, потерпите. — Потом она обратилась ко мне: — Смотрела вашу передачу с большим удовольствием, — и похлопала меня по руке шершавой, словно пергаментной ладошкой. — Значит, Ставинский пытался вывезти эти сокровища за границу? Вот негодяй! Впрочем, иного от этого предателя и не следовало ожидать.

— Кажется, он куда-то собирался уехать после ожидаемой победы фашистов. Помните, вы рассказывали, Эльза Генриховна? — спросил Андрей Осипович. — Это очень важно.

Старуха понимающе кивнула:

— В Днепропетровск. Он называл его еще по-старому Екатеринославом. Несколько раз поминал об этом. Превосходные, дескать, места на Днестре между Кременчугом и Екатеринославом. Хвастал, что воевал там с комиссарами еще в гражданскую войну и непременно туда вернется. Земли там великолепные, уверен, что быстро разбогатеет. Несколько раз заводил такие разговоры. Жаловался, что подал рапорт о переводе его туда, но начальство медлит, не отпускает из Керчи. Дескать, он здесь очень нужен. Но про раскопки ничего не упоминал. Этого я не слышала.

— Ну конечно, зачем же он станет карты раскрывать. Еще опередят приятели-ловкачи, — усмехнулся Клименко. — Вы не припомните, Эльза Генриховна, никаких имен и фамилий он в связи с Днепропетровском не упоминал?

— Нет.

Эльза Генриховна отвечала на вопросы четко, не задумываясь. Никаких сомнений в ее превосходной памяти и наблюдательности не возникало.

Клименко снова посмотрел на меня:

— Едем в Днепропетровск?

— Надо позвонить Казанскому. Если он в Ленинграде.

Мы стали прощаться с бывшей партизанской разведчицей.

— Ну вот, — насмешливо проговорила она. — Мужчины неисправимы. Как только женщина становится им не нужна, они ее бросают. Хороши кавалеры, нечего сказать.

— Что вы, Эльза Генриховна, — засмеялся Клименко, хотя и несколько смущенно. — Вы устали, замучили вас расспросами. Мы с Денисом Прокопьевичем непременно зайдем на днях чайку попить.

— Смотрите, не опоздайте.

— Ну что вы, право, — покачал головой Андрей Осипович и, понизив голос, спросил у меня:

— Подумайте, может, надо что еще выяснить о Ставинском? А то и в самом деле, может, другой случай уже не представится.

— Правильно, — одобрительно кивнула Эльза Генриховна. — Я всегда ценила вашу трезвую сметку, Андрей Осипович. Не смущайтесь, — она тихонько засмеялась. — Даже приятно, что и вы попались: забыли, что у меня на глазах секретничать нельзя. Надо было за спину мне зайти...

Район поисков, кажется, менялся и сужался. Неужели скифы-пахари? Или даже негры? Но возможно ли, чтобы в тех краях нашлось такое богатое погребение?

Олег Антонович, к счастью, оставался в Ленинграде, даже на дачу не уехал. Вечером я позвонил и застал его дома — энергичного и бодрого, как всегда.

Однако к моему рассказу о сообщении старой партизанки он отнесся весьма скептически:

— Ну что ты мне снова рассказываешь какие-то детективные истории, да еще с дешевым бульварным душком! Мнимая глухая подслушивает роковые тайны.

— Но она действительно была партизанской разведчицей, Олег Антонович. И таким именно путем добыла немало ценных сведений.

— Читая по губам?

— Да.

Казанский недоверчиво хмыкнул:

— Ну ладно, допускаю, она могла разобрать, как Ставинский в беседе с кем-то вспоминает Екатеринослав, сиречь нынешний Днепропетровск, хоть это довольно сомнительно. Но вы ведь и так ведете разведки в бывшей Екатеринославской губернии. Она была большая. Ее границы вообще не совпадали с нынешней Днепропетровской областью. Так что к географическим указаниям стариков и глухонемых надо относиться весьма критически.

— Да, но мы ищем на юге, а Ставинский поминал Кременчуг.

— Ну и что? Вполне возможно, именно тамошние места ему больше приглянулись. Но отсюда еще никак не следует, будто выкопал он или украл у кого-то найденные вами в Матвеевке вещи именно там, между Днепропетровском и Кременчугом. Расскажи-ка мне лучше, что за штуковину вы нашли.

Подробно описав непонятный конус, я сказал, что археологи, которым его показывал в Керчи, тоже озадачены. Надо его подреставрировать, выправить все вмятины, тогда, может, яснее станет, для чего он предназначался.

Олег Антонович решительно сказал:

— Нет, нет. Пришли его срочно сюда. У нас в Эрмитаже реставраторы поопытнее.

— Хорошо, Олег Антонович, — согласился я, улыбнувшись. Просто ему не терпится поскорее увидеть загадочный конус.

Кстати, Андрея Осиповича этот конус тоже очень заинтересовал. Он долго внимательно его изучал, потом сказал:

— Нет, к оружию, как я подумал сначала, штукovina эта явно не имеет отношения.

Забавно. Бывший следователь упорно рассматривал скифские древности со своей профессиональной точки зрения. А что он мог знать о скифском оружии? Думая так, я снова в нем ошибался...

— А что Савосин о конусе думает? — спросил Олег Антонович.

— Также озадачен.

— Да? Странно, он мужик многоопытный. Ну ладно, договорились. Высылай этот загадочный конус поскорее, а сам возвращайся в Киев, догоняй свой отряд. И садись за подробный отчет о находках.

Когда я рассказал о нашем разговоре Андрею Осиповичу, тот покачал головой:

— Жаль, что Олег Антонович не уважает криминалистику. Но осмелюсь заметить, ее методы все же поточнее тех, какими пользуетесь вы. Пока что ваш поиск — чистейшая авантюра, признайтесь. «Авось повезет» — разве это наука? А я думаю, нам все же следует наведаться в Днепропетровск и проверить эту версию, поискать следы Ставинского. Кстати, у меня там немало хороших друзей, помогут. Летим?

— Неужели вас так в самом деле захватила эта история? — спросил я.

Андрей Осипович слегка смутился, хотя тут же поспешил напустить на себя обычный простодушный вид:

— Да просто хочу помочь вам. Я же говорю, у меня там в областном управлении друзья. А вы что — против?

— Ну что вы, Андрей Осипович! Наоборот, не знаю, как вас и благодарить.

Как я ни упрашивал, от моей попытки заплатить за его билет на самолет Андрей Осипович решительно отказался.

— Но ведь вы же летите, чтобы нам помочь. Зачем же вам свои деньги тратить?

— Кто вам сказал? Я лечу навестить старых друзей. А делать это за казенный счет — уголовно наказуемое преступление. Не толкайте меня на старости лет на скамью подсудимых.

В новой прекрасной гостинице на берегу Днепра, которую сплошные лоджии по всему фасаду делали делами похожей на пчелиные соты, мест, конечно, не оказалось. Но Андрей Осипович назвал свою фамилию — и она прозвучала как сказочное: «Сезам, откройся!» Оказывается, его друзья уже забронировали для нас хороший номер. Из его окон открывался изумительный вид на реку и город.

Приняв душ и наскоро перекусив, мы поспешили в музей. Нас

встретили радушно, повели осматривать новое великолепное здание, просторные залы, хорошо продуманные экспозиции. Но, к сожалению, порадовать нас музейные работники ничем не могли. Никакими сведениями об археологе, который бы вел в здешних краях раскопки в годы гражданской войны, они не располагали:

— Вы же понимаете, какое время было. Город несколько раз занимали то деникинцы, то махновцы, то петлюровцы. Коллекции сильно пострадали. Да и в годы Великой Отечественной войны, при фашистской оккупации им нанесли немалый урон. Накопились у нас в хранилищах находки безымянные, неизвестно кем и когда собранные. Документы на них утеряны. Есть среди них кое-что любопытное, да приходится хранить в запасниках...

И тут коллеги, как водится, начали жаловаться на недостаток места — довольно непоследовательно, поскольку только что хвастали, что с постройкой нового здания площадь музейных экспозиций увеличилась в шесть раз. Но я их прекрасно понимал. Каждый археолог в глубине души мечтает о таком музее, куда бы можно было целиком запрятать пирамиду или скифский курган, да еще показать в разрезе, как устроено погребение.

Что оставалось делать? Я решил хотя бы бегло осмотреть коллекции в запасниках. Может, обнаружится что-нибудь похожее на Матвеевские драгоценности или хотя бы на найденные в Матвеевке черепки.

Но это была работа кропотливая, затяжная.

— Ладно, ройтесь тут, а я попробую зайти с тыла, — сказал Клименко с забавным видом опытного заговорщика. — Для начала проведу друзей. Может, они что-нибудь о Ставиномском слыхали. Уж о нем-то материалов ни в каком музее наверняка не найти — разве только в полицейских архивах.

С Андреем Осиповичем я увиделся снова лишь поздно вечером в гостинице. Узнав бывшего следователя поближе, я сразу по выражению его лица понял, что и у него пока никаких успехов нет.

— Выпили немножко с друзьями, покалякали, обещают помочь, — сказал он, с явным удовольствием снимая пиджак, распустившая галстук и швыряя его на диван. — А у вас как дела?

— Пока ничего интересного.

— Ну конечно, не все сразу, — утешающе сказал Андрей Осипович, раздеваясь и ложась в постель. — Устал трошки, надо полежать.

Через пять минут он уже тоненько, с переливами захрапел.

Утром, после завтрака, мы отправились в разные стороны — я снова в музей, а Клименко — в областную библиотеку.

— Полистаю там газеты за девятнадцатый год, ежели сохранились, — сказал он. — Увлекательное занятие! Может, обнаружатся следы пропавшего археолога где-нибудь в разделе происшествий.

Так мы занимались розысками каждый в своем направлении три дня, вечерами обмениваясь неутешительными сообщениями:

— Ничего новенького, Всеволод Николаевич?

— Увы. А у вас?

— И у меня все то же: «нет больше лысых!» — отвечал Андрей Осипович крикливым рекламным призывом, не сходившим со страниц дореволюционных газет. — Вы не поверите, какие невероятные вещи писали газетенки в те годы, соревновались во вранье и шарлатанстве. Ну не стеснялись, прямо как перед потопом. Особенно отличался «Приднепровский край». Его даже прозвали «Екатеринославской сплетницей», мне об этом старик библиотечарь сказал. Подшивки перепутаны, многих номеров вообще нет.

Огорченный неудачами, я уже подумывал бросить пока поиски в запасниках и возвращаться в Киев. Летом можно будет сюда снова приехать и докончить осмотр безымянных коллекций, если удастся выкроить время. Как вдруг на четвертый день тщетных поисков ко мне подошел один из старейших работников музея Аркадий Андреевич Славутин и сказал:

— Вы извините, но я все думаю: не Скилур ли Авдеевича Смирнова вы, часом, ищите?

— А кто этот Смирнов?

— Был такой начинающий археолог, полудилетант, но, судя по рассказам знавших его, — форменный фанатик. Кажется, он где-то копал в наших краях как раз в те годы.

— Скилур Смирнов? — задумался я. — Никогда не слышал о таком, хотя имя редкое.

— И неудивительно. Мы сами-то о нем знаем только со слов одного его старого знакомого. Есть у нас тут такой энтузиаст краеведения, историк, на пенсии. Он о Смирнове и рассказывал. А в историю археологии этот Смирнов не успел попасть. Копал он очень недолго — не то умер от тифа, не то его подстрелили бандиты. Нет, пожалуй, это не тот, что вы ищите, — покачал головой Славутин.

— Почему вы так думаете?

— Да он же ничего не открыл. Решительно никаких мало-мальски интересных находок не оставил.

— А как бы все-таки разузнать о нем?

— Побеседуйте с этим краеведом. Его адрес дадут в дирекции, он у нас весьма деятельный активист. Зовут его Авенир Павлович, фамилия Андриевский.

Я взял в дирекции музея адрес Андриевского, а вечером рассказал об этом разговоре Клименко:

— Видимо, он действительно был фанатиком, этот Смирнов, если даже взял себе имя одного из последних скифских царей. Или это родители ему удружили, а он уж постарался имя оправдать, занявшись археологией?

— Надо с Андриевским побеседовать! — решительно сказал Клименко. — Давайте завтра же его навестим.

К Андриевскому мы отправились рано утром, но едва не разминулись с ним. Он уже надевал пальто, собираясь уйти.

Это был высокий, подвижный человек с выразительным исхудалым лицом, нервным, исполосованным глубокими морщинами. Позже мы узнали, что Авенир Павлович, как и Клименко, был из тех энергичных, деятельных стариков, которые, даже выйдя с опозданием на пенсию, не могут, да и не хотят устраниваться от активного вмешательства в жизнь. Вместо одного краеведческого кружка Авенир Павлович, выйдя на пенсию, начал вести сразу два в разных школах, отправляясь каждое лето со своими питомцами в увлекательные экскурсии по историческим местам.

Сейчас он, как выяснилось, собирался на выставку лучших школьных сочинений по истории.

Мы представились.

— Очень рад вашему визиту. Прошу, присаживайтесь.

Комната была маленькая, тесно заставленная старой сборной мебелью. В ней царил некоторый беспорядок, выдававший отсутствие в доме хозяйки. Но было здесь как-то покойно и уютно. Окна выходили в тихий сад.

— Сейчас угощу вас чайком, — засуетился хозяин. — Я ведь вдовец, сам хозяйство веду, так что не взыщите...

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — остановил его я. — Мы по делу и не станем вас задерживать.

— Ну что вы! Мне так приятно побеседовать со столь редкими гостями. Итак, вы археолог? — слегка поклонился он в мою сторону. — Очень приятно слышать. Прекрасная, благородная профессия! Я знал одного талантливого археолога...

— Ни Скилура ли Авдеевича Смирнова? — перебил я. — Собственно, по этому поводу мы и пришли.

— Боже! — всплеснул руками Андриевский. — Значит, его не забыли? Это прямо чудо какое-то. Откуда вы о нем знаете?

— Да, собственно, от вас, Авенир Павлович. — И я рассказал, как мне посоветовали в музее обратиться к Андриевскому. — Кажется, вы с ним дружили и хорошо его знали?

— Ну, назвать наши отношения дружбой нельзя. Ведь он был уже взрослым человеком, талантливым ученым с весьма оригинальными взглядами; а я — шестнадцатилетним юнцом, которому война помешала закончить гимназию, чему я, надо сознаться, по глупости тогда только радовался.

Авенир Павлович говорил торопливо, жадно, как человек, любящий поговорить, но обреченный большую часть времени проводить в одиночестве. Прерывая монологи, он несколько раз порывался напоить нас чаем, но мы останавливали его.

— Любопытно, Авенир Павлович, что за человек был Скилур Авдеевич? — спросил Клименко.

— Оригинальная, возвышенная, поэтическая личность! Обаятельный, артистичный, красавец, златоуст — когда он начинал говорить, все заслушивались. Именно благодаря ему я и стал историком. Одну минуточку!

Андриевский бросился к выдавшему виды комоду, стоявшему в углу, и начал лихорадочно в нем рыться, со скрипом вытаскивая и заталкивая обратно перекосившиеся ящики.

— Вот, сберег фотографию, которую он подарил мне с надписью на память. Возил ее в эвакуацию на Урал, сохранил.

Авенир Павлович протянул Клименко фотографию на плотном листе картона. Андрей Осипович внимательно рассмотрел ее, даже изучил выведенные затейливыми буквами на обороте фамилию и адрес фотографа, потом передал мне.

На деревянной скамеечке с гнутыми ручками сидел, закинув ногу на ногу и охватив тонкими пальцами колено, изящно одетый художавый человек. Продолговатое бледное лицо его с тщательно подстриженными усиками и небольшой бородкой было действительно выразительным, красивым.

И витиеватым, изящным почерком внизу наискосок, поперек карточки было написано выцветшими чернилами: «Помните, юный друг мой: История священна, ибо она — Память Народа». Вместо подписи стояли две причудливо переплетенные буквы «С.С.». Мне они показались знакомы. Где я их видел?

— Я благодарен судьбе, что она свела меня с этим незаурядным человеком, — проникновенно сказал Андриевский, бережно принимая от меня фотографию. — Вы только представьте: революция, гражданская война, вражеские нашествия, мировые катаклизмы, а он беседует со мной, юнцом, о судьбах человечества. Разве такое забудешь?!

— А как вы с ним познакомились? — спуская его снова на землю, деловито спросил Андрей Осипович, что-то отмечая в блокноте.

— Он жил у нас на квартире, когда приезжал в Екатеринослав. Нас ему рекомендовала одна мамина приятельница, переехавшая после замужества в Петроград. Скилур Авдеевич бывал у нас нечасто и недолго, проездом. Все лето он посвящал раскопкам. Но как много мне давали беседы с ним! Он был влюблен в археологию, даже имя себе сменил — родители окрестили его Спиридоном. Представляете?

— А вы не помните, где он вел раскопки?

— Повсюду, — описав рукой неопределенный полукруг, ответил Андриевский. — объездил всю бывшую Екатеринославскую губернию и везде искал памятники глубокой старины. Он очень интересовался скифами и считал их нашими предками. Настойчиво искал,

всячески подчеркивал в русском характере исконно скифское. Хотя теперь, кажется, такая точка зрения отвергнута наукой?

— Как вам сказать. Проблема оказалась гораздо сложнее...

Я не стал распространяться. Старик явно не слушал меня, увлеченный воспоминаниями:

— Скилур Авдеевич умел философски смотреть на жизнь, именно поэтому не прекращал раскопок даже в самые трудные времена...

— Да, удивительный был человек, — сочувственно вставил Клименко. — И жаль, что ему так не повезло...

— Ужасно не повезло. Вы слышали об этом? Какая трагедия! Ведь как раз летом девятнадцатого года он раскопал очень ценное погребение. Он мне писал, что ему посчастливилось сделать замечательное открытие, которое поразит весь мир, как только утихнут бури.

— Письма у вас сохранились? — не веря удаче, спросил я.

— Нет. Все сгорело, пока были в эвакуации. Вместе с отчим домом, все, все.

— А откуда он присылал письма, вы не помните? — спросил Клименко.

— Из разных мест. То из Пятихаток, то из Лиховки, то из Желтых Вод. Видимо, отправлял их с оказией, откуда удастся. Ведь в то смутное время почта работала плохо.

— Но, вероятно, это был все же какой-то один определенный район? — настойчиво допытывался Клименко. — Где он жил? В каком селе?

— Не то Варваровка, не то Михайловка. Не припомню точно. Маленькое село, где-то за Пятихатками и Лиховкой.

«Это уже, возможно, в Кировоградской области», — подумал я.

— Так мне припоминается, — продолжал Андриевский. — Оттуда чаще приходили письма. Но в каком именно селе он жил — запомнил. Попытался перед войной найти, ездил туда со школьниками, чтобы отыскать могилу Скилура Авдеевича, но тщетно, — развел он руками. — И потом все так изменилось с тех пор. Село, где он жил, вскоре после его смерти, отступая, спалили денкинцы. Никто из местных жителей не мог мне даже примерно указать, где вел раскопки Скилур Авдеевич. Хотя старики в тех местах его не забыли. Копал, вспоминают, курганы красивый, молодой человек.

— А отчего он умер? — спросил Клименко.

— Повесился. Покончил с собой, — тяжело вздохнув, ответил Авенир Павлович. Он так ушел в горестные воспоминания, что не заметил, как мы обменялись многозначительными взглядами.

Андриевский между тем продолжал:

— Говорили, будто им овладел жесточайший приступ меланхолии. На него это было непохоже. Но после того, как у него так коварно украли найденные сокровища...

— Украл? Кто украл?

— Местные мужички, — горестно покачал седой головой Андриевский. — Добрые селяне, куркули алчные. Посчитали, наверное, если раскопанный им курган находится на их земле, то и найденные в нем древние сокровища должны принадлежать им. Все и растащили.

«Ограблен местными жителями! Час от часу не легче, — подумал я. — Но как же тогда попали украденные сокровища к Ставинскому?»

Уголовные происшествия упорно не оставляли нас в покое. Они вылезали на каждом шагу в самых неожиданных местах, превращая поиски загадочных сокровищ в форменное расследование преступлений.

— И Скилур Авдеевич не перенес удара, я его понимаю, — продолжал между тем Авенир Павлович. — Вы только подумайте: найти древние сокровища, которые должны поразить весь ученый мир, — и вдруг лишиться их за одну ночь! А ведь всего за неделю до этого он прислал мне такую чудесную, радостную открытку с прапорщиком Ставинским...

Мы с Клименко снова переглянулись.

А старый учитель, ничего не замечая, как токующий глухарь, продолжал предаваться воспоминаниям:

— Это был тоже молодой археолог. Пошел добровольцем на фронт еще в пятнадцатом году, потом связался с денкидцами, попал как раз в наши края. Он командовал саперным взводом, все говорил: «Мои кроты, мои саперы». Был георгиевским кавалером, носил пашку с анненским темляком и надписью «За храбрость». Встретился он однажды со Скилуром Авдеевичем, случайно разговорился. Оба очень обрадовались, выяснив, что они коллеги.

Коллеги! Я, кажется, даже, не удержавшись, фыркнул от возмущения. Во всяком случае, посмотрев на нас, Андриевский встревожился и стал оправдываться.

— Я, правда, знал его мало. Он заходил к нам всего раза три-четыре по поручению Скилура Авдеевича или просто, чтобы передать от него привет, когда оказывался в городе. Ставинский тоже был интересным собеседником. Но мне он не нравился — то вкрадчивый, то грубоватый. Со мной всегда разговаривал свысока, как с мальчишкой.

Мы помолчали, думая каждый о своем.

— Значит, Смирнов повесился? И все его находки пропали? — спросил Андрей Осипович.

— Все, все растащили, — кивнул старик, сморщась, будто от зубной боли. — Жестокие, жадные люди. Ужасные времена были! Белые отступают в беспорядке, красные еще не пришли. Полное безвластие, вылезают всякие самозванные батьки, атаманы. Сколько,

крови пролито было.

— Скажите, а где был в это время Ставинский, не знаете? Когда Смирнов повесился? — гнул свое Клименко.

— Ну откуда же я это мог знать! Я мальчишка, он — белый офицер.

— Конечно, понимаю. Но, может, слышали какие-нибудь разговоры, не припомните?

— Нет, ничего не слышал. А почему это вас так интересует, Андрей Осипович, не понимаю?

Клименко вместо ответа достал из бумажника фотографию красавчика с холодным взглядом и фатовато закрученными усиками и показал Андриевскому:

— Узнаете?

— Позвольте, позвольте... Ставинский! Только здесь он гораздо моложе, чем я его знал. И в морской форме. Почему? Но это он. А что такое? Скажите, ради бога, почему вы так им интересуетесь? Даже больше, чем Смирновым. Совсем меня заинтриговали...

— Сейчас я вам все объясню, дорогой Авенир Павлович, — сказал Клименко, вытирая платком лицо. — Но только, пожалуй, вот теперь самое время выпить чайку, если это действительно вас не затруднит...

— Что вы, что вы! Одна минута... У меня все прекрасно налажено, — засуетился хозяин и отправился готовить чай.

— Ну, кажется, все разъясняется, — похлопывая себя по колену, довольно сказал бывший следователь.

— Невероятно! Неужели Ставинский и Смирнова убил?

— Вполне возможно.

— Но как же драгоценности к нему попали? Ведь старик говорит, будто их селяне растащили?

— Ну, этот хищник даром бы устраивать инсценировку самоубийства не стал. Конечно, он больше всех поживился. А свалил все на местных жителей. На подпись-то под автографом обратили внимание? — добавил Клименко. — На инициалы «С.С.»? В точности как на бритве. Помните, в чемодане была, вы ее экскаваторщикам подарили? Они мне показали. Паршивенькая бритвочка, фирмы «Бауэр и сыновья». Но тогда модной была.

Тут вернулся из кухни Авенир Павлович и начал накрывать на стол с размеренной аккуратностью бобыля, привыкшего сам вести хозяйство.

Пока мы пили чай, Андрей Осипович подробно рассказал Андриевскому запутанную историю Матвеевского клада, в какой уже раз удивляя меня весьма основательными знаниями по археологии. Когда и где он успел их приобрести?

— Так что вы понимаете, как нам важно узнать, где же именно раскопал Скилур Авдеевич этот курган? — закончил он свой рас-

сказ. — Ведь Смирнов не довел раскопки до конца, был убит.

— Конечно! Боже мой, ведь тогда справедливость восторжествует! Мир все-таки узнает, хоть и с опозданием, о его замечательном открытии. Хоть частично он будет отомщен!

— Вот, если бы вы припомнили, как называлось село, где он вел раскопки, — с надеждой сказал я.

— Да, да, понимаю, — закивал Андриевский и, закрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться, начал бормотать: — Варваровка? Нет, Михайловка. Или Григорьевка? Кажется, он поминал Григорьевку. Нет, — открывая глаза и виновато глядя на меня, покачал он седой головой. — Не стану сочинять, друзья мои. Не вспомню, хоть убейте. Боюсь вас только запутать, станете потом винить меня. Но его еще помнят наверняка там старожилы. Они вам помогут найти курган, который раскапывал Скилур Авдеевич. Позвольте! — вдруг хлопнул он себя по лбу. — Я же могу поехать с вами.

Авенир Павлович вскочил и начал озираться по сторонам, словно уже собираясь в дорогу.

Я поспешил остановить его:

— Сейчас мы туда не поедем. Разве только весной. Надо добиться разрешения на раскопки, подготовить экспедицию.

— Но вы возьмете меня с собой?

— С удовольствием. Обещаю.

— Ну, кажется, выходим на финишную прямую? — весело спросил Клименко, когда мы покинули уютную комнатку Авенира Павловича и отправились в гостиницу.

— Не совсем. Ведь раскопанный Смирновым курган мы еще не нашли. И адрес весьма туманный: где-то за Пятихатками и Лиховкой... Не то Варваровка, не то Михайловка. А может, Григорьевка, «на деревню дедушке». И возможно, что уже в соседней Кировоградской области, так что неизвестно еще, в каких архивах искать материалы его раскопок — если они вообще сохранились. А этот район вообще сомнителен, я же вам говорил. Никогда там богатых погребений не находили. Может, придется еще в Херсон ехать. Ведь до революции эти места, кажется, входили в состав Херсонской губернии.

— Экий вы пессимист, — покачал головой Клименко. — Все в мрачном свете видите. А надо смотреть в будущее с надеждой. Тогда и трудности легче преодолеваются.

— Что поделать, такой характер...

В тот же день, проводив Андрея Осиповича в Керчь и пообещав непременно извещать его о всех новостях, я вылетел в Киев.

Самолет быстро набирал высоту. Город скрывался вдали, постепенно сливался в одно огромное пятно, рассеченное серебристой лентой Днепра. А вокруг него, насколько доставал взгляд, расстилось степное раздолье, бескрайние светлеющие поля, отороченные

темной зеленью лесных полос и прорезанные шрамами оврагов.

Кое-где среди полей виднелись курганы, хорошо заметные с высоты. Два, прозванные Близнецами, стояли на самой окраине города, у шоссе на Запорожье. Кварталы новых домов уже подступали к ним вплотную.

Я приник к окошку. Где-то там, в дали, затянутой дымкой, прятались и курганы с еще не раскопанными погребениями древнего неведомого племени. Могло ли это быть? Ведь там вроде жили уже не скифы, а таинственные «оборотни» — невры?

Споры об этом идут уже давно, разделив всех скифологов на два лагеря.

Большинство археологов считает все скифские племена родственными между собой ираноязычными пришельцами откуда-то с востока, скорее всего из Средней Азии. Они обосновались в степи, заставив невров отступить на север, в лесостепь.

Но существует и другая точка зрения, приобретающая постепенно все больше сторонников. Их доводы заставляют о многом поразмышлять.

Казалось бы, какая может быть особая разница между скифами-пахарями и земледельцами? Но почему-то Геродот их разделяет! Видимо, хоть и те и другие вели преимущественно оседлый образ жизни, была между ними какая-то существенная разница. Какая?

И не случайно, видимо, напоминают сторонники этой точки зрения, сохранил для нас «отец истории» три различных легенды о происхождении скифов. По одной они якобы пришли в наши степи из дальних краев. А две другие легенды, противореча этому, утверждают, будто предки скифов обитали тут испокон веков.

Какая из легенд правильнее? А может, справедливы все три? Может, они просто свидетельствуют, что скифы вовсе не были каким-то единым народом по своему происхождению?

Притом в одной легенде упоминается немаловажная деталь: боги, бросая с неба, дарят скифам плуг, ярмо, секиру и чашу. Плуг и ярмо — явно орудия земледельцев. И получило эти дары именно то племя, что, по преданию, жило тут с древнейших незапамятных времен!

Может, в этих легендах нет никакого противоречия? Просто они относятся к разным племенам, входившим в скифский союз?

Есть о чем задуматься.

Не только невры, но и скифы-пахари — утверждают сторонники этой точки зрения — были потомками местных племен — так называемых чернолесцев, которых, по некоторым данным, можно считать далекими предками славян. Но невры, сохраняя независимость, отступили под натиском пришельцев гораздо дальше на север, чем принято считать, хотя и переняли у скифов многие обычаи, оружие, нарядное убранство коней и украшения. Другие же потомки черно-

лесцев не покинули родных мест, выстояли, завоевали уважение пришельцев и, можно сказать, породнились с ними, войдя в скифский союз на равных правах. Они даже начали устраивать погребения на скифский манер. Но и пришельцам было чему у них поучиться — особенно мастерству обработки металлов.

Раскопки последних лет показали, что до прихода скифов у местных племен в лесостепи была хорошо развита металлургия. Для этого тут было много топлива, неплохие руды. Здешние мастера стали снабжать всю степь превосходным оружием. Вероятно, немало они способствовали и широкому распространению украшений в зверином стиле.

Но, войдя в скифский союз, они во многом сохранили и свою самобытность. Поэтому, не располагая, возможно, более подробными сведениями, Геродот все-таки считает необходимым называть их скифами-пахарями, чтобы отличить от других оседлых, но пришлых племен, скифов-земледельцев? Из сплава чужеземной, кочевой и местной, во многом от нее отличавшейся и продолжавшей древние традиции, и начала постепенно складываться единая скифская культура.

У каждой из этих точек зрения есть веские обоснования и доводы.

Кто прав? Нелегко это установить через тысячи лет. Меня одолевали сомнения, и я уже представлял, какие забушуют споры и страсти, если я предложу перенести поиски в эти края.

Между тем самолет взял правее. Берег с курганами, возможно, таившими погребения того загадочного племени, что я искал, скрылся в сизой дымке. Мы летели над привольно разлившимся водохранилищем.

А что, если заветные курганы уже давно очутились на его дне? Да и в степи их будет не так-то легко отыскать, даже если мне разрешат перебраться сюда...

4

Вернувшись в Киев, я первым делом позвонил Казанскому. Но, как и опасался, он снова встретил мой рассказ о том, что удалось выяснить в Днепропетровске, весьма скептически:

— Скилур Смирнов? Никогда не слышал про такого. И, судя по тому, что окрестил себя именем скифского царя, липовый он археолог, скорее какой-то авантюрист вроде Ставинского. Нет, знакомство с отставным следователем явно плохо на тебе сказывается, друг Всеволод. А теперь еще появился какой-то Андриевский со своими детскими воспоминаниями.

— Но он ведь сам назвал нам Ставинского и описал его, опознал потом по фотокарточке, которую раздобыл Клименко. Значит, Ставинский был знаком со Смирновым. По-моему, следует поискать в тех краях.

— Где? «Не то Григорьевка, не то Михайловка...» Очень точный адрес. Посмотри на карту, друг мой. В Днепропетровской области полно Михайловок. И в Запорожской, и в Кировоградской. Да, помнится, вы уже вели раскопки возле Михайловки, — ехидно добавил Казанский. — Отлично помню, присылал мне письмо, и на нем был штампель: «Михайловка».

Я молчал, припомнив, что мы ведь действительно недавно вели раскопки возле Михайловки — в Томаковском районе.

— Ну что же? — насмешливо спросил Казанский. — Крыть нечем? То-то. Чего же нам с таким адресом лезть на земли заведомо неврские, уже не скифские? Матвеевские сокровища — куда более точный компас. Так что брось эти кладоискательские идеи, займись, как положено серьезному ученому мужу, детальным изучением сделанных летом находок и сравни их с Матвеевскими: может, и обнаружатся схожие мотивы. А я в конце января или в феврале выберусь к вам в Киев. Тогда все обсудим и наметим разведочный маршрут на лето. Может, действительно, стоит перенести поиски на левый берег, в район Запорожья. Кстати, там тоже полно Михайловок, — ехидно добавил он и положил трубку.

Н-да, спорить с ним нелегко.

Зайдя в институтскую библиотеку, я посмотрел карту Днепропетровской области. Михайловки действительно встречались чуть ли не в каждом районе. А ведь карта была не очень крупного масштаба. На ней, конечно, нанесены далеко не все, лишь самые большие села.

И возле Запорожья, на левом берегу Днепра, в самом деле, обнаружались целых три Михайловки.

Но были Михайловки и в тех краях, какие упоминал Андриевский, — за Лиховкой и Пятихатками...

Даже Савосин не одобрил моего желания перенести поиски скорее.

— Я согласен с Казанским, — покачал он головой. — Уж очень все это шатко и несолидно выглядит. Надо копать все подряд.

Начальству пока о своих сомнениях и колебаниях я говорить не решился, занялся текущими делами. А они оставляли мало времени на размышления о том, где же все-таки искать родину Золотого Оленя.

У тех, кто знаком с работой археологов лишь по сенсационным заметкам в газетах и очеркам в журналах, существует наивное представление, будто самое главное и захватывающее — раскопки, когда и совершаются открытия. На самом же деле раскопки занимают обычно всего полтора-два месяца летнего времени. Ну, еще месяц уходит на подготовку к экспедиции, а после нее месяца два — на обработку материалов, составление отчета. С отпуском это все равно занимает не более полугода.

Вторая же половина года целиком уходит на то, чтобы разобрать-

ся и понять, что именно ты раскопал. Чисто кабинетная работа: составление картотек, бесконечное перелистывание тысяч страниц в многочисленных книгах на разных языках в поисках аналогий и сравнение мельчайших деталей, которые так легко прозевать, если чуть ослабишь внимание, вычерчивание бесчисленных таблиц, схем, всякие расчеты — и размышления, размышления, от которых пухнет и кругом идет голова. И самые интересные открытия делаются чаще всего в тиши библиотечных залов и кабинетов.

Друзья и коллеги, как нарочно, всячески старались подкинуть мне пищи для размышлений и сомнений. Статья моя вышла, и дискуссия о Матвеевском кладе развернулась вовсю.

Многие поддерживали мою точку зрения, что племя «пеших», если его так пока называть условно, вело в основном оседлый образ жизни. Но были это скифы-пахари или скифы-земледельцы, мнения расходились.

Понятно, с особым вниманием изучал я доводы тех, кто тоже считал, что поиски нужно перенести севернее.

— Позвольте, а почему бы не поискать где-нибудь по берегам Псела или Сулы? — задавали вполне резонный вопрос некоторые. — Там ведь тоже попадаются в погребениях изображения не то оленей, не то лосей. Именно там ведь нашли головку оленя с лосиными чертами, на которую вроде бы похож наш красавец. И свиней там, кстати, разводили — то ли оседлые скифы, то ли подражавшие им в обычаях другие племена. При раскопках древних городищ под Воронежем кости свиней встречаются особенно часто.

Но в другой статье резонно возражали: кто доказал, будто в забавной сценке на вазе дерется с петухом именно домашний поросенок? Художник ведь мог изобразить и дикого кабанчика, пойманного охотниками для забавы детей.

Зоологи заявили, что вообще ответить точно на такой вопрос невозможно. Маленьких кабанчиков, отобранных от матери, легко приручить. И в то же время домашние свиньи, оказавшиеся на воле, даже сейчас быстро дичают и не только возвращаются к привычкам своих лесных сородичей, но и внешне становятся похожи на них.

«Савосин прав», — огорчился я. И опять думал о том, как трудно определить, где же искать родину Золотого Оленя, по одним лишь драгоценностям.

Об этом сетовали авторы многих заметок и друзья-археологи, присылавшие мне письма. Опять упоминались четыре горита, отштампованных с одной и той же матрицы, а найденные в совсем разных и далеких друг от друга местах; весьма похожие ритуальные сосуды со сценками из быта скифских воинов — один из-под Воронежа, другой из Куль-Обы в Крыму; одинаковые погребения, раскопанные в Казахстане и в Перепетовке, под Киевом... Немножко разве утешало, что не я один, многие замечали у Золотого Оленя лоси-

ные черты. Значит, они действительно были, а не только казались мне, как пытался уверить Олег Антонович. Не такой, выходит, уж это субъективный признак.

А один свердловский археолог, Караев, вдруг совершенно неожиданно обнаружил у нашего Оленя некоторое сходство с лепными фигурками зверей, которыми через много веков после исчезновения скифов талантливые русские мастера украсили замечательный храм Покрова на Нерли!

Влияние скифского звериного стиля на древнее русское искусство подметил еще давно профессор В.А. Городцов. Оно, несомненно, существует, несмотря на такую отдаленность во времени и в пространстве.

Но неужели и мой красавец так пленил древних мастеров, что они, копируя его из поколения в поколение, передавая как своеобразную эстафету от одного племени к другому, донесли через века неизменными его какие-то характерные черты, чтобы они отражались, словно, в зеркале, в чистых водах задумчивой, нежной Нерли далеко на севере, за Владимиром?

К письму был приложен рисунок. Судя по нему, сходство между нашим Оленем и лепными фигурками на карнизе стены замечательного храма было очевидное. Но, может, его невольно придал автор письма, подсознательно стараясь подтвердить свою гипотезу?

В некоторых письмах и даже статьях их авторы довольно ядовито замечали, что по нашему Золотому Оленю, дескать, вообще нельзя делать никаких выводов, поскольку это фальшивка, ловкая подделка Мирона Рачика. А подлинник, возможно, увезенный куда-то за границу, известен лишь по одной-единственной фотографии, так что нельзя судить, насколько копия точна. Не внес ли Рачик при ее изготовлении какой-нибудь отсебятины, это ведь с ним частенько бывало?..

Замечание справедливое.

В дискуссию включились зоологи и внесли еще больше разногласий и всяких сомнений. Ссылаясь на находки костей древних животных, они утверждали, будто и в лесостепи, где ныне шумит многолюдный Киев, в те давние времена водились даже северные олени. А лоси были распространены по всей степи, вплоть до предгорий Кавказа, где они встречались якобы еще в девятнадцатом веке. Так что по изображению нашего красавца, независимо от того, похож он, по мнению некоторых, на лося или нет, никаких выводов о том, где именно его сделали, строить нельзя: может, под Киевом, а возможно, на Кавказе. Или под Воронежем. Или в Крыму.

«Но все же на севере, в лесостепи, лоси встречались, конечно, чаще, чем в степных краях, — думал я, а благородные олени — реже. Копируя привозной скифский образец, местный мастер непроизвольно должен был придать благородному оленю, которого он нико-

гда не видел, более привычные ему лосиные черты». И все, что смутно тревожило, беспокоило меня, не давало покоя, при таком толковании получало объяснение: и явная оседлость племени, сценки из быта которого были изображены на вазе; и лосинообразность нашего Оленя. Все-таки искать, наверное, следовало севернее. А кто уж там жил — невры или скифы-пахари, выяснится в ходе раскопок.

Где-то я однажды читал, как трудно океанографам составлять карты морского дна по отдельным промерам в разных местах. Один французский исследователь это наглядно доказал простым остроумным опытом. Он вылепил из пластилина макет гор и равнин Франции, поместил его в аквариум и залил непрозрачной темной жидкостью. А потом предложил коллегам сделать промеры глубин с такой же чистотой, как при реальных исследованиях сравнительно хорошо изученной Атлантики, и составить карту затопленной «страны».

Карта оказалась весьма далекой от истины. Ни один из ученых даже не догадался, что под «водой» на макете — копия его родной страны...

Примерно так же ведем изучение прошлого и мы, только забрасывая лоты в глубины не океана, а времени. И потом пытаемся по разрозненным и случайным находкам восстановить во всем богатстве и сложности картину прежней жизни.

Поскольку никаких новых находок не прибавилось, а все по-прежнему сводилось к чисто субъективным мнениям и оценкам: «похож — непохож», дискуссия, к сожалению, носила довольно схоластический характер. Против каждой гипотезы тут же выдвигалось несколько возражений, не менее убедительных, но и столь же шатких. Я же, ломая голову над противоречивыми гипотезами и предложениями, терзался сомнениями. Да еще надо было, как обычно, читать лекции, проводить семинары, принимать экзамены...

Дела закружили меня. Но вдруг, придя утром в институт, я нашел у себя на столе почтовую открытку. На ней было написано незнакомым почерком:

«Уважаемый Всеволод Николаевич! Не хочу Вас обнадеживать, но, кажется, мне удалось отыскать немножко керамики из сборов С.А. Смирнова. Если выберете время, навестите к нам в Днепропетровск, посмотрите.

С уважением...»

Подпись была неразборчивой. Славутин?

А вечером того же дня, словно опять каким-то чудесным телепатическим способом узнав, что есть новости, мне домой позвонил из Керчи Клименко.

— Что же это вы совсем забыли меня, старика? — поздоровавшись, упрекнул он. — Ничего не сообщаете. Ведь теперь-то вы не копаете, время должно у вас быть.

— Плохо вы себе представляете нашу работу, Андрей Осипович. Сейчас у меня свободного времени куда меньше, чем летом, а забот больше. Верчусь как белка в колесе. Собирался вам написать, честное слово. А новостей пока особых нет. Вот разве только любопытную открыточку сегодня получил.

Я прочитал ему, что было написано на открытке.

— Ну и что же думаете делать? — спросил Клименко.

— Пока не решил. Надо бы, конечно, глянуть на эту керамику, только вот со временем туго...

— Ну, сколько это у вас займет? От силы два дня. Завтра у нас что — пятница? В субботу утром вылетайте. И я, кстати, собирался в Днепропетровск.

— Опять друзей навестить? — засмеялся я.

— Точно! Сейчас позвоню им, чтобы номер забронировали.

Напористость бывшего следователя опять увлекла меня, и утром я вылетел в Днепропетровск, захватив с собой два осколка древней посуды, случайно оказавшиеся вместе с драгоценностями в Матвеевском кладе.

Завез чемоданчик в гостиницу, где меня уже поджидал Андрей Осипович, и мы тут же отправились в музей.

Я предположил правильно: открытку прислал действительно Славутин.

— Заинтриговала меня ваша история, — сказал он, смущенно посмеиваясь. — Уж очень необычная, форменный детектив. Вот я и решил порыться в запасниках. Должны же, думал, остаться хоть какие-нибудь материалы, собранные Смирновым, если он вел раскопки в наших краях. И наконец кое-что нашел. Оказывается, доставили их к нам после его смерти.

Посмотрев на меня, он поспешно добавил:

— Впрочем, ничего особенно интересного. Несколько разрозненных фрагментов скифской керамики, предположительно шестого-пятого века до нашей эры. Удивляюсь, как их давно не выбросили при очередной чистке. У нас такой керамики много.

Славутин открыл шкаф, достал небольшую картонную коробку, поставил ее на стол. В ней среди потемневшей и свалявшейся грубой ваты лежали четыре осколка глиняных горшков. Они очень походили на те, что мы нашли в Матвеевке. Такая же грубая ручная лепка, неровный обжиг. Эти черепки были побольше и даже давали некоторое представление о форме сосуда. Три куса были, похоже, от одного горшка. Четвертый немножко отличался и по цвету и по качеству обжига.

— Это все? — спросил я.

— Да, больше ничего не осталось.

— Негусто. А где они выкопаны, не указано?

— Нет. Никаких сопроводительных документов. Только вот яр-

лычок: «Из сборов С.А. Смирнова, 1919 года». А все его бумаги, видимо, опечатали после смерти и неизвестно куда отправили — возможно, в архив, а может, родственникам переслали.

— Ну а выяснить, в одном они погребении были или нет — эти черепки и те, что в Матвеевке нашли, можно? — спросил Клименко.

Я покачал головой.

— А если мы с друзьями попробуем?

— Каким образом? — спросил я.

— По отпечаткам пальцев. Ведь не боги, как говорится, горшки обжигали — люди. Посмотрите, какие отчетливые отпечатки. И на тех обломках, что в Матвеевке нашли, и на этих. Вдруг их одна рука лепила, эти горшки? Тогда можно считать, что они из того же кургана, где их вместе с драгоценностями Смирнов нашел.

— Выяснить через две с половиной тысячи лет?

— А почему бы я нет? Гляньте, какие превосходные отпечатки. Каждый папилляр, каждая извилина видны. Есть тут в областном управлении, в отделе научно-технической экспертизы, майор Задорожный Павел Матвеевич. Маг и волшебник по этой части...

Поблагодарив Славутину и захватив черепки, мы с Клименко тут же отправились в областное управление внутренних дел.

В просторной светлой комнате, похожей на лабораторию от обилия всяких приборов и микроскопов на столах, нас встретил седеющий сутуловатый человек в синем халате и роговых очках.

— Майор Задорожный, ас криминалистической экспертизы, — представил его мне сияющий Андрей Осипович. Майор обнялся с ним, похлопывая его по спине, мне крепко пожал руку. Выслушав нашу просьбу, он покачал головой и усмехнулся, одобрительно сказав:

— А ты, Андрей, все такой же выдумщик. — Потом он долго рассматривал черепки в сильную лупу: — Попробовать любопытно. Позвоните-ка завтра утречком.

Когда на следующее утро Андрей Осипович позвонил ему, Задорожный коротко пригласил:

— Приезжайте.

— Что же вам сказать? — задумчиво произнес майор, подводя нас к столу, где в строгом порядке были разложены черепки, крупные фотографии их, какие-то таблицы и диаграммы. — Конечно, для настоящего статистического анализа материала маловато. Абсолютных совпадений, к сожалению, нет. Да это было бы уж редкостной удачей. Но и те и другие черепки — от сосудов, которые лепили явно люди, родственные между собой. Некоторые отпечатки очень схожи. Вот они — А, В и С, я их пометил на снимках. Видите, какое совпадение петлеобразных папилляров? И радиальные пульнарные петли весьма схожи. Древние гончары, оставившие отпечатки пальцев при изготовлении сосудов, несомненно, принадлежали к одному

племени.

— У скифов, как и у других народов в те времена, посуду, видимо, делали женщины, — сказал я. — Каждая хозяйка для своей семьи. Но я считал, что все отпечатки неповторимы, каждый из них строго индивидуален. И по отпечаткам пальцев, мне казалось, можно опознать лишь определенного человека. А вы делаете выводы насчет целого племени.

— Каждый отпечаток неповторим, верно, — Задорожный кивнул коротко стриженной седеющей головой. — На этом и основана дактилоскопия. Но, кроме чисто индивидуальных, неповторимых признаков, существуют, как установлено за последние годы, и более общие, характерные для родственных групп людей: целого народа, расы, для отдельного племени. Каждой группе присущи свои узоры и сочетания. Скажем, дугообразных изгибов, «петель», как мы их называем, или вот такие «завитковые», — показал майор кончиком остро отточенного карандаша на снимке. — Не стану вам читать длинной лекции, но можете мне поверить: дактилоскопия — наука не менее точная, чем археология. Пришлите мне для сравнения керамику с хорошими отпечатками пальцев древних гончаров, найденную заведомо в другом месте. Я их обработаю. Тогда вам станет очевидно, что лепили их люди из совсем иного племени.

— Значит, вы уверены: эти все сосуды вылеплены людьми из одного племени?

— Бесспорно.

— Тогда Матвеевский клад, несомненно, выкопал Смирнов.

— Вот этого утверждать не могу, вам виднее, — покачал головой Задорожный. — Отпечатков пальцев Смирнова я не сличал.

— Осторожничаешь, старый перестраховщик, — погрозил ему пальцем Клименко.

— Должность такая. Как говаривал адмирал Макаров: «Пишем, что наблюдаем. А чего не наблюдаем, того не пишем».

— Видали? За адмирала Макарова спрятался. Ну ловок! — восхитился Андрей Осипович. — Но все равно спасибо тебе, Павел Матвеевич, преогромное. Очень ты нас успокоил. Конечно, теперь нет сомнений: все это нашел Смирнов. Остается выяснить совсем немного, — добавил он, посмотрев на меня и хитро прищурившись: — Узнать точно, где именно.

— Ну что же, желаю успеха, — засмеялся Задорожный. — Вы оставьте адрес, Всеволод Николаевич. Официальную справку, как положено, я вам в понедельник вышлю.

— Спасибо.

— Ну а если что еще понадобится от криминалистики — милости просим, не стесняйтесь.

Привезенные мною осколки внимательно изучили знатоки скифской керамики и пришли к выводу: да, посуда похожа на ту, что на-

ходят при раскопках поселений по берегам Тясмина, Ингульца, Роси. Она ведет свое происхождение еще от чернолесских племен.

Но кто же именно здесь жил — невры или скифы-пахари, мнения опять расходились.

Посуда, как и другая хозяйственная утварь, больше различается у разных племен, чем драгоценные украшения в одном и том же стиле. Но сложность в том, что различия эти, к сожалению, не очень устойчивы и долговечны. Понравится хозяйке горшок, слепленный женщиной из другого племени. Она сделает на пробу несколько таких же горшков, да еще, может, добавит от себя какой-нибудь лишний рубчик или чуть изменит форму валика. И вот уже новшество подхватят соседки и передадут другим.

К тому же знатоки керамики напомнили: весьма похожую посуду опять-таки находят и на левом берегу Днепра, в Посулье и под Полтавой. Так что майор Задорожный был прав; черепки, доставленные в музей после смерти Смирнова, как и найденные среди остатков чемодана в Матвеевке, были от древней посуды, изготовленной женщинами из одного и того же племени. Значит, и сокровища, видимо, были действительно раскопаны в том же кургане Смирновым и потом украдены у него Ставинским. А где именно их выкопали, оставалось не очень ясным («где-то за Пятихатками и, кажется, Лиховкой...»). Но я все же решил добиваться разрешения провести поиски в тех краях.

Петренко выслушал мою просьбу неприветливо.

— Значит, снова хочешь менять район раскопок? — он покачал головой и вздохнул. — Не думаю, чтобы ученый совет пошел на это. И так ты мотался все лето по степи, а раскопал лишь два кургана. Кладоискательство, а не наука. Завтра какой-нибудь старичок еще что-то расскажет. И ты помчишься за государственный счет проверять его байки? Тебя даже не останавливает, что драгоценности явно скифские, а там, куда тебя тянет, по всем археологическим данным жили невры?

— Это еще надо выяснить. Может, скифы-пахари.

— Вот как? — поднял он брови. — Выходит, Алексей Иванович Тереножкин тебя в свою веру обратил? Ты тоже считаешь скифов-пахарей потомками чернолесцев? Олег Антонович нас иному учил. Быстро у тебя взгляды меняются.

— Я не закрываю глаза на очевидные факты. Ведь отпечатки пальцев подтверждают: керамика принадлежит одному племени. Значит, сокровища выкопал действительно Смирнов...

— Все не значит. Ты же сам говорил: возможно, эти два фрагмента попали с драгоценностями в Матвеевский клад совершенно случайно.

— Что же, по-твоему, Ставинский только эти два черепка украл у Смирнова? А драгоценности ему кто-то подарил?

— Ну, фантазировать можно сколько угодно. «Строить версии», как ты любишь теперь выражаться. Но мы — ученые, а не сыщики. Нам нужны не догадки и не стариковские воспоминания, а неопровержимые факты. Пока же, согласись, никаких резонных доводов для изменения района раскопок у тебя нет, одни предположения. Может, Смирнов выкопал. Может, Ставинский убил и украл. Может, в Екатеринославской губернии. Не то возле Григорьевки, не то у Михайловки, а их по всей Украине тысячи! Находки же, сделанные прошлым летом, — реальность. Они весьма любопытны, заслуживают тщательного изучения: конус этот непонятный, кабанчик. А тебя они интересуют куда меньше, чем отпечатки пальцев двадцатипятилетней давности! Детектив!

Тем и закончился наш разговор. И Казанский, как я боялся, тоже меня не поддержал. Он долго не отвечал на письмо, в котором я сообщил о находке керамики из сборов Скилур Смирнова и о результатах сравнения ее по отпечаткам пальцев с осколками, найденными в Матвеевке. А потом прислал коротенькое письмецо. Иронически упрекнув меня за «уголовные увлечения», Олег Антонович торопил закончить поскорей обработку находок и подробно обосновать план работ на лето. Казанскому я тоже, видно, казался упрямым, и это сердило его.

Когда Андрей Осипович снова позвонил мне через несколько дней, я пожаловался:

— Не только начальство, но и многие друзья-археологи упрекают меня за увлечение криминалистикой и ненаучные методы. Надоедо...

— Вы не забывайте, случай-то выдался особый, потому и поиски вести приходится не совсем для вас привычными методами, — сказал Клименко. — Чтобы не искать вслепую, где раскопан интересующий вас курган, на что и всей жизни не хватит, надо пройти по следу грабителей. Этим мы и занимаемся. Потом уже ваши чисто археологические методы в силу вступят. А пока задача больше из области криминалистики, чем археологии. Но вы ведь не гнушаетесь пользоваться помощью других наук — физики, химии, кибернетики. Почему же криминалистикой брезгуете?

— Я-то нет, Андрей Осипович.

— Ну а тогда, как только снежок сойдет и дороги просохнут, берите отпуск недельки на две. Я достаю у друзей «козлика», которому никакая распутица не страшна, прихватываем Андриевского, если согласится, и промчимся мы с вами по тем местам, где, по его словам, копал Скилур Смирнов. Как говорится, лучше один раз самому увидеть, чем сто раз от других услышать.

Я так и поступил. Не стал больше спорить с Петренко, набросал план продолжения поисков в том же районе, где мы тщетно копали прошлым летом, — даже с переходом на левый берег Днепра, к За-

порожью, отправил его копию Казанскому в Ленинград, а сам выпросил у Петренко отпуск на две недели «по домашним обстоятельствам» и вот уже качу по степной дороге в забрызганном грязью «газике».

Впереди, рядом с молодцеватым крепышом — шофером в милицейской форме, служащей нам лучше всяких пропусков и «открытых листов», словно бы сладко дремлет, а на самом деле решительно все замечает Андрей Осипович Клименко. Рядом со мной на поролоновом матрасике, заботливо ему подложенном, торжественно восседает Авенир Павлович Андриевский, оглядывая весенний степной простор с гордым видом первооткрывателя.

Самое начало апреля, весна еще только-только начала принаряжать землю. На дорогах лужи. Но в чистом, промытом до густой синевы высоком небе уже, ликуя, заливаются жаворонки, в полях рокочут тракторы, а влажный и густой весенний воздух пьянит голову. Места живописные. Балочки с родниками и перелески тут встречались чаще, чем южнее в степи, где мы копали прошлым летом.

Колесим по грязным дорогам уже третий день с раннего утра до сумерек, а толку пока никакого. Объездили все окрестности Пятихаток, потом Лиховки, побывали и в Мишурином Роге на берегу Днепра. Тут мы вышли из машины, чтобы поразмяться, и, глядя на Днепр, разлившийся до самого горизонта, я опять с тревогой подумал: а что, если курган, какой ищем, давно уже затопило это рукотворное море?

Михайловок и Варваровок попадалось немало, даже гораздо больше, чем помечено было на подробнейшей карте, какой снабдили нас друзья Андрея Осиповича.

И курганов по пути встречалось немало, один лучше другого...

Села были большие, с асфальтовыми тротуарчиками вдоль длинных улиц и с водопроводными колонками. Радовали глаз эти приметы крепкой, богатой жизни. Но в каком из этих сел, возникших явно на пепелищах уже после Отечественной войны и последующего укрупнения колхозов, искать жителей давно исчезнувших хуторков и мелких селений, которые могли бы припомнить чудака, копавшегося где-то в кургане полвека назад, в самый разгар гражданской войны?

Мы расспрашивали попадавшихся на пути стариков и старушек, заезжали по совету Андриевского в школы и беседовали с местными учителями, преподавателями истории и географии, наслушались весьма занимательных рассказов о всяких исторических событиях и самых фантастических легенд. Но они никак не помогали найти родину Золотого Оленя.

География этих мест даже за послевоенные годы так разительно изменилась, что их не узнавал и Авенир Павлович, тщетно пытавшийся до войны отыскать со школьниками могилу Смирнова. Старик огорчался все больше и выглядел виноватым.

— Ну что вы, Авенир Павлович! Ничего не попишешь, жизнь идет вперед, все меняется, — утешал я его, а сам, признаться, уже начинал сомневаться в успехе поездки.

Но вот снова забрезжила слабая надежда.

Где-то на проселочной дороге мы увидели отдохавшего на обочине в тени дубочка, едва начавшего одеваться нежно-зеленой листвою, старика в нейлоновой куртке и соломенной шляпе. Мы остановились, подсели к нему, поздоровались, завели разговор о жизни, о здоровье и о том, что вот разыскиваем Михайловку, возле которой давно, еще в годы гражданской войны, один ученый вел раскопки кургана...

— Курганов у нас полно, — оживился дедок. — И еще с той войны, с французами, и могилы казаков запорожских. Были такие два запорожца — братья Серко, так они завещали себя похоронить рядом. Курганы те так и называются: Братья. И ученые давно теми курганами интересуются. Тот академик, про какого вы спрашиваете, тоже здесь копал. Я мальчонкой был, хлопчиком, а его хорошо запомнил.

— Где же он копал? В каком кургане? — поспешно спросил я, не веря удаче.

— Во всех, — не раздумывая, ответил он и широко обвел рукой полгоризонта. — Крепкий такой был академик. Здоровенный!

— Позвольте, Скилур Авдеевич был невысокого роста, худенький, — негодуяще произнес Авенир Павлович. — Вы что-то путаете. Он был совсем не такой, как вы рассказываете.

— Кто? — уставился на него дед.

— Скилур Авдеевич Смирнов, которого вы, говорите, знали.

— Не знаю я никакого вашего Смирнова. То академик был, папирсы курил из золотого портсигара, — упрямо покачал головой наш собеседник. — Высокий мужик был, рыжий.

— Вы же старый человек, а такие сказки рассказываете, — Авенир Павлович попробовал пристыдить дедка.

— Почему сказки? Мне-то лучше знать, я здешний. И копал он возле Михайловки, это точно. Я жил в соседнем селе, в Григорьевке, а туда часто бегал, в Михайловку. Сожгли ее белые еще в ту войну, в гражданскую. А нашу Григорьевку фашисты спалили, когда отступали. Теперь я здесь у старшего сына живу.

— А та Михайловка далеко отсюда была? — спросил Клименко.

— Да нет, верст, мабуть, пятнадцать, не боле. Только не осталось там ничего, все запахано.

— А вы знаете, у Скилур Авдеевича действительно был красивый золотой портсигар, — задумчиво произнес Андриевский, когда мы поехали дальше.

Клименко посмотрел на меня и сказал:

— Что нам стоит прокатиться лишних пятнадцать километров?

Тем более места-то такие красивые.

Проехали еще пятнадцать километров. Никаких признаков жилья вокруг. Те же привольно раскинувшиеся поля, цепочка курганов вдоль дороги. Еще несколько курганов повыше стоят посреди поля. Если бы можно было, не раскапывая, заглянуть, что они таят...

— Н-да, где же тут могла стоять эта Михайловка, если дед не сочиняет? — пробормотал Клименко, встав на подножку машины и поглядывая вокруг. — Давай, Володя, проедем вон туда, где тракторист пашет. Поспрошаем его. Не застрянем?

— Нет, товарищ майор, — шофер упорно титуловал бывшего следователя его прежним званием.

Тракторист, завидев нас, остановил машину, выглянул из кабины. Мы поздоровались и спросили, не знает ли он, часом, где тут была когда-то деревня Михайловка.

— Не знаю. Да вы поезжайте в правление, там наверняка скажут.

— А далеко это?

— Да нет, километров восемь. Все прямо по этой дороге, никуда не сворачивайте. Как вот те курганы минуете, будет видно большое село на двух холмах. Мимо не проедете. Дома новенькие, издалека видно.

— А как председателя звать?

— Непорожный Назар Семенович. Вы его сейчас как раз в правлении застанете. Все бригады уже объехал, позавтракал, теперь в правлении занимается.

Выехав на дорогу и миновав цепочку курганов, ухивших к горизонту, мы действительно сразу же увидели впереди белые нарядные домики среди садов на склоне двух почти слившихся вместе холмов — одного побольше, другого поменьше, прильнувшего к соседу, словно к старшему брату.

Место для колхозного поселка здесь выбрали очень удачно — красивый вид открывался с высоты холма. Дома и тут были все новенькие, как в совхозе Петровского, но уже успели укрыться в тенистой зелени молодых садов. И ни один дом не походил на соседний: у одного нарядные налочки, у другого весело раскрашена крыша, у третьего на шесте гордо вознесся над крышей какой-то затейливый пивник³ — флюгер. И все домики чистенькие, только что побеленные.

На вершине холма, что пониже, на широкой площади сверкал стеклянными стенами универмаг, а напротив, за сквериком, стояло двухэтажное здание правления колхоза.

Мы поднялись на второй этаж и спросили в приемной у пожилой секретарши, деловито стучавшей на пишущей машинке, можем ли повидать председателя.

3 Петушок (укр.)

Расспросив, кто мы такие и что нам надо, секретарша исчезла за дверь и тут же вернулась, пригласив:

— Пожалуйста, заходите, товарищи.

Кабинет, в который мы вошли, был просторный, светлый, прохладный. За письменным столом сидел, выжидательно глядя на нас, черноволосый смуглый человек лет сорока, в белоснежной нейлоновой рубашке и при модном галстуке. Под рукой у него на маленьком столике стояли два телефона — белый и зеленый, рядом коммутатор селекторной связи.

Мы представились. Председатель пригласил нас присесть. Клименко ободряюще посмотрел на меня, и я начал рассказывать, как мы нашли в Матвеевке загадочный клад, а теперь пытаемся выяснить, где именно были выкопаны древние сокровища из кургана. Рассказывал, как мы напали на след Ставинского, а потом и Скилура Смирнова, и чувствовал, что вся эта запутанная история выглядит здесь, в строгом, деловом кабинете, какой-то придуманной, невероятной. Археология вперемежку с уголовщиной!

Но председатель слушал меня внимательно, не перебивая, только в его зеленовато-коричневых глазах постепенно все явственнее выражалось изумление.

— История, — протянул он, испытующе поглядев на Клименко. — И вы, значит, предполагаете, копал этот Смирнов здесь, у нас?

— Да, где-то тут были, говорят, и Варваровка и Михайловка, только давно уж их нет.

— Возможно, — кивнул Непорожний и добавил, сверкнув подкупающей белозубой улыбкой на обветренном загорелом лице: — Спросите меня, какая, скажем, кислотность на любом поле, — отвечу точно, не хвастаю. Это я знаю. А что тут было при царе, можно сказать. Горохе... — он развел руками. — Родился я с опозданием, уже в тридцатом году. Да и не здесь, на Орловщине. Начал тут председательствовать, когда уже этот поселок заложили. А какие были где села до укрупнения, честно скажу, не интересовался. Хотя, кажется, кто-то поминал, была тут вроде до войны Михайловка.

Помолчав и что-то прикидывая, он деловито предложил, нажимая кнопку звонка на уголке стола:

— Вы у нас поживите, поездите по округе. Пospрошайте старожил. Парторг вам поможет с ними связаться. Зинаида Прокофьевна, устройте товарищей в гостиницу, — повернулся он к неслышно появившейся в дверях секретарше.

Мы поселились в новенькой колхозной гостинице, где все сияло чистой, было тихо и по-домашнему уютно. Целыми днями ездили по округе, нанося на карту встречавшиеся курганы. Их и здесь было немало.

Несколько раз во время поездок мы встречали на степных дорогах черную «Волгу» председателя колхоза. Непорожний останавли-

вался, расспрашивал, как идут дела. Был он всегда выбрит, весело деловит, заботлив, внимателен. Во всем чувствовался совсем иной стиль работы, чем у его коллеги Петровского, с которым нас свела судьба в прошлом году.

— Це Голова! — с уважением отзывался о Непорожном Андрей Осипович. И вскоре все мы стали называть председателя именно так, на украинский манер — и непременно с большой буквы.

Объезжая округу, мы пробовали несколько раз расспрашивать местных старожилов, где раньше находились деревни или села (возникшие на их месте новенькие поселки, входившие в колхоз Непорожного, даже не имели имен, их просто называли: «Вторая бригада» или «Шестая»), и не припомнят ли они чудака, где-то копавшегося тут в кургане в разгар гражданской войны.

Вечерами же по специально составленному списку, который он все пополнял, здешних старожилов приводил к нам в гостиницу колхозный парторг Семен Васильевич Пекарский. Каких только историй мы не наслушались! Но в то же время во многих рассказах, даже на первый взгляд совсем фантастических, вдруг проскальзывало что-то, заставлявшее насторожиться. Некоторые из старожилов действительно, кажется, встречали полвека назад чудака-археолога, затеявшего раскопки в самое неподходящее время. Только почему-то они указывали разные места, где будто бы копал Смирнов.

Один дедок тоже вспомнил про золотой портсигар. А другой — что Смирнов любил курить «таки длинненькие чудные папироси-ны».

— Совершенно верно! — обрадовался Андриевский. — У него была такая причуда. Он почему-то любил курить только «дамские пахитоски», как их тогда называли.

— Пожалуй, надо все же снова воспользоваться методами криминалистики, — вдруг неожиданно объявил Андрей Осипович в один из вечеров, расправляя на столе карту, на которую он наносил после каждой такой беседы или встречи какие-то одному ему понятные знаки.

Я вопрошающе посмотрел на него.

— Кажется, я понял, почему здешние ветераны словно сговорились нас за нос водить, — задумчиво продолжал он. — Разгадка, пожалуй, просто в том, что не такие это приятные воспоминания, чтобы им предаваться, понимаете? Сами подумайте: ну кому из почтенных, старых людей охота признаваться перед приезжими, как их односельчане, а вполне даже возможно, что и они сами в молодости по темноте и недомыслию ограбили хорошего человека, ученого, растащили у него древние находки, сорвали научное открытие? Вот они и посылают нас наивно к соседям, сваливают вину на них. А те, в свою очередь, — обратно.

Андрей Осипович подошел к столу, жестом приглашая нас после-

довать за ним, и разгладил карту ладонями.

— Вот я прикинул примерно, как тут все располагалось в те времена, когда вел раскопки Смирнов. Где-то здесь находилась тогда одна Михайловка, тут другая, здесь Варваровка. Теперь проведем азимуты, по которым нас направляли те, кого мы расспрашивали. Видите, что получается? Все линии сходятся на этих двух курганах, — постукал он по карте карандашом.

Во время поездок по округе я видел эти курганы не один раз и теперь отчетливо припомнил их. Они стояли у самой дороги. Один был метров четырех высотой, второй совсем оплывший, изрытый ямами.

— Думается, надо эти курганчики проверить, — сказал Клименко, глядя на меня. — Но, прежде чем копать, пожалуй, стоит провести еще одну проверочку.

— Какую?

— Что приходится делать, когда свидетели и подозреваемые начинают путать, в их показаниях возникают противоречия? — Андрей Осипович наставительно поднял карандаш. — Тогда им устраивают очную ставку. Давайте и мы так сделаем. Побеседуем еще разок со старожилками. Соберем всех, чтобы между собой поспорили, уличили друг друга в несоответствиях. Тогда противоречия в их рассказах сразу станут наглядны, очевидны, и, может быть, таким путем мы докопаемся до истины.

Я посмотрел на Клименко с некоторым сомнением.

— Конечно, надо все как следует подготовить. Я этим займусь, — успокоил он меня.

И вот через два дня вечером, когда спала жара, в саду возле правления на принесенных из клуба скамьях и стульях чинно расселись приглашенные. За теми, кто жил в дальних бригадах, послали автобус, а за самыми почтенными даже председательскую «Волгу».

Картина выглядела весьма внушительно и живописно: среди зелени сплошь седые головы и бороды, старинные наряды.

За столом торжественно разместились Непорожний в черном костюме с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, Клименко, Андриевский и я.

Необычное собрание открыл председатель колхоза. Он коротко и деловито сказал, что «мероприятие это дуже важное, и правление просит отнестись к нему со всей ответственностью», и поспешил предоставить слово мне.

Я рассказал о том, как нашли Матвеевский клад и долго распутывали его загадочную историю, которая и привела нас по его следу в здешние края. Объяснил, как важно для науки найти курганы с погребениями древнего неведомого племени, и просил помочь нам в первую очередь отыскать тот курган, где копал покойный Смирнов.

Тогда станет яснее, где вести раскопки дальше.

Признаться, я в глубине души побаивался, как бы задуманная «очная ставка» не превратилась в скандальное препирательство и взаимные унылые попреки грешками полувековой давности. Приглашенные могли и просто отмолчаться, но пауза не затянулась. С решительным видом поднялся худощавый высокий старец и громко сказал, откашлявшись и осмотревшись вокруг:

— Да чего гадать-искать, дорогие товарищи? Тот Смирнов копал в Гнатовой могиле, вовсе неподалеку. Там раньше Михайловка была, потом ее спалили беляки. Он жил в той Михайловке...

— У Власюков он стоял, — робко подсказала одна из женщин.

— Правильно, у Власюка Онисима, — поддержали ее несколько голосов.

— Там он и повесился у них в коморе⁴, царство ему небесное.

— И похоронили его в цей Гнатовой могиле. На кладбище поп не дал, поскольку он сам себя, видишь, жизни решил. Такие порядки были, — пояснил старик с лихо закрученными белоснежными усами и, подумав, укоризненно добавил: — Темнота...

— А где она, эта Гнатова могила? — спросил я.

— Да знаете вы ее! — зашумели все. — Видали два кургана за балочкой? При дороге.

— Пускай им ее Гнат сам покажет, свою могилу! — выкрикнул кто-то из задних рядов.

Неожиданное предложение вызвало общий смех и веселые возгласы:

— Гнат, покажи людям свою могилку!

— Придется уступить ее, не скупись. Наука требует.

Подталкиваемый соседями, во втором ряду поднялся щуплый, смущенный дедок в застиранной и выгоревшей почти до белизны гимнастерке. На груди у него сверкала какая-то медаль.

У кургана оказался живой хозяин? Это что-то новенькое. Я с любопытством разглядывал старичка, а тот все пытался сесть и спрятаться за соседей, да ему не давали.

Эта веселая возня показалась неуместной строгому председателю, не любившему зря терять время. Непорожний встал и сказал:

— Ну что же, товарищи. Спасибо за помощь, и будем считать собрание закрытым.

Рано утром, по холодку, мы отправились осматривать Гнатову могилу.

Несомненно, это был курган — и его когда-то раскапывали. Кроме нескольких оплывших ям на склонах, видимо, остатков окопов или блиндажей военной поры, с одной стороны в курган далеко врезался глубокий ров, похожий на овражек. Его вполне мог прокопать

4 Комора, или хижка — нежилая часть хаты, кладовка, где обычно спали летом, (укр.)

археолог в те времена, когда еще не было современной техники. Тогда часто приходилось вести раскопки именно так: не срывая всю курганную насыпь и открывая свободный доступ к погребальной камере, а прорывая вручную неширокую траншею. При этом по бокам ее, вполне возможно, могли остаться и другие незамеченные погребения или какие-нибудь предметы похоронного ритуала, спрятанные в самой курганной насыпи.

— Ну как вы считаете? — спросил Непорожний, когда мы, облизав весь курган, зашли к нему в правление.

— Вполне возможно, что это именно тот. Во всяком случае, проверить его надо непременно. Поеду уговаривать начальство. А не удастся, возьму еще оставшиеся две недели отпуска, выбью всеми правдами и неправдами и стану копать сам. Лопаточкой, как это Смирнов делал и другие археологи в старину.

— А зачем откладывать? — вдруг предложил Клименко. — Напишите просто начальству, что задерживаетесь по семейным обстоятельствам, просите предоставить оставшийся отпуск. И начнем копать. Лопаточками.

— Ну зачем уж так по-сиротски, Андрей Осипович, — засмеялся Непорожний. — Выделим вам какой-нибудь захудалый бульдозер. А может, и парочку найдем. — Он повернулся ко мне: — Скреперы вам ни к чему. Бульдозеры станут прямо сгребать землю вот сюда, в эту балочку. Сразу двух зайцев уьем: и курган сроят, и балочку, глядишь, засыпят. Тоже можно будет поле разбить.

Наутро, ровно в шесть, я уселся рядом с веселым чубатым водителем подъехавшего к гостинице бульдозера, Андрей Осипович и Авенир Павлович забрались в кабину второй машины — и мы отправились раскапывать Гнатову могилу.

Я попросил бульдозеристов Василя и Сашко быть как можно внимательнее и не спешить. И не ошибся. Вскоре после того, как острые ножи бульдозеров сняли первые пласты земли у подошвы кургана, стало очевидно: тут уже вели раскопки. Черная земля курганной насыпи во многих местах была перемешана с выброшенной из погребальной камеры желтой материковой глиной.

Я нервничал и то и дело останавливал машины, когда мне казалось, будто среди комьев взрытой земли что-то мелькнуло. Конечно, для трактористов такая работа была весьма утомительной. Все на нервах. Но ребята оказались молодцами, даже не ворчали.

Вскоре после того как мы начали работать, конечно, набежали любопытные ребятишки. Потом подъехал на своей «Волге» Непорожний. Вышел, молча постоял, наблюдая за работой бульдозеров, и, явно не желая нам мешать, вскоре уехал по своим делам.

— А вон и дедка Гнат спешит, — засмеялись ребятишки.

— Здравия желаю! Что же вы без меня начали! — еще издали закричал запыхавшийся старик.

Подойдя, он козырнул, приложив ладонь к старой кавалерийской фуражке:

— Гнат Степанович Филиппчук. Очень приятно. Меня старуха на базар с утра наладила, так что извиняйте, что немного припоздал.

— Дедушка, а почему этот курган Гнатовой могилой прозвали? — спросил я у него.

— Потому, стало быть, что мой, — гордо ответил он, выпячивая грудь. — Поскольку давно я сюда люблю ходить, посидеть, отдохнуть. И похоронить себя тут завещал, потому и называется он моей могилой.

— Предусмотрительный, — похвалил Клименко. — А где же теперь будет место твоего успокоения? Ведь мы его сроем.

— Весь сроете?

— Весь, до основания. Не жалко?

— Ну раз надо для науки, — великодушно ответил дедок. — Я ж понимаю. Да вы не беспокойтесь, я себе другой подберу. Курганов у нас много.

Ребятам вскоре стало скучно, и они гуськом потянулись в поселок, к пруду купаться. Забавный старикан завалился спать на самом солнцепеке и проспал до обеда. Утром он появился снова и аккуратно приходил потом каждый день, словно на работу.

Траншею, прокопанную кем-то — возможно, Смирновым, — с одной стороны кургана, оплывшую, заросшую бурьяном и похожую на овражек, я решил оставить напоследок. Ее предстояло расчищать лопатами. А пока бульдозеры снимали курганную насыпь с другой стороны.

Не зря я так осторожничал. На третий день нож одного из бульдозеров поддел осколок глиняного горшка. Остановив машины, я начал расчищать землю в этом месте сначала ножом, потом щеточкой.

Это был осколок древнего сосуда, еще ручной лепки. Их тут оказалось немало. Праздновали, наверное, тризну, а потом посуду побили. Хоть и не попалось ни одного целого сосуда, черепки были большие. Нам повезло!

— Может, удастся склеить, получим даже несколько целых горшков во всей красе, с наклепными валиками и наколами, — обрадовался я.

— И отпечатков пальцев отчетливых много, — в тон подхватил Клименко. — Будет что показать Задорожному.

От кургана оставался уже небольшой кособокий холмик. Скоро придется взяться за лопаты. Но на следующий день нас поджидал еще один сюрприз: неожиданно наткнулись на человеческий скелет. Василь — здоровенный плечистый хлопец, остановил бульдозер и поспешно выскочил из кабины.

Странно, что скелет был закопан так неглубоко и почти на вер-

пшине кургана. Сохранился он хорошо.

— Слушайте, а ведь это, кажется, могила Смирнова, — первым догадался Клименко.

— Он, он здесь лежит, не сомневайтесь, — сказал дед Пилипчук. — Тут его и похоронили, на кладбище поп не пустил.

Авенир Павлович, отвернувшись, начал поспешно вытирать глаза.

Вероятно, это в самом деле были останки Смирнова. Кого еще могли похоронить в одиночестве посреди степи, на вершине древнего кургана? Мы перевезли его прах на кладбище.

Дальше уже предстояло копать лопатами и просматривать каждый комочек земли: вдруг попадется что-нибудь, не замеченное Смирновым при раскопках или отброшенное в сторону грабителями, шарившими в ночной темноте в раскопанной им погребальной камере.

Я поблагодарил бульдозеристов, крепко пожал их перепачканные мазутом руки. Но наутро, к моему удивлению, они снова появились — только теперь без машин, с лопатами в руках.

— Разрешите вам подмогнуть, — смущаясь, пробасил Сашко. — Интересно же докопать до конца.

А Василь добавил поспешно:

— Вы не сомневайтесь, Назар Семенович разрешил.

Мы взялись за лопаты и, как я и предполагал, вскоре добрались до погребальной камеры. Устроена она была, видимо, несколько необычно. Нам попались обломки обгорелых дубовых бревен. Они крошились при неосторожном прикосновении. Только пропитав специальным составом, который я, к счастью, на всякий случай захватил с собой, удалось закрепить и сохранить два куска древнего дуба.

Но как они попали в погребальную камеру и почему были обожжены? Очевидно, похоронный обряд проводился по старым обычаям местных племен, обитавших тут еще до скифов, не так, как было принято южнее, в степи. Для скифов царских, возглавлявших союз племен, такие погребения не типичны.

В зоне же древней лесостепи деревянные срубы в могильных ямах нередко носят следы огня. Поэтому, кстати, некоторые археологи тоже считают обитавшие тут племена предками славян, у которых обряд трупосожжения получил позднее широкое распространение.

Похоронный обряд — не изготовление посуды. Его традиции гораздо прочнее и устойчивей. Но, конечно, и он постепенно менялся под влиянием новых, уже скифских обычаев. Однако эти перемены происходили медленно, растянувшись на века. Поэтому в здешних краях, совсем рядом, поблизости друг от друга, встречаются очень разные погребения.

Сложным и пестрым миром, видимо, была по своему племенному составу Скифия. Тем интереснее разобраться в этой сложности, рас-

путать ее, точнее определить местообитание, изучить быт каждого отдельного племени, входившего в скифский союз.

Какое же место в этом союзе, в давно исчезнувшем мире занимало загадочное племя? Погребение вождя или знатного воина племени, судя по всему, посчастливилось раскопать Смирнову, а теперь обшаривали его и мы, мечтая отыскать еще хоть что-нибудь.

Но надежды мои были напрасны. Чувствовалось, что все тут уже было копано-перекопано, каждый комочек земли прощупан. Несколько разрозненных костей — три человеческих и пять мелких, принадлежавших, видимо, какому-то животному, верхняя часть человеческого черепа, пробитого в двух местах, да четыре небольших осколка древних сосудов — вот и все, что мы обнаружили в самой камере.

— Наши мужики крепко тут пошуровали, — сочувственно сказал вдруг дед Пилипчук, оглянувшись по сторонам и понизив голос, словно кто-то мог его подслушать в открытой степи. — Я еще хлопцем шмаркатым⁵ был, а помню. Он, ученый-то, ценности, какие нашел, к себе в комору перенес. Потом уж они пропали, как он повесился. Может, хозяева прибрали или волостной писарь, что за его вещами приезжал, — кто знает? А скелет-то он, значит, не успел забрать. Мужики не испугались, однако, скелета-то, полезли ночью в могилу. Сторож, правда, был, да совсем никудышный. Даже мы, мелкота, его не боялись, когда на баштане он караулил. Утащим у него рушницу⁶ и тащим кавуны! А тут здоровые мужики, чего им бояться? Они его связали для виду и велели молчать, ежели кого узнал. А как не узнать, хоть и темно было? Свои ведь все, соседи. Ну, стали они копать. Кости, конечно, пораскидали, чтоб спокойнее было. А ученый, бедолага, как утром увидел, прямо за голову схватился. «Что же, — говорит, — вы наделали? Убили вы меня...» Ну, и повесился с горя.

Старик обескураженно покачал головой, громко вздохнул и виновато развел руками:

— Нехорошо, конечно, поступили. Это все куркули затеяли, были у нас такие братья Грищенковы. С ними военный еще приезжал.

— А нашли хоть что-нибудь мужички-то в могиле? — спросил Клименко.

— Сказывали, нашли. Да кто его знает? Открыто, конечно, не похвалялись, да разве скроешь? Слухи разные пошли. На селе ничего не утаишь. Бусы, сказывают, нашли золотые, ожерелье. Корону вроде тоже золотую...

Я не выдержал и застонал, мотая головой.

Дед испуганно посмотрел на меня и поспешно закончил:

⁵ Сопливым (укр.)

⁶ Ружье (укр.)

— Болтали люди, а может, и не так. Точно, конечно, не знаю. Я же хлопчиком был, пятнадцатый год пошел.

Вечером в гостинице мы говорили о том, какие удивительные вещи могли находиться в Гнатовой могиле и куда их подевали грабители.

— Разграбили, как в свое время богатейшее погребение в Куль-Обе, — сетовал я. — Только там хоть часть украденного удалось разыскать, а тут... И ведь лежат древние золотые украшения где-то, припрятанные в сундучках! Не могли же их расплавить, перелить на какие-нибудь обручальные кольца?!

— Ничего, Всеволод Николаевич, не огорчайтесь, — утешал меня неунывающий Клименко. — Посмотрите, на черепках тоже отпечатки пальцев отчетливо заметны. Дадим их Задорожному сличить с теми, что уже изучены. Если подтвердится идентичность, никаких тогда сомнений не останется, что именно этот курган копал Смирнов. А раз так, не сможет больше ваше начальство возражать, разрешит перенести поиски сюда. Курганов тут много.

«Утешение, конечно, слабоватое», — невесело думал я, разложив вечером на столе наши небогатые находки и прикидывая, как их лучше упаковать. Авенир Павлович пошел перед сном прогуляться. Клименко отправился на прощание поболтать с Непорожным и, как я догадался, попытаться выпросить у него машину, чтобы не трястись до Днепропетровска в рейсовом автобусе.

Делать нам здесь пока было нечего. Мы решили утром уехать. Ведь нужно было еще сличить в Днепропетровске с помощью майора Задорожного отпечатки пальцев древних мастеров на черепках с найденными раньше. Это был последний и единственный козырь, с помощью которого я еще надеялся переубедить ученый совет, чтобы разрешили мне перенести раскопки сюда.

— И вы тоже о ней задумываетесь?

Занятый своими мыслями, я невольно вздрогнул от этого вопроса, вдруг прозвучавшего над самым моим ухом. Андрей Осипович задал его таинственно, приглушенным голосом. Я даже не заметил, когда он вошел в комнату.

— О ком — о ней? — спросил я.

— Об этой дырочке, — Андрей Осипович показал на одно из отверстий в черепе, лежавшем передо мной на столе. — Другая-то дырка — явный пролом, и наверняка уже поздний. Видите, края какие неровные. А эта дырочка весьма интересна.

— Чем?

— Помянули вы нынче про погребение в Куль-Обе. А ведь, помнится, когда его раскопали, нашли в нем сосуд со сценками из скифского быта, как и на Матвеевской вазе. И у некоторых археологов возникло предположение: а не изображены ли это памятные эпизоды из жизни скифского вождя, похороненного в том кургане? И ка-

жется, Дюбрюкс обратил внимание на то, что у найденного в склепе черепа поврежден как раз тот зуб, какой, похоже, врачует у воина скифский лекарь в одной из сенок на сосуде. Так? Не ошибаюсь?

— Да, Шевелев и Дюбрюкс высказали эту гипотезу. Откуда вы знаете такие подробности, Андрей Осипович?

— Читаю всякие популярные книжицы. Подковываюсь, чтобы вам от меня побольше пользы было. Как говорится, ученье — свет, знание — сила, — засмеялся он. — Значит, были такие предположения?

— Были.

— И кажется, оправдались? Говорят, известный рентгенолог, профессор Рохлин, занимающийся изучением болезней древних людей по их останкам, недавно подтвердил это предположение Дюбрюкса и Шевелева?

— Да. Но почему это вас заинтересовало?

— А я по аналогии такую версию разработал: не с подобным ли случаем и мы столкнулись? Не изображен ли на нашей вазе именно этот древний покойничек, чей пробитый череп вы держите в руках. Помните, там среди других сенок есть и такая: знатный воин лежит на земле, а древний лекарь или жрец вроде ему голову долбит? Может, это зарисовка с действительности? Тоже эпизод из жизни вождя, похороненного в здешнем кургане? Заказали специально к похоронам вазу, изобразив на ней памятные эпизоды из его жизни. Возможно?

Я задумчиво кивнул.

— Дырочка-то уж больно аккуратная, — продолжал рассуждать бывший следователь, взяв череп в руки и указывая на отверстие в нем. — По-моему, появилась она явно не после смерти воина. Уж, поверьте, в продырявленных черепах я немножко разбираюсь.

— Думаете — трепанация черепа?

— А что? Операция, конечно, сложная. Но, кажется, и в те времена ее уже умели делать?

— Да.

— Так вот, если бы удалось доказать, что на Матвеевской вазе изображен и портрет, и, так сказать, памятные вехи жизни этого вождя, череп которого лежит перед нами, мы получили бы еще одно весьма веское подтверждение: драгоценности выкопаны Смирновым именно здесь, в Гнатовой могиле.

— Вы думаете, возможно как-то проверить вашу гипотезу?

— Есть у меня в областном управлении еще один старый приятель, — задумчиво произнес Андрей Осипович.

— Тоже маг и волшебник? — засмеялся я.

— Точно, только этот как раз по челюстям и скелетам. Эксперт по судебной медицине. Учился у того самого профессора Рохлина. Сейчас, впрочем, этот Костя Заметаев уже сам профессором стал. Пока-

жем ему, он все выяснит.

На следующий день мы уже были в Днепропетровске. Андрей Осипович сразу отправился с черепом и осколками посуды к своим волшебникам. Вернувшись, привез мне бронь на вечерний самолет в Киев.

— Летите и будьте спокойны, — сказал он. — Вы там берите за горло свое начальство, а я тут стану экспертов теревить, чтобы не тянули с заключениями. Как только бумажки получу, в тот же день ждите меня в Киеве.

Я попробовал было опять заговорить о деньгах ему на дорогу, но Андрей Осипович отмахнулся:

— А вы разве за казенный счет раскопки веди? Что-то я не заметил, когда вы у Непорожного командировку отмечали. Бросьте, старого следователя не проведете. Почему же мне вы такой роскоши позволить не желаете, чтобы я в Киев за свой счет слетал?

Петренко встретил меня так сурово, что я даже не решился ему рассказать о наших находках до выяснения результатов экспертизы.

— Значит, ты меня обманул? — насупился он. — Вот для чего, оказывается, отпуск просил. Поставил под угрозу срыва летнюю практику и экспедицию! «По семейным обстоятельствам». А я, дурак, поверил. Это по-товарищески?

— Но ты не хотел меня так отпускать.

— Хотел, не хотел... Рассуждаешь, будто у нас тут частная лавочка. Дело прежде всего. И дружба дружбой, а служба службой, давай договоримся раз и навсегда!

Что я мог ему сказать?

К счастью, на следующее утро раздался звонок в дверь моей квартиры. Я открыл ее, увидел сияющего Андрея Осиповича, и на душе сразу стало легче.

Пока жена хлопотала насчет завтрака, мы с ним уединились у моего рабочего стола. Андрей Осипович достал из портфеля несколько бумажек со штампами и печатями.

— Ну, с черепками полное совпадение, — торжественно сказал он, — тут сомнений никаких, вот заключение.

— Значит, доказано, что Смирнов выкопал Оленя и вазу в этом кургане?

Андрей Осипович замахал руками:

— Я говорю лишь про посуду. Всю ее лепили женщины из одного племени. Это подтверждает совпадение по многим признакам отпечатков на всех черепках, найденных сейчас и раньше. Насчет же вазы и Оленя ничего сказать не могу. Вот если бы у нас были образцы отпечатков пальцев Ставинского и Смирнова, мы бы их сравнили с теми, что, возможно, остались на вазе. А сейчас, к сожалению, в этом криминалистика вам помочь не может. Происхождение вазы и Золотого Оленя вам уж придется устанавливать самим. Кстати, у вас

ведь не подлинник его, а подделка, не забывайте, — добавил он со смиренным видом. — Ну а теперь о костях. С ними тоже никаких загадок нет. Три, как мы и предполагали, — человеческие. Принадлежат они мужчине лет сорока пяти или пятидесяти. Возраст вполне совпадает с изображением на вазе. Остальные кости — свиные.

— А домашней свиньи или дикой?

— Этого, к сожалению, экспертиза определить не может.

Я вздохнул. А Клименко с многозначительным видом положил на стол еще одну бумагу на официальном бланке:

— Это насчет черепа.

«Заключение комплексной криминалистической и судебно-медицинской экспертизы.

22 апреля 1971 года в областную научно-исследовательскую лабораторию судебных экспертиз поступила на исследование часть человеческого черепа без нижней челюсти, предположительно, из древнего скифского погребения..» — начал поспешно читать я, бегло проскакивая пространные описания, чтобы поскорее добраться до главного.

«Осмотр и исследование. Череп имеет несколько убегающий назад лоб. Умеренное обызвествление места прикрепления выйной связки...»

Дальше, дальше... «Выводы». Так... Ага, вот оно!

«Неопровержимым подтверждением того, что данное отверстие является трепанационным, служит характерная замыкающая пластинка, прикрывающая губчатое вещество (диплоэ). Она соединяет наружную и внутренние пластинки черепного свода на всем протяжении, что свидетельствует о полном заживлении трепанационного отверстия после операции без каких-либо осложнений. Нет также растрескивания, которое можно было бы выявить за пределами отверстия, как и следов периостита или преодоленного остеомиелита. Все это свидетельствует, что сложная операция была проведена весьма эффективно и на высоком уровне. Судя по состоянию отверстия, мужчина, перенесший операцию, прожил после нее не менее двух-трех лет, а возможно, — лет пять, десять или даже больше.

Поскольку на приложенном к фрагменту черепа снимке сценки, изображенной на древней золотой вазе, находившейся, видимо, в том же погребении, запечатлен, несомненно, момент операции на черепе, можно допустить, что данное изображение относится именно к тому человеку, чей череп с трепанационным отверстием представлен для экспертизы, поскольку подобные операции в те времена, конечно, были большой редкостью.

Однако, разумеется, предположение об идентичности фрагмента черепа с изображением на вазе может быть высказано лишь с большой долей вероятности. Для более определенных утверждений мы не располагаем материалом...»

— Осторожничают. Такая работа. Сто раз отмерь...

«...Наличие довольно отчетливо выраженного в строении черепа акромегалоидного акцента позволяет сделать заключение о возможности у покойного некоторой гиперфункции передней доли гипофиза...»

Ну, это уже подробности второстепенные, хотя и любопытные. С ними можно познакомиться и попозже.

— Замечательно! — воскликнул я, бережно разглаживая бумагу. — Теперь мы так вооружены, что перед нами никто не устоит!

Я не удержался и тут же позвонил в Ленинград Казанскому.

— Олег Антонович, — даже забыв поздороваться закричал я, — кажется, мы нашли тот самый курган, из которого Смирнов выкопал Оленя и вазу!

— Где?

— Там, где я и предполагал: за Пятихатками, на самой границе Кировоградской области.

— Какие доказательства?

Торопясь и перескакивая с пятого на десятое, я стал рассказывать о раскопках Гнатовой могилы.

Олег Антонович, против обыкновения, слушал не перебивая. Только когда я стал рассказывать о наших предположениях насчет найденного черепа, он не удержался от насмешки:

— Опять тебя на уголовщину потянуло.

— Но ведь Шевелев и Дюбрюкс считали, что в сценке на Куль-Обском сосуде изображено, как лечат зуб именно у того вождя, что был там похоронен. И профессор Рохлин, изучив его челюсть, подтвердил их предположение. Почему бы и в данном случае...

— Дюбрюкс был большим фантазером, еще почище тебя, — перебил Олег Антонович. — А к Рохлину эта челюсть попала через сто лет после того, как ее нашли. За это время во скольких руках она побывала? Удивительно, что в ней вообще хоть один зуб остался.

Помолчав, он вдруг сказал:

— Ладно, прилечу посмотреть, что вы там нашли. Как раз собирался в Киев.

Внимательно изучив все документы и фотографии, которые выкладывал перед ним на стол Клименко, Олег Антонович задумчиво произнес:

— Значит, Скилур Смирнов... Любопытно. А ведь даже я о нем ничего не мог припомнить. Проверил свою память, порылся в литературе — никаких упоминаний. Не успел бедняга расправить кры-

лья. А мне нравится этот парень! Мир вокруг рушится, а он себе копает. Вам, разумеется, такая преданность науке кажется наивной, смешной. Но наше поколение не чета вашему, друг мой Всеволод! Вы согласны, Андрей Осипович? Вел же в двадцатом году еще совсем молодой и вовсе тогда не почтенный Павел Николаевич Шульц раскопки в Крыму, пока мимо по всем дорогам драпали врангелевцы? Продолжал копать Ольвию под выстрелами беляков Семенов-Зусер. Сибилев бродил со своим голодным, в лохмотьях отрядиком по берегам Донца, тоже нередко попадая под обстрел. Вот с кого пример надо брать! А они даже собственной гипотезы не могут отстоять... Как вам это нравится, дорогой Андрей Осипович? Позор!

Клименко только приятно улыбался, слушая эти тирады. Я по-малкивал.

Теперь, когда прилетел Казанский, убеждать Петренко и ученый совет в своей правоте мне вообще не пришлось. Все взял в свои руки Олег Антонович с мастерством человека, «поседевшего — по его собственным словам — в ученых дискуссиях и битвах с начальством».

Едва Петренко, нежно обლობывавшись с учителем, начал жаловаться на меня, Олег Антонович укоризненно покачал головой и решительно сказал:

— Вы совершенно правы, Вадим Александрович. Конечно, нам интересны все курганы, и надо их раскапывать не на выбор, а подряд — и в одном месте. Не к чему заниматься кладоискательством и носиться по всей степи. Если удалось, наконец, разыскать, где копал Смирнов, нужно перебираться туда, тщательно обследовать все окрестности. Времени терять не следует, раз так дело повернулось.

У Петренко был такой ошеломленный вид, что я с трудом удержался от смеха. Казанский сделал ведь поворот на 180 градусов! Умел старик признавать и исправлять свои ошибки.

На следующий день Олег Антонович произнес на ученом совете такую вдохновенную речь, что я даже как-то и не удивился, только обрадовался, когда все единогласно проголосовали за то, чтобы направить экспедицию под моим руководством для детального обследования района, где когда-то вел раскопки Скилур Смирнов.

Между тем Олег Антонович продолжал всесокрушающее наступление, и устоять перед его напором было невозможно. Капитулировали даже бухгалтерские твердыни: мое заявление с просьбой об отпуске аннулировали, а вместо него Петренко, правда, не очень твердой рукой, выписал мне задним числом командировку для оправдания и оплаты по всем правилам моей поездки, которой он так противился. Оставалось лишь отметить ее у Непорожнего.

5

И вот мы снова катим по степи, волоча за собой длинный шлейф пыли. Дядя Костя скучает один в кабине. А мы с Клименко и Саво-

синим устроились вместе со студентами в кузове на мешках и ящиках с экспедиционным оборудованием. Горланам с молодежью песни или ведем веселые разговоры. Настроение у всех расчудесное.

Состав отряда несколько обновился. Нынче не было с нами Марка. Он готовился к защите диплома. Вместо него в отряде появился впервые ехавший на раскопки Саша Березин — худущий, высокий, с длинными «артистическими» локонами и с гитарой на длинном ремешке. Алик и Борис на правах старших безжалостно им помыкали, но Саша переносил это стойчески...

Возглавляла нынче студентов Тося. Алик не сводил с нее покорных влюбленных глаз. Судя по всему, за зиму их отношения приняла уже вполне устойчивый характер.

При первой встрече студенты поглядывали на Андрея Осиповича с некоторым сомнением. Видно, уж очень негероической показалась им его внешность. Но вскоре он совершенно очаровал молодежь. Они увлеченно пели с ним песни времен гражданской войны и донимали расспросами о его прежней работе. Однако ребятам никак не удавалось настроить Андрея Осиповича на «героический» лад. Тот все отшучивался. Вот и сейчас он забавно рассказывал, как во время допроса какая-то слишком нервная спекулянтка бросила в него чернильницу, — это, дескать, было самое опасное приключение из пережитых им.

— Пришлось обои менять. Кошмарный случай!

Машина вдруг резко затормозила. Мы высунулись из-под брезента и увидели, что дорогу нам преградила целая колонна неизвестных ярко раскрашенных и весьма внушительных машин. Вокруг них суетились люди в брезентовых куртках и желтых пластмассовых шлемах, напомнимшие мне славных экскаваторщиков, нашедших Матвеевский клад.

Забываясь о своем драгоценном здоровье, дядя Костя не стал терять времени зря, вылез из кабинки и проделал несколько замысловатых телодвижений — видать, по системе йогов.

— Метростроевцы, — пояснил он. — Они тут канал роют.

Наряду с другими ценными качествами, дядя Костя обладал весьма полезным даром всегда быть в курсе событий на сотню, по крайней мере, километров в округе.

— Вот нам бы такую технику, — с завистью добавил он, достав из кабины фляжку с водой и заботливо прополаскивая рот. — Тогда бы мы курганы щелкали как орехи, правда, Всеволод Николаевич?

— Эту технику к курганам и близко подпускать нельзя, — сердито ответил Савосин. — Курганы ручками надо копать, ручками.

— Что ж, я не понимаю? — смутился дядя Костя. — Известное дело. Но ведь пока до могилы доберешься, сколько земли своротить надо. Вот тут-то машины и пригодились бы. А дальше, известно, — ручками да кисточками, остороженько, кто же спорит...

К вечеру мы прибыли в поселок. Непорожний нас уже ждал и принял радушно.

— Гостиница вам вряд ли подойдет, — сказал он. — Но мы приготовили тут две хатки рядом, хозяева уже ждут, располагайтесь.

— Спасибо, но только на одну ночь, Назар Семенович, — сказал я. — Завтра разобьем лагерь в поле, так полезнее для работы.

— Да? Ну, вам виднее. Наверное, вы правы, — засмеялся он. — А с какого кургана решили начать?

— Думаю, с того, что рядышком с Гнатовой могилой стоит.

— Ну что же, добре. И нам польза будет. А то торчит он посреди поля. Давно их срыть собирался, сколько пахотной земли прибавится. Переночуйте, ужином вас хозяева покормят, продукты им выдадут. Завтра разбивайте лагерь. А послезавтра с утра выделяю вам два бульдозера. Водители те же — Василь и Сашко. У них уже опыт есть. Землю снова станут в балочку сгребать, так что скреперы не понадобятся. Так?

— Большое спасибо, Назар Семенович! Вы все предусмотрели.

Мы сытно поужинали, завалились спать, а с утра пораньше, чтобы не разнеживаться, отправились разбивать лагерь.

Место для него я выбрал прямо на месте срытой нами Гнатовой могилы. Хозяйственный председатель решил, пока мы не сроем второй курган, эту проплешину не запахивать и не засеивать.

Первым делом, конечно, подняли на длинном шесте флаг с изображением Золотого Оленя. Теперь это было уместно. Ведь мы вроде отыскивали наконец родину нашего красавца и разбивали здесь лагерь надолго. Потом уже набравшиеся опыта прошлым летом Алик и Борис под командованием Тоси деловито начали устраивать «круглый стол», навес для кухни, ставить палатки.

Ребята не поленились и выкопали в сторонке даже яму для небольшого плавательного бассейна. Дядя Костя пообещал им склеить несколько полотнищ пластиковой пленки, чтобы хватило закрыть все его дно. Лагерь у нас получался все более благоустроенным.

Еду опять пришлось готовить дяде Косте. Но на этот раз шоферу взялся помогать Клименко — и показал себя таким блистательным кулинаром, что Тося даже коварно предложила утвердить Андрея Осиповича шеф-поваром на весь сезон.

— Я тебе дам, таракуцка! — погрозил ей пальцем Клименко.

Таракуцками в украинских селах называют маленькие высушенные тывочки. Из них делают погремушки для детей. Прозвище очень подошло кругленькой и шумливой, как погремушка, Тосе и сразу прижилось, хотя девушка сердилась, когда ее так называли.

После обеда председательская «Волга» доставила в лагерь еще одного почетного участника экспедиции. Сняв полотняный картузик и по-старомодному раскланиваясь, из машины вылез Авенир Павлович Андриевский.

На следующее утро точно в шесть к лагерю с ревом подкатили бульдозеры. Ими управляли, сияя улыбками, наши старые друзья, Василь и Сашко.

Мне так не терпелось поскорее начать раскопки, что я не стал даже проводить разведочного бурения по методу Тереножкина. Это доставило нам потом немало неожиданностей...

Работа закипела. Бульдозеры ринулись штурмовать курган, а мы следили во все глаза, чтобы их ножи не подцепили ненароком чего-нибудь интересного.

Опять начались дни размеренной, однообразной работы с утра до вечера под палящим солнцем, а вечерами долгие беседы у костра — привычная, милая походная жизнь.

Андрей Осипович взял на себя все хозяйственные заботы. Уже на второй день у плиты захопотала чудеснейшая повариха — полная, но удивительно подвижная, смешливая и голосистая Анна Григорьевна.

Теперь начался сплошной праздник. Вместо опостылевшего кулеша со свиной тушенкой и макарон по-флотски трижды в день все объедались вкуснейшими борщами, холодным свекольником, варениками (не путать с примитивными варениками!), бараньими рубцами, утоляя жажду душистым узваром. Анна Григорьевна привозила его к обеду в огромном термосе прямо из холодильника.

По утрам зычный голос Григорьевны: «Хлопцы, а ну вставайте! Сниданок⁷ ждет!» — поднимал всех без каких-либо дополнительных мер вроде сдергивания одеял или обливания холодной водой.

Опять нашим ежедневным гостем стал дед Игнат. Во время одной из бесед он случайно проговорился, что в юности недолгое время околачивался среди махновцев, колесивших по здешним степям. Ребята смотрели на всегда подвыпившего дедка во все глаза. Еще бы — живой махновец! Но зато и взялся за него после такого признания Андрей Осипович!

Напрасно тот забавно оправдывался:

— Да я ж совсем глупый был, шестнадцатый год всего шел. Вот и примкнул к ним сдуру. Да и недолго пробыл, всего три месяца. Потом разбили чоновцы наш отряд, мы и разбежались.

— Жалко, я тебя тогда не встретил, — напуская на себя зловещий вид, качал головой Клименко. — Тоже гонялся за такими анархистами, только под Мариуполем. Я бы тебе показал!

Мы обмирали от удовольствия, когда бывший чекист и «недобитый махновец» ударялись в «боевые воспоминания».

— Ты знаешь, какие у нас кони были?! — хвастал дед Игнат. — Никто за нашими тачанками угнаться не мог. Сзади на бричках так и было написано: «Хрен догонишь».

⁷ Завтрак (укр.)

— Ну да?!

— Ей-богу.

— Зато уж вы и тикали, как только вас немножко поприжмешь! Действительно, не догонишь, — подмигнув нам, наносил под общий хохот сокрушительный удар Андрей Осипович.

Между тем день за днем мы занимались привычной, размеренной работой. Бульдозеры постепенно состругивали курганную насыпь, оставляя нетронутой лишь контрольную бровку.

И уже на третий день начались сюрпризы.

Сашко вдруг остановил машину и окликнул меня:

— Всеволод Николаевич, гляньте, какая-то другая земля пошла.

Мы с Савосиным поспешили к нему. В самом деле, среди темной насыпной земли виднелись комки красновато-ржавого цвета.

— Молодец, вовремя остановился, — похвалил я тракториста. — Скоро станешь настоящим археологом.

А Савосин уже не тратя времени присел на корточки, начал прямо руками копать в земле. Потом взялся за лопату, я стал помогать ему.

Судя по всему, мы наткнулись на древнее погребение. Но почему оно не в погребальной камере, которую обычно устраивали в центре кургана, а в стороне — недалеко от края насыпи и в такой неглубокой ямке?

Лопаты отброшены. Присев на корточки или ползая на коленях, мы ведем уже расчистку ножами и кисточками. Постепенно расчищается неглубокая ямка. В ней лежит на левом боку человеческий скелет в странной позе — с подогнутыми ногами, словно младенец в материнской утробе. Скелет и земля вокруг густо посыпаны алой краской.

В головах у покойника два глиняных горшка. Даже человеку, во все не сведущему в археологии, с первого взгляда видно, что они совсем без украшений, очень древние, примитивные.

Мы с Алексеем Петровичем встаем, распрямляя уставшие спины, вытираем руки.

— Эпоха бронзы? — догадывается Тося.

Я молча киваю. Да, этот покойничек на добрую тысячу лет старше любого скифа. Зря мы не проверили курган пробным бурением. Оказывается, он гораздо более древний, чем скифские. А погребения эпохи бронзы для нас мало интересны. Не наша вотчина.

На следующий день с другой стороны кургана мы наткнулись на второе такое же погребение. Сомнений не оставалось: курган насыпан над несколькими могилами, как было принято в те времена, еще в эпоху поздней бронзы, задолго до появления здесь скифов. Мы промахнулись.

Вечером у костра царило уныние. К тому же Клименко, как нарочно, развернул привезенную из поселка свежую газету и сказал:

— Смотрите-ка, вот кому повезло! — и начал громко читать:

«В погребальной камере, тщательно очищенной от влажной глины, ясно видны останки пяти человек. Среди них женщина, судя по богатству убранства — скифская царица. На ее голове — золотой убор, фрагменты которого хорошо сохранились. На шее — гривна⁸ изумительной работы. В ее верхнем крае с обеих сторон изображено какое-то животное. Рядом — скульптурные фигурки львов, приготовившихся к прыжку. Известна лишь одна подобная гривна, найденная в Чертомлыцком кургане...»

— Где это нашли? — потянулся я к газете. — Разыгрываете?

— Здесь же, в Днепропетровской области, — ответил Клименко, протягивая мне газету.

— Боре Мозолевскому повезло! Он там копает.

Заметочка была небольшой и крикливой: «В ушах царицы золотые серьги, на запястьях широкие золотые браслеты, пальцы унизаны одиннадцатью перстнями...»

Я был рад за Бориса. Жаль, из этой заметки не поймешь, что именно он раскопал. Но тем обиднее, что мы промахнулись. Однако курган надо докапывать. И мы продолжали работать, хотя, понятно, без прежнего пыла и радужных надежд.

Пожалуй, один Непорожний не потерял интереса к этому кургану.

— Ну что новенького узнали про древних хлеборобов? — интересовался он, заезжая к нам.

Для Головы древние обитатели этих мест все были прямыми предками, а он — их законным наследником. Они когда-то обрабатывали эти поля и пасли скот на знакомых лужках и как бы завещали ему продолжать вечное, святое дело. Такая близость связывала его с давними земляками, пожалуй, крепче кровного родства. И ему в отличие от нас было не так уж важно, чье именно погребение мы раскапываем.

В сельской средней школе, где учился Непорожний, историю, конечно, преподавали в весьма кратком изложении. Она казалась скучной, далекой и отвлеченной, даже более абстрактной, чем алгебра. А теперь Голова вдруг почувствовал живую и неразрывную связь времен, накрепко соединявшую его, нынешнего земледельца, с далекими предками. Они ведь на этой же самой земле сеяли пшеницу, объезжали норовистых скакунов, охотились на лосей и оленей, приручали диких кабанов, ели из глиняных горшков похлебку, осколки этих горшков мы теперь выкапываем на его глазах из земли.

Когда уже срыли почти всю курганную насыпь, оставив нетронутой лишь контрольную бровку, и добрались до желтоватой матери-

⁸ Ожерелье из золота или серебра в виде незамкнутого обруча; концы его обычно укрывались головками каких-либо зверей.

ковой глины, острые глаза Савосина первые заметили пятно темной, явно насыпной земли. Значит, под нею какая-то яма?

Мы с Алексеем Петровичем взялись за лопаты. Остальные столпились вокруг. Вдруг моя лопата звякнула, на что-то наткнувшись.

Мы с Савосиным переглянулись: если вход в камеру заложен камнями, погребение, видимо, скифское — и неограбленное! Но почему погребальная камера не в центре кургана? И самая непонятная загадка: каким образом в курганной насыпи над нею очутились гораздо более древние могилы бронзового века?!

Размышлять было некогда. Нами овладевал все больший азарт. Разобрав увесистые камни, тщательно уложенные в три слоя, мы обнаружили под ними хорошо сохранившийся заслон из толстых дубовых плах.

Новая настораживающая неожиданность! Кто похоронен в гробнице? Скиф-пахарь? Невр? Вождь чернолесцев?

Вот разобран и деревянный завал. Пологий коротенький коридор вел в небольшую камеру. Стены ее выложены бревнами, также обгоревшими сверху. Только тут бревна не были уложены в виде сруба, а врыты в землю стоймя, вертикально. Почти все они сохранились довольно хорошо, но при первом же прикосновении начинали рассыпаться на мелкие кусочки. Так что мы первым делом принялись пропитывать их укрепляющим составом.

Во многих местах в бревна оказались вбиты бронзовые крючки. Видимо, на них были развешаны различные одеяния и конская сбруя. И ткань и кожа давно истлели. Остались лишь упавшие на пол золотые бляшки в виде крошечных фигурок разных животных — оленей, пантер, баранов, бронзовые удила и костяные пса-лии⁹.

Из погребальной утвари прежде всего, конечно, бросалась в глаза посуда, необходимая покойнику в его последнем путешествии. Вдоль стены стояли глиняные горшки разных форм и размеров — и совершенно целые, неповрежденные. Значит, в гробнице никто еще до нас не побывал!

Начинаем осматривать погребальную камеру не спеша, детально, разбив ее сначала, как полагается, на квадраты. Они помогают тщательно разметить, где именно что лежало. Потом надо все сфотографировать с разных точек, зарисовать, пометить на плане, прежде чем выносить на белый свет и бережно упаковывать.

— Смотри! — Савосин протягивает мне довольно большой сосуд, покрытый прекрасно сохранившимся черным лаком.

Я разбираю вырезанную на нем пояском надпись греческими угловатыми буквами: «Опустоши меня!»

⁹ Стерженьки из металла или кости, укреплявшиеся по обе стороны удила для предотвращения их перекоса.

Великолепная находка. Она не только свидетельствует о широко развитых торговых связях между греческими колониями на берегу Черного моря и местными жителями, но и поможет уточнить время погребения. Оно никак не моложе начала шестого века до нашей эры. Именно тогда подобные сосуды были в моде.

Но, значит, мы все-таки промахнулись. Этот курган явно постарше раскопанного Смирновым, хоть они и стоят рядом.

Так, а это что? Бронзовые наконечники стрел. Сами стрелы и кожаные колчаны давно истлели, а наконечники сохранились, лежат тремя аккуратными кучками, странно похожие на пули. И сколько их! Хотя погребальной утвари и немного, видимо, покойник был довольно знатным и богатым воином. Только свои сбережения он носил в колчанах — в виде стрел. Стрелы и дротики в те времена служили не только оружием, но и своего рода деньгами. Наконечник заменял монету. Поэтому в богатых погребениях их иногда находят мешками — по шестьсот и даже больше! (Забегая немножко вперед, скажу, что мы обнаружили в этом погребении двести шесть наконечников — очень приличное состояние.)

— Скорее всего шестой век, — говорит Савосин, задумчиво перебирая позеленевшие наконечники. — Надо будет уточнить у велографов¹⁰.

— Зачем их беспокоить? — вдруг ласково произносит Андрей Осипович. — И так никаких сомнений: даже не шестой, пожалуй, последняя четверть седьмого века до нашей эры.

Мы с Алексеем Петровичем уставились на него.

А Клименко продолжал как ни в чем не бывало:

— Листовидные и асимметрично-ромбические, обе разновидности двухперых втульчатых. Отливались в двустворчатых каменных

¹⁰ Так называют специалистов — знатоков наконечников стрел.

формах. Поскольку у многих наконечников преобладают втулки внутренние и остроарочные контуры, вполне вероятно, погребение даже седьмого века.

— Откуда вы все это знаете, Андрей Осипович? — потрясенно спрашиваю я.

— Да ведь я же вам, помнится, говорил: увлекаюсь изучением холодного оружия всех времен.

Занятый стрелами и пораженный удивительными познаниями бывшего следователя, я не сразу замечаю, что Тося хочет что-то спросить. Наконец она не выдерживает, тянет меня за рукав:

— Всеволод Николаевич, а где же сам скелет?

— Какой скелет? — не понимаю я.

— Ну где же сам покойник? Ведь должен быть его скелет. Могила не ограблена, все цело. А скелета нет.

Мы с Алексеем Петровичем и Клименко, слушавшими наш странный разговор, довольно тупо озираемся по сторонам. Еще раз осматриваем всю погребальную камеру. Потом смотрим друг на друга... В самом деле, что за чертовщина. Стоят нетронутыми сосуды, лежат наконечники стрел, проржавевший меч с остатками истлевших ножен. Его обычно клали рядом с покойником. Но меч есть, а скелета возле него нет.

Куда же подевался покойник? Ведь не могли украсть его скелет грабители, оставив все прочее в неприкосновенности?!

Авенир Павлович так заинтересован, что, заглядывая, чуть не сваливается в раскоп.

— Кенотаф! — догадываюсь я.

Студенты переглядываются, услышав знакомое слово, и с новым интересом начинают осматривать все вокруг.

Еще бы. Нам попалось ложное погребение! Их устраивали, когда воин погибал где-нибудь на чужбине, в дальней стороне. Тело его оставалось в руках врагов. И тогда его близкие у него на родине все же устраивали ему символические похороны. Копали могилу, как полагалось по обычаям предков, укладывали в нее всю погребальную утварь, насыпали высокий курган и совершали тризну возле пустой могилы.

Находка интересная. Дело в том, что в здешних краях кенотафы большая редкость. Их тут обнаружено всего несколько, причем все более позднего времени. Гораздо чаще встречаются они в степи, особенно на Кубани. Это и понятно: жившие в Предкавказье кочевые скифы чаще совершали дальние походы в чужие края и там погибали. Судя по обилию кенотафов в тех местах, не менее трети воинов не возвращалось домой.

Выбравшись из раскопа, Алексей Петрович долго стоял, задумчиво рассматривая контрольную бровку.

— Кажется, я понял, почему могильники эпохи бронзы оказались

выше более позднего погребения, — сказал он. — Хоронившие просто решили сберечь труд, пристроив свой курган к старому, уже оплывшему к тому времени.

— Пожалуй. Любопытно. Надо все хорошенько зачертить и сфотографировать.

Но чей же кенотаф мы нашли — неврского воина или скифа-пахаря? Спор об этом начался еще у раскопа и продолжался вечером по дороге в лагерь. Но там от этой загадки нас на время отвлекли письма, привезенные с почты.

Уже вышел журнал с описанием и фотографиями наших прошлогодних находок. Как я и предполагал, загадочный конус вызвал немало оригинальных гипотез. Три из них излагались в письмах, которые нынче пришли. В одном письме неопровержимо доказывалось, что конус — часть конской парадной сбруи, и был приложен рисунок ее реконструкции. В другом столь же убедительно и также с приложением рисунка — что это основа сложного головного убора, вероятно царского. В третьем же письме один коллега высказывал предположение, будто конус — часть какого-то неизвестного нам скифского оружия, и добавлял: «Очень рекомендую вам, уважаемый Всеволод Николаевич, проконсультироваться с выдающимся знатоком древнего вооружения А.О. Клименко, живущим в Керчи. Адрес его, вероятно, знают в музее...»

— Смотрите-ка, Андрей Осипович, у вас в Керчи, оказывается, есть знаменитый однофамилец и знаток оружия, — сказал я.

И только тут до меня дошло, что совпадает не только фамилия, но инициалы! Сразу вспомнил утренний разговор о стрелах, и, окончательно опешив, я спросил у бывшего следователя:

— Так это вы?! Что же вы мне раньше не сказали? Морочили голову, изображая этакое простачка и профана в археологии, якобы только что начавшего ее изучать.

— Да говорил же я вам, что собирать всякое холодное оружие — мое стариковское хобби, — ответил он, опять пряча смеющиеся глаза в глубокие щелочки под густыми бровями. — Нельзя же отставать от века. Вот и получилась, говорят, неплохая коллекция. Все собирался вам показать, да как-то не представилось случая.

— Ну что вы прибедняетесь? Какой вы любитель, если к вам за советом специалисты адресуют. Хобби! Н-да, ловко вы меня разыграли. И в музее никто не предупредил.

Андрей Осипович улыбнулся:

— Они считали, вы знаете...

— Теперь понятно, откуда у вас такие познания в археологии, — сказал Савосин.

(Забегая вперед, скажу, что, попав снова в Керчь, я, конечно, познакомился с коллекцией Клименко. Она оказалась совершенно изумительной.)

Все устройство погребальной камеры: то, как были уложены бревна по ее стенам и над ней, — в виде чуть покато́й двускатной крыши, — как будто свидетельствовало о живучести еще давних традиций чернолесских племен.

Закончив раскопки, мы занялись детальным изучением находок, ломая головы над тем, кто же тут был похоронен — невр или скиф.

Простота и бедность керамики подтверждали: погребение, пожалуй, действительно относится даже к седьмому веку до нашей эры, как уверенно определил Андрей Осипович по наконечникам стрел, — а мы ему теперь стали твердо доверять.

Но подобную посуду находят и в погребениях скифов-пахарей!

В углу погребальной камеры мы нашли часть сбруи коня, который должен был отвезти покойного воина в загробное царство. Поскольку сам воин не был тут погребен, его родственники вполне разумно и коня убивать не стали, просто так же символически положили в гробницу лишь его сбрую. Кожаные ремешки, конечно, истлели. Сохранились лишь бронзовые удила с колечками в виде стремечек на концах, бляшки и псалии из кости. То, что они были костяные, тоже подтверждало древность погребения. Они напоминали о тех временах, когда по равнинам еще бродили мамонты и не знавшие пока железа наши далекие предки сидели в пещерах у чадных костров, коротая время вырезыванием вот таких зверушек из податливой кости.

Но самой любопытной среди украшений конской сбруи была, пожалуй, маленькая, всего в пять сантиметров длиной и в три высотой, тоже вырезанная из кости головка лосенка! Правда, неведомый древний мастер придал ей несколько фантастические черты, но все равно не оставалось сомнений в прототипе: едва наметившиеся рожки, горбинка морды, широкие отвислые губы.

Любуясь фигуркой, я снова, в какой уже раз, задумался о загадках звериного стиля. Он возникает будто внезапно примерно во второй половине седьмого века и сразу получает всеобщее распространение от приднестровских степей до алтайских горных пастбищ. Одни предполагают искать его родину в Передней Азии, другие — в лесах Приуралья или степях Казахстана.

Но, вероятно, древние корни скифского искусства близки к тотемическим изображениям почитаемых животных еще древнего родового строя. А с распадом родового общества и выделением знати, изображения священных зверей стали уже символом власти и знатности. У зверей принялись подчеркивать силу и мощь, изображать их в схватке, в борьбе — чтобы показать могущество владельца украшений и запугать его врагов.

Многие звери почитались священными еще у первобытных людей. Но таких древних изображений дошло до нас очень мало, потому что их делали из менее прочных материалов, чем металл. К тому

же с появлением бронзы, железа и золота художникам стало проще размножать свои творения. Каждое изображение на неподатливом камне или кости создавалось в одном экземпляре. А с помощью одной бронзовой матрицы стало возможно начеканить из тонкого золотого листа уже целое стадо совершенно одинаковых оленей. Наверное, именно поэтому звериный стиль так широко распространился не только у скифов, но и у соседних племен.

Над чьей же символической могилой был насыпан этот курган, рядом с могилами людей еще давней эпохи бронзы?

И снова меня донимал проклятый вопрос: какой же курган раскапывать теперь?

Расчищая погребальную камеру и размышляя над находками, мы увлекались загадками древности порой настолько, что даже с некоторым недоумением озирались вокруг на приметы современности — тающий след самолета в небе, звуки от автомашин, мчавшихся по дороге.

А шоферов удивляло, что ищут эти чудачки, роясь в земле посреди пшеничного поля. Они останавливали машины, подходили к нам, присаживались на корточки, заглядывали в раскоп и порой задерживались надолго, засыпая нас вопросами.

Отвечая на них, я с особой остротой ощущал, что мы находимся словно бы сразу в двух разных мирах, разделенных тысячелетиями и в то же время совсем близких — на одном пшеничном поле.

Я любил иногда уйти подальше от лагерного костра, посидеть в тишине и одиночестве и подумать, постараться представить себе, как жили некогда тут древние люди. Это было легче всего в темноте. Она скрывала мачты высоковольтных линий, выстроившиеся вдоль шоссе телефонные столбы, новые дома колхозного поселка с телевизионными антеннами на крышах и другие приметы современности. Тьма оставалась такой же, как в древние времена, и помогала думать, ничем не отвлекаясь.

Фантазия, словно волшебная машина времени, переносила меня в далекое прошлое, воскрешала в памяти давно отшумевшую жизнь. Видно, я так часто и долго, до рези в глазах, рассматривал сценки на вазе, что они вдруг оживали. Древние люди начинали двигаться, говорить, смеяться, гневаться. Я видел, как, спалив сначала кустарник и сухую траву, они пашут, тяжело навалившись грудью на убогий деревянный плуг. Как строят на зиму хижины-полуземлянки, запасают хворост для костров, куют лошадей, доят норовистых кобылиц. Как женщины, тихонько напевая бесконечные, как сама степь, заунывные песни, лепят возле очагов глиняные горшки.

Налетали враги — и мои «пахари», как я мысленно называл их, так и не зная настоящего имени, брались за оружие, чтобы отбить натиск. Кто же они? Как их звали?

Грезились мне и другие красочные картины. Как съезжались на

тризну к только что насыпанному кургану со всех сторон празднично разодетые всадники. У подножия кургана дымились чадно костры, клокотало и булькало в пузатых котлах жертвенное мясо. Принюхиваясь к поднимававшемуся над котлами пару, тревожно ржали лошади, вставали на дыбы, норовили умчаться в степь.

золотая чаша

На тризну съезжались не только близкие и дальние родственники, но и гости из соседних племен. Кто они? Скифы или невры? Оружие у всех одинаково. У всех тугие луки в нарядных горитах, расшитые золотом колчаны, острые копья, мечи в позолоченных ножнах, украшенных фигурками всяких зверей. Некоторые щеголяют в греческих шлемах и поножах, защищающих ноги. Одинаково нарядное убранство коней, и у всех степной ветерок колышет подвешенные к уздечкам скальпы убитых врагов. Одежда? Но как ни вглядывайся, в ней тоже нелегко подметить особую разницу. И не случайно. Как одевались скифы, мы хоть знаем по их изображениям, оставленным греческими художниками. А ни один портрет невров нам не известен. Вряд ли, впрочем, их одежда так уж сильно отличалась от скифской. Наверняка она тоже была удобна для кочевий и схваток. Посуда? Но от ее разнообразия разбегаются глаза. Ведь хозяйки принесли на пир самые нарядные, самые красивые горшки и миски. Можно ли угадать, кто их лепил? Каждая мастерица стремилась перещеголять соседок.

Все выжидательно смотрят туда, где возле нового вождя торжественно склонились над пучками прутьев бородатые мужчины в женских костюмах и расшитых золотом и бусинками высоких колпаках. Это гадалки. Они беседуют с богами, чтобы выяснить, можно ли на-

чинать пир...

И снова я вижу своих загадочных «пахарей» и их бородатых противников. Только теперь они не схватились в жестокой битве, а сидят рядом, мирно беседуют. В сторонке пожилой воин наливает вино в золоченую чашу, потом опускает в нее меч, секиру, дротик и пучок стрел. Он продельвает это с важностью, какой вполне заслуживает священный обряд. Потом чаша идет по кругу, каждый делает несколько глотков из нее. Они заключают мир! Они братаются.

«В самом деле, — думал я, — не могли же здешние племена постоянно враждовать между собой. Тут уж не до постройки хижин и обработки полей. Раскопки же последних лет как будто показывают, что тут буквально бок о бок жили не только скифы и негры, но и другие племена — совсем немногочисленные, однако сохранившие независимость и самобытность. Наши ученые их назвали подгорцевцами — по местечку, возле которого впервые обнаружили остатки их поселений.

Может, их курганы я ищу? Или какого-то неведомого, но все же скифского племени? Пестрый мир, сложный мир! Какое же место в нем занимало племя, курганы которого мы ищем? Если бы узнать...» И в надежде на это я даю волю фантазии и жадно всматриваюсь в лица, костюмы, украшения древних людей, оживающих в моем воображении.

Но как трудно их разглядеть сквозь даль веков! Годы сливаются в тысячелетия... Что прячется в их мраке? А ведь и в те далекие времена в любом веке было тоже сто лет и каждый год длился столько же, сколько и нынешний. И конечно, вмещал немало всяких событий. Фантазия как бы помогает мне «укрупнить» тот или иной отрезок времени до «натуральной величины», вырвать на миг из тьмы забвения отдельные сценки, словно островки прошлого. Но как соединить их в сплошную, неразрывную цепь и представить исчезнувший мир без провалов и «белых пятен» — во всем его богатстве и сложности?

«Да разве он исчез совсем?» — думаю я, вспоминая нашего Золотого Красавца, вдруг оказавшегося похожим на своих дальних родителей, бегущих по карнизу белокаменного храма Покрова-на-Нерли. Хорошо сказал один мой друг-археолог, наделенный к тому же поэтическим даром: скифы вовсе не вымерли, не канули в Лету. Они как бы растворились в потомках. Где-то звучат до сих пор их мелодии. Кто-то рассказывает их сказки. И в наших жилах, вполне верно, течет скифская кровь. Кто-то пасет коней выведенных ими пород и выращивает скифскую пшеницу. И девушки, готовя себе приданое, в далеких северных деревнях вышивают на полотенцах драчливых петухов, гордых оленей и священные когда-то в древности узоры, даже не подозревая об этом...

Кто-то крадучись, осторожно трогает меня за локоть. Я отдерги-

ваю руку, оглядываюсь и смеюсь над своим испугом. Это не ожившие призраки прошлого. За мой рукав зацепился принесенный ветерком из степи ажурный шар перекасти-поля, похожий причудливым переплетением сухих стеблей на абстрактную скульптуру. Я освобождаю его, и он, тихо шурша, катится дальше во тьму.

А я отправляюсь спать в надежде, что утро вечера мудренее и принесет ответ хоть на один из мучающих меня вопросов.

Утром я снова гадаю, склоняясь над картой: какой курган раскапывать. Специальной разведки окрестностей мы не проводили, сразу взялись за раскопки. Но я все же нанес на карту немало курганов, встречавшихся нам, когда колесили мы тут ранней весной в поисках «не то Михайловки, не то Варваровки».

Студенты начали споры:

— Конечно, надо самый большой выбрать...

— Твой излюбленный, что ли? Где, старики говорят, наполеоновский генерал похоронен? — лениво спросил Саша Березин, пощипывая струны гитары. Свои роскошные кудри он остриг, здесь некогда их лелеять и холить.

— Нет, мальчики, по-моему, гораздо перспективнее «Золотой»!

— Потому что самый красивый?

— Хотя бы поэтому! — воинственно вздернула коротко остриженную головку Тося.

— Не трещи, таракуцка! — прикрикнул на нее Борис и тут же поспешно пригнулся, получив крепеньким кулачком по шее.

Мы с Алексеем Петровичем, лениво прислушиваясь к спорам и возне студентов, как полагается руководителям, пока хранили важное молчание. Но попозже, оставшись одни, говорили, конечно, о том же.

— Я стою все-таки за «Золотой», — сказал Савосин.

— Интуиция подсказывает?

— А ты не веришь в нее? Чего иронизировать?

Мы помолчали, глядя на угли, рдевшие под темнеющим пеплом. Я сел, обхватив руками колени, и задумчиво посмотрел поперек костра в ту сторону, где прятался в темноте «Золотой» курган.

Так прозвали его мы. Даже не знаю, как называли его местные жители. Курган стоял довольно далеко от дороги, километрах в двух от лагеря. Он был довольно высок, метров в пять высотой, около тридцати метров в диаметре и выделялся издали среди темных посевов ячменя, потому что его покрывал, как нарядной парчой, велесый ковер из крупных золотистых ромашек.

— Ой какая красотища! — впервые увидев его, закричала, всплывшая загорелыми руками, Тося. — Прямо золотой!

— Ладно, проверим «Золотой», — согласился я.

Заложили разведочные скважины. Первая и вторая нас разочаровали. Но из третьей извлекли глину, выброшенную на поверх-

ность, когда копали погребальную камеру. Как видно, курган скифский.

Непорожный предложил добавить еще бульдозер и два скрепера:

— Сверх договора, за счет колхоза. Поскольку вы нам помогаете улучшить планировку полей.

Не стану повторяться и подробно рассказывать о ходе раскопок. Скажу сразу, что мы нашли.

Три бульдозера быстро срезали курганную насыпь, и радость наша все возрастала: никаких следов ограбления!

Наконец осталась лишь контрольная бровка. Мы добрались до желтой материковой глины, выброшенной при копке погребальной камеры. А вот и вход в нее — не потревоженный грабителями и тоже заложенный бревнами. Неужели снова невское погребение? Хотя и в Гнатовой могиле ведь попались остатки обгорелых дубовых бревен.

«Не забывай о пестроте погребений в здешних краях и не спеши огорчаться», — успокоил я себя.

Разбираем завал и проникаем в камеру. Нет, до нас в ней, к счастью, никто не побывал.

Вдоль стенки расставлены горшки и банки самой различной формы, уже совсем непохожие на чернолесские. И скелет лежит на небольшом земляном возвышении почти в середине погребальной камеры. По правую руку его проржавевший меч с остатками ножен. Навершие у него в виде полумесяца или серпа. По левую руку — колчан со стрелами, давно истлевший. От стрел опять остались одни лишь позеленевшие наконечники.

Но это что? Возле головы покойника лежит бронзовое зеркало на длинной ручке, заканчивающейся маленькой фигуркой не то волка, не то собаки. Рядом стоит совсем крошечный глиняный горшочек, скорее всего жертвенная курильница. А весь череп усыпан маленькими золотыми бляшками, изображающими различных животных. И на пряжках, сделанных, видимо, из кабаньих клыков, такой же орнамент. Но у некоторых оленей опять вроде лосиные черты! Или это мне уже начинает казаться?

Странное сочетание: меч, колчан со стрелами — и зеркало, давно истлевший пышный головной убор. Это от него остались лишь золотые бляшки, некогда в изобилии нашитые на нем.

Мы с Алексеем Петровичем переглядываемся, постепенно начиная понимать: опять, кажется, промахнулись...

Присев на корточки, Савосин внимательно рассматривает череп и говорит:

— Женщина. Обрати внимание на форму глазниц и на линии лба.

— Женщина?! — ахают хором студенты.

— Н-да-с, — с горечью говорю я. — Амазонка. Сарматка.

Савосин начинает осматривать посуду. Я осторожно беру в руки

зеркало, бережно очищаю. Задняя сторона его сплошь покрыта правильным геометрическим узором, напоминающим изображение цветущего подсолнечника. Это уже искусство иное, чем скифский стиль. Точнее, перед нами предметы, свидетельствующие как раз о переходе от скифской уже к другой культуре: геометрический орнамент еще сочетается с изображением забавной зверушки на конце рукояти зеркала.

— Это зеркало? — удивляется Тося. — Как же в него смотрелись?

Действительно, ржавчина так изъела бронзу, что зеркало стало похоже, пожалуй, на сковородку. Но когда-то оно было отполировано и начищено до блеска, отражая красоту мира и своей хозяйки. Такое зеркало у скифов и сарматов стремилась приобрести каждая женщина и гордилась им, как мужчины — мечами или стрелами. Самые затейливые и нарядные зеркала — позолоченные, украшенные фигурками зверей, заказывали у греческих мастеров.

Но это зеркальце, что взяла с собой в загробные странствия воинственная амазонка, сделал, по-видимому, не греческий торевт, а какой-то местный мастер. Свидетельством тому и предельно простая его форма, и звериная фигурка, венчающая ручку.

Зеркало пробито почти в самом центре, и явно не случайно. Тоже подтверждение, что оно принадлежало сарматке. Был у этого народа такой обычай. Сарматы считали, будто зеркало отражает не только лицо, но и душу человека. И когда владелица зеркала умерла, в нем пробивали дырку, чтобы освободить ее душу и дать ей возможность беспрепятственно отправиться в мир теней.

На посуде тот же строгий орнамент. И меч совсем иной, чем обычные скифские акинаки¹¹. Он гораздо длиннее, рубящий. Именно такие мечи в сочетании с длинными и такими тяжелыми копьями, что при атаке их приходилось держать обеими руками, и помогли сарматам побеждать легковооруженную скифскую конницу.

— Несомненно, сарматское, — как бы подводя неутешительный итог, произносит Савосин, вставая и хлопая в ладоши, чтобы стряхнуть грязь. — Зеркало типично прохоровское.

— И наконечники стрел поволжско-уральского типа, — подхватил Андрей Осипович. — Прикиньте, насколько легче скифских.

Да, сомнений не оставалось: мы раскопали погребение какой-то воинственной сарматки.

Как я уже упоминал, сарматы жили по соседству со скифами в степях за Доном и походили на них многими обычаями. Постепенно они стали вторгаться в скифские земли, сначала посылая небольшие отряды разведчиков, потом двинувшись лавиной тяжеловооруженной конницы. Оружие у сарматов было лучше, они начали теснить

11 Акинак — короткий режущее-колющий меч, похожий на кинжал; форму их, как и название, скифы переняли у персов во время походов в Малую Азию.

скифов все дальше на юг и запад, пока ко второму веку до нашей эры не овладели почти всей степью.

Но раскопанное нами погребение гораздо более раннее. Оказывается, уже тогда отдельные отряды сарматов проникали так далеко на запад!

И погребение, видимо, потому не ограбили, что пришельцы находились тут довольно длительное время. Грабителям, которые обычно были из какого-нибудь чужого племени, обитавшего по соседству, никак не удавалось проникнуть к кургану.

Среди воинов у сарматов было немало женщин — по данным раскопок, пожалуй, пятая часть. О них и рассказывал Геродот, как о бесстрашных воительницах-амазонках. Могилу одной из них мы и раскопали. Но как далеко очутилась амазонка от родных донских степей!

— Как думаешь, какого века погребение? — спросил я у Савосина. — По-моему, не ранее начала третьего до нашей эры.

— Пожалуй. Наконечники и посуда очень похожи на те, что Абрамов раскопал в Ушкалке.

— А меч напоминает Острогожский, — добавил Андрей Осипович.

Конечно, вечером у костра говорили только об амазонках. А я думал все о том же: как ни интересна могила сарматской воительницы, обнаруженная так далеко от Дона, своей-то цели мы опять не достигли.

Сложность постепенно раскрывавшейся перед нами картины жизни различных племен, обитавших в давние времена здесь, на границе лесостепи, бок о бок, — и то воевавших между собой, то обменивавшихся достижениями, обычаями, продуктами, — все больше увлекала меня. Но картина эта оказалась гораздо более запутанной, чем я предполагал. Поэтому, видно, я и растерялся, наткнувшись на кенотаф. Вместо того чтобы раскапывать любой очередной курган по соседству, опять стал выбирать какой — покрупнее. Зря метнулся к «Золотому». Снова получилась промашка.

Ладно, чего теперь локти кусать. Надо настраиваться на долгие планомерные поиски, раскапывать, как полагается, — курган за курганом. Только тогда раскроется вся картина минувшей жизни.

Но это уже на будущий год. Нынче раскопать третий курган вряд ли успеем. Уже август, а еще надо завершить раскопки и первичную обработку находок. Работа эта медленная, кропотливая. Успеем ли закончить до сентября? Еще и дожди пойдут...

А Клименко, как нарочно, раскрыл на следующий день за обедом только что привезенную газету и опять взялся читать о находках Мозолевого.

— Слушай, — просительно сказал я Савосину, — пожалуй, съезжу я к нему, посмотрю, что они раскопали. Тут недалеко, за два дня

обернуться.

Алексей Петрович понимающе кивнул:

— Конечно, поезжай, а то из этих сенсационных заметок ни черта не поймешь. А мы тут займемся зачисткой.

На следующее утро, по холодку, мы отправились вчетвером к Мозолевскому: Клименко, Авенир Павлович, дядя Костя и я.

В лагере у Бориса было многолюдно. Гостей понаехало немало. Тут уже находились и профессор Алексей Иванович Тереножкин в неизменной кепочке, и его жена Варвара Андреевна Ильинская, тоже известный скифолог, доктор исторических наук, и прилетевшая из Ленинграда хранительница эрмитажных коллекций Анастасия Петровна Манцевич — один из лучших знатоков торевтики, мастерства древних ювелиров, и много журналистов — столичных и местных.

ПЕКТОРАЛЬ

Борис Мозолевский сиял от радости, давая одно интервью за другим:

— Я люблю скифов. Может, потому, что в них сходятся крайности, соединяются черты, казалось бы, несовместимые. И понять, почему так случилось, чрезвычайно интересно и важно...

Да, ему с товарищами было чему радоваться и чем гордиться. Они раскопали, судя по всему, богатейшее царское погребение, хотя и частично ограбленное. Даже сохранившиеся находки были уникальны, особенно пектораль — нашейное украшение, напоминающее издали золотой кружевной нагрудничек. Но это были вовсе не кружева, а крошечные фигурки людей и животных.

Я любовался ими, но, внимательно рассматривая каждую фигурку, все больше убеждался: они сильно отличаются от изображений на нашей вазе, хотя относятся примерно к тому же времени. Пектораль не уступала по изяществу и тонкости выполнения сценок Матвеевской вазе. Но на ней были изображены скифы, только явно кочевые, скорее всего царские, а не представители двух разных племен.

И уж ничего похожего на нашего Золотого Оленя тут не нашли.

Значит, мы поступили правильно, прекратив поиски в здешних степных местах и перенеся их севернее. Только нужно искать спокойно, методически, не спеша.

Об этом, вернувшись, я и сказал своим орлам. А они в подтверждение моих мыслей показали, что нашли за время нашего отсутствия: серебряные фолары — пузатые, как чаши, большие бляхи, которыми украшали сбрую коней, и застежки-фибулы, забавно похожие на современные английские булавки.

Фолары были украшены фигурками животных, очень похожими на уже найденные раньше — и на нашего Золотого Оленя, и на костяные фигурки из более древнего кенотафа, раскопанного нами.

Любуясь ими, я окончательно воспрянул духом и перестал завидовать Борису. Ничего, наши удачи еще впереди! Мы на верном пути, это главное.

На следующий день погода испортилась. И вдруг под вечер ненастного дня к нашим палаткам неожиданно подкатил на забрызганном грязью «газике» профессор Казанский.

Он с трудом вылез из тесной дверцы и несколько раз присел разминаясь — осанистый, барственный, в щегольской курточке со множеством «молний». Олег Антонович обожал самые «модерновые» дорожные вещи.

— Олег Антонович, откуда вы? — радостно изумился я.

— Не выдержал, прилетел поглядеть, что Боря Мозолевский нашел. Любопытно, конечно, но довольно традиционно. Типичное царское погребение. А мне больше по душе неожиданности, хотя и у него есть над чем голову поломать. Ну а чем ты похвастаешь?

— Да особенно нечем, Олег Антонович.

Я коротко рассказал ему о наших находках и ревниво добавил:

— А скифы, изображенные на Матвеевской вазе, сильно отличаются от тех, что на пекторали. Вы обратили внимание?

— Обратил, обратил, не беспокойся, — засмеялся Казанский. — Ты же меня еще раньше обратил в свою веру, зачем еще на это силы тратить? Побереги их для работы.

Олег Антонович изучал наши находки долго и тщательно. Положенные рядом, они все — и древние костяные бляшки — олени с лосиными мордами, и фигурка не то волка, не то собаки, украшавшая ручку сарматского зеркала, — явно напоминали нашего кра-

савца.

Я не мог удержаться и обратил на это внимание Олега Антоновича.

— Что, я сам не вижу? — проворчал он, попыхивая трубкой. — Весьма любопытно, весьма. Конечно, одна художественная школа. И явно местная, пленявшая даже чужеземных амазонок. Ты еще вспомни женское погребение села Синявки.

— Курган сотый?

— Ну да. Неврское, и гораздо более древнее, еще шестого века, а весьма похоже на погребение твоей сарматки. Выходит, действительно Тереножкин прав: тут налицо очень давние и прочные местные традиции, сохранявшиеся на протяжении веков. Их перенимали даже пришельцы.

Потом Олег Антонович поворчал — и совершенно справедливо, — что я взялся за раскопки, не обследовав, как полагается, окрестности, и за то, что после неудачи с первым курганом так же вслепую, наобум кинулся раскапывать «Золотой».

— Ближайший оказался пустышкой, так ты решил на дальний перекинуться? Типичное кладоискательство, правильно тебя ругали. Скачешь по степи, как блоха, вместо того чтобы повнимательнее к местности приглядеться и представить себе, как она в древности выглядела. А может быть, у тебя такой рефлекс выработался?

— В этом году уже ничего не найти, Олег Антонович. Из института писали, требуют не задерживать студентов, не срывать занятий.

— Ничего, подождут. Все равно на картошку пошлют. Один день на раскопках им поработать полезнее, чем неделю дремать на лекциях. А зачем тебе спешить? Успеешь. У тебя еще время есть, молодой, — вздохнул он. — Я поживу у тебя недельку, тоже окрестности погляжу. Завтра поедем. Машина исправна? А то «газик» надо отпустить. Покормите шофера, как отдохнет, и пусть едет. Мне его Моколевский под честное профессорское дал.

— Все сделаем, Олег Антонович, не беспокойтесь. А вы отдохнуть не хотите?

— Пожалуй, прилег бы на часок. Наломало кости. Но сначала покажи мне свой лагерь.

Осмотрев лагерь, Олег Антонович похвалил:

— Дельно, дельно. Толково устроились. Бассейн этот надо у вас перенять. Хорошее изобретение. Чье?

— Один студент придумал, Алик Горин.

— Молодец. Поблагодарить в приказе!

Только после этого он согласился отдохнуть.

— Ложитесь здесь, у меня, — предложил я. — Сейчас вторую койку поставим. А хотите, я к Савосину перейду.

— Это еще зачем? Я «мужчина публичный», как любил говорить Пушкин. Мне одному скучно. Не выдумывай, — он ласково потрепал

меня по плечу.

Утром Казанский встал раньше всех в прекраснейшем настроении, не обращая внимания на дождь, сделал гимнастику с дядей Костей. Студенты под руководством Савосина занялись зачисткой кургана. А я повез Олега Антоновича по окрестностям.

Заехали познакомиться с Непорожним. Тот был этим польщен и тронут. Было видно, Казанский понравился деловитому председателю и своей энергичностью, и богатством познаний, и живым интересом к хозяйственным делам, и простотой обращения. Они сразу прониклись друг к другу взаимным уважением.

Мы не только целый день колесили по окрестностям, осматривая курганы. На следующее утро неутомимый Олег Антонович с помощью Непорожного договорился, чтобы его взяли полетать над полями на самолетике сельскохозяйственной авиации, разом по-орлиному обзрев все вокруг с высоты птичьего полета.

Конечно, сверху ему было легче представить себе по следам их русл, где протекали давно исчезнувшие реки и речушки и пролегали в древности дороги, вдоль которых обычно цепочками выстраивались курганы, — всю древнюю географию здешних полей.

Как я до этого не додумался! Ведь наблюдения с воздуха и аэрофотосъемка уже помогли археологам найти немало древних городищ и даже курганов, давно сровненных с землей. Они выделяются светлыми пятнами. Земля тут более рыхлая, чем вокруг, пшеница и травы растут на ней лучше.

Казанский восхищался красотами природы, словно начисто забыв об археологии и загадках древности. Я не выдержал и спросил у него:

— С какого же кургана посоветуете начинать в будущем году, Олег Антонович? Хотя не так уж важно. Будем раскапывать все подряд.

Он иронически посмотрел на меня.

— Ишь ты какой стал примерный. Намерение похвальное, но все же с какого-то кургана начинать придется. И выбрать его надо с умом. Может, погадаем по-скифски? — Олег Антонович продекларировал из Геродота: — «Гадают при помощи ивовых прутьев следующим образом: принесши большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекладывая прутья по одному, гадают: произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания».

Я вздохнул. Видно, следовало набраться терпения и ждать, пока решение созреет в голове учителя.

А Олег Антонович, словно желая помучить меня, с решением не спешил. Когда дождик кончился, он неторопливо гулял с Андриевским, беседа на всякие возвышенные темы.

Каждый день навещался Казанский и в село и там подолгу толковал со стариками, гревшимися на солнышке на призвабах¹² и скамеечках возле хат. Он умел разговорить каждого. Но, очевидно, эти беседы не касались археологии, поскольку возвращался Олег Антонович в лагерь, нагруженный початками кукурузы и букетиками всяких растений.

— Не знал, профессор, что вы стали увлекаться огородничеством, — удивился я.

— А чем я не увлекаюсь? Надо, друг мой Всеволод, как советовал Герцен, «жить во все стороны». К тому же у меня под Ленинградом дача.

Долгожданный совет Олег Антонович дал мне лишь перед самым отъездом, но совершенно неожиданный!

— А курганчик, по-моему, знаешь какой надо в первую очередь проверить в будущем году? Я бы начал с того, на котором правление колхоза стоит. Что ты так на меня смотришь? Неужели ты не обратил внимания, что один из холмов, на каких построено село, явно искусственный, насыпной? Конечно, курган. Разве такие случаи не известны? Припомни хотя бы, как Тереножкин Мелитопольский курган копал прямо в городе.

Неужели и здесь такой случай: на древнем кургане стоят дома и разбиты сады, огороды?

— Отличный курганчик, я к нему давно приглядываюсь. В нем может таиться богатое погребение, — продолжал Казанский. — По расположению, весьма вероятно, ровесник Гнатовой могилы. Непременно надо его проверить.

— А как же дома? — пробормотал я.

— Ну, они не помеха. При современных-то методах.

Казанский укатил, оставив меня в растерянности. Посеять сомнения, «пустить ежа под череп», по его излюбленному выражению, — и уехать, как все это было в натуре Олега Антоновича!

Студенты, разумеется, приняли его идею с восторгом. Они пылали желанием немедленно устроить подкоп под мирные домики и правление колхоза.

Савосин качал головой:

— Оригинальничает старик. Сколько лет я его уже знаю, а все не уймется. Как будто других курганов вокруг мало.

Алексею Петровичу, собственно, было все едино, какой курган раскапывать.

Через два дня мы закончили расчистку «Золотого» кургана. От него осталось лишь пятно свежеразрытой земли. Но и оно зияло недолго. В тот же день его запахали под зябь. Хозяйственный председатель спешил расширить бескрайние поля своего колхоза. Мы на-

12 Земляная насыпь вроде завалинки.

чали свертывать лагерь и собираться в путь. Это всегда навевает грусть. Даже студенты притихли. Если и запевали, то лишь лирические песни.

Пришло время уезжать.

Погрузили все имущество на машину, сами расселись поудобнее на тюках и узлах. Возле здания правления остановились, чтобы попрощаться с Непорожним, поблагодарить за помощь. Назар Семенович попрощался с нами очень тепло, просил непременно написать, когда ожидать в будущем году.

Стоя с ним рядом на крыльце правления, я окинул прощальным взглядом поля, курганы на горизонте. Они тоже оставались ждать нас, храня древние тайны. Потом я посмотрел на дома, на сады и огороды, спускавшиеся по склону холма. Неужели Казанский прав, и это вовсе не холм, а курган? И неужели мы так и уедем, не узнав, что же прячется у нас под ногами?

Я посмотрел на Савосина.

— А что? — сказал он. — Займет часика три, не больше. Буры у нас с краешку лежат, весь багаж тревожить не надо.

Я кивнул, подал команду, студенты охотно бросились ее выполнять. К недоумению провожавших, мы торопливо выгрузили оборудование и начали бурить первую скважину тут же, под окнами правления.

— Что это вы задумали? — встревожился председатель.

— Профессор Казанский просил заложить несколько скважин, чуть не забыли, — ответил уклончиво я, не сводя глаз с бура, медленно уходившего в землю.

— Никакой глины. Все однородно, — сказал Савосин, осмотрев первую пробу, вынутую из скважины. Земля в самом деле была одинаково темной во всей буровой колонке.

Для страховки заложили еще две скважины в огородах по соседству. В них также не оказалось глины, одна черная земля. Правда, в одной колонке был замечен слой чуть более рыхлый, чем соседние. Но Савосин резонно заметил:

— Наткнулись на старую яму для хранения картофеля. Или когда-то погреб был. Тут же все копано-перекопано. Обознался Олег Антонович.

Часть третья «Тайны кургана»

1

Когда я, вернувшись в Киев, в первый же вечер позвонил в Ленинград Казанскому и сказал, что ни в одной из трех разведочных скважин на холме возле правления не оказалось глины, Олег Анто-

нович нетерпеливо оборвал меня:

— Значит, нечисто берете пробы. Неправильно выбрали место для бурения, только и всего. Уж от Савосина-то я такого не ожидал. А тебя, чувствую, опять поскакать по степи тянет. Заканчивай описание находок, хорошенько продумай план раскопок на будущее лето и привози ко мне.

Я занялся обработкой и описанием всего, что нашли мы в кенотафе и сарматском кургане. Сделал доклад на заседании ученого совета. Он вызвал, как водится, самые различные мнения и оживленную дискуссию. В основном споры опять велись все о том же: кто жил в здешних краях — невры или скифы-пахари и было ли это племя пришлым, как прочие скифы, или же потомками местных чернолесцев.

Наши находки добавляли пищи для давних споров, но, увы, к истине пока не приближали.

Закончив обработку и описание находок, я засел за план будущих раскопок. Сомнений не оставалось: надо копать все курганы подряд. Нечего гадать, какой из них интереснее. Даже Олег Антонович с его опытом и знаниями ошибся. Но все равно ведь он прав: с чего-то надо начинать. С каких именно курганов?

Долго я бился над планом. А потом решил схитрить и разработал его в двух вариантах. И, заранее представляя, как высмеет меня Олег Антонович за «половинчатость и стремление сесть меж двумя стульями», отправился в Ленинград.

Олег Антонович провел меня в так хорошо знакомый со студенческих лет просторный кабинет и, не дав опомниться, сунул в руки два каких-то листочка бумаги:

— Вот полюбуйся.

На одном листочке я увидел схему: неправильной формы круг, разрисованный мелкими квадратиками, выстроившимися вдоль пересекающихся линеек. План местности, что ли? Кое-где были красными чернилами нанесены точки, и возле каждой стояла цифра — от 1 до 9. На другом была табличка — аккуратные колонки цифр.

— Что это такое, Олег Антонович?

— Неопровержимое доказательство того, что вы до сих пор не научились правильно проводить разведочное бурение, — насмешливо ответил он. — Нынешнее поколение студентов куда любознательнее вас. Мои архаровцы завели дружбу с геохимиками, разрабатывают совместно новейшие методы археологической разведки. Вот я их и привлек вам на помощь. Помнишь, как тебя удивило, что я таскал из села початки кукурузы и всякие семена?

Взяв у меня из рук загадочные листочки, он пояснил, показывая золоченым карандашиком:

— Это план кургана, на котором стоит правление. Не узнал? Точками помечены девять пунктов, где я взял пробы кукурузы и других

растений из огородов. Геохимики их исследовали. Результаты весьма наглядно выражены вот в этой табличке. Видишь? Цифры бесспорно показывают: в кургане есть золото. Химики обнаружили его во всех пробах, но в разном количестве: чем ближе к центру кургана, тем его больше, по краям — меньше. Это и понятно: золотые украшения лежат, конечно, в центре, в погребальной камере. Ну? Все еще не веришь? Это поточнее вашего липового бурения с наскока. Возьми с собой эту схемку и табличку. Разберись во всем как следу-ет — и составь настоящий план раскопок.

Вернувшись в гостиницу, я с большим интересом познакомился с описанием сложных манипуляций, какие проделали геохимики с образцами различных растений, привезенными профессором Казанским. Сжигая в электрических печах семена кукурузы, они затем изучали химический состав золы. Присутствие золота даже в ничтожных дозах окрашивало фарфоровые тигли в пурпурный цвет. А в некоторых пробах попадались тоненькие проволочки или крошечные золотые крупинки, так много его накопили растения. Разница в содержании золота в растениях, взятых из разных мест, позволила геохимикам составить наглядную таблицу. Она показывала, где именно прячутся под землей скопления драгоценного металла.

Эти сложные исследования в самом деле неопровержимо доказывали: наш курган — не природный холм. Откуда иначе могло в нем взяться золото? И он не ограблен, если в нем сохранились предметы из золота в таком количестве, что их вот уже несколько веков способны сквозь толщу земли ощущать растения, чудесным образом накапливая в себе частицы драгоценного металла.

И тут же я задумался: а как до этого золота добраться? Нелегкая задачка, что и говорить. Хорошего ежа снова запустил мне под череп учитель! Чем бы я ни занимался, ежик между тем все трудился, покалывая мозги иголками новых вопросов. И все возрастало нетерпеливое желание поскорее отправиться к заветному кургану, узнать, что же таится в нем.

Настал этот день, настал! Я снова сижу рядом с дядей Костей в кабине скрипящей от старости экспедиционной машины, а в кузове на груде походного багажа снова галдят и поют студенты.

Нынче у нас большой отряд. Надежную основу его составляют Тося и Алик. Они уже успели пожениться, живут, кажется, дружно, и с ними никаких хлопот не предвидится. Но нет теперь с ними больше Бориса, хваставшего мощными бицепсами. Как я и опасался, археолога из него не вышло. Правда, продержался парень дольше, чем я думал, — пожалуй, на одном самолюбии. Но потом окончательная «измена» друга, женившегося на Тосе, сразу подкосила бедного Боря. Он ушел в какой-то технический вуз.

Снова ехал с нами Саша Березин, развалившись на мешках с ви-

дом бывалого путешественника и небрежно пощипывая струны неразлучной гитары. Из парня, кажется, получится толк. Был, как положено, и новичок — Аркадий Буценко, круглолицый, с забавно, еще совсем по-мальчишечьи торчавшими ушами крепьш в тельняшке. Почему он носил ее, если решил стать археологом? Или морская душа в нем еще спорила с сухопутной? Ладно, посмотрим, какая победит...

Ребята громко пели, а в уголке, привычный к этому галдежу, как бывалый солдат к орудийным залпам, крепко спал на груди мешков Савосин — отсыпался «про запас».

За нашей машиной пылила вторая — новенький ладный фургон — настоящая лаборатория на колесах с оборудованием для сейсмической разведки геофизиков.

— Пусть еще хорошенько проверят; если ли там что внутри, прежде чем начнете копать, — напутствовал меня Казанский. — Все-таки ведь не в чистом поле, а прямо под правлением. Неудобно, если обмишуримся.

Вот начались знакомые места, показался вдаль и колхозный поселок на двух холмах. Я приглядывался к ним с волнением и надеждой: неужели и впрямь тот, что пониже, — курган, насыпанный человеческими руками и таящий в себе какие-то загадочные пустоты с золотом?

На крыльце колхозного правления, словно принимая парад, нас поджидал Непорожний, надевший ради такого случая строгий черный костюм. Рядом с ним — сияющий, как весеннее солнышко, Андрей Осипович Клименко, приветственно помахивал шляпой из нейлоновой «соломки».

— Авенир Павлович, как ни рвался, не смог приехать, — сказал он мне после крепких объятий и рукопожатий. — Совсем расклеился старина. Ничего не попишешь, годы свое берут. Может, попозже приедет. А Эльза Генриховна — помните ее? — померла зимой, — добавил он, вздохнув.

— Ну, с какого же кургана начнете? — спросил председатель, когда мы уселись в креслах в его кабинете. — И где лагерь станете разбивать? Прошлогднюю площадку мы засеяли. Но я вам еще лучше местечко присмотрел. Правда, подале чуток.

Андрей Осипович хитро поглядывал на меня и приятно улыбался, предвкушая, как будет огорошен председатель.

— Та-ак, — озадаченно протянул Непорожний, когда я рассказал о наших планах. — И как же вы собираетесь тое золото с-под меня доставать? Или думаете сносить правление и все хаты вокруг? Дело не шуточное, сами понимаете...

— Курганную насыпь мы, собственно, трогать не станем, — пояснил я. — Пройдем, сколько можно, открытой траншеей. Потом подроемся под курган наклонной штольной. Дома не затронем.

Председатель озабоченно покачал головой, тяжело вздохнул и сказал:

— Ну что ж, побачим.

Лагерь пока разбивать не стали, даже не все оборудование выгрузили. Переночевали в селе и рано утром начали прощупывать холм, применив сразу два метода: пока геофизики устанавливали в разных местах свои приборы, студенты под руководством Савосина начали бурить скважину.

В ней снова не оказалось никакой глины.

А сейсмическая разведка показала — под землей есть пустоты!

— Во всяком случае, там наверняка — слои с различной плотностью почвы, — сказал, показывая нам бумажные ленты с выведенными его приборами причудливыми кривыми, руководитель геофизиков Леонид Стариков, очень деловой и серьезный молодой бородач, даже по вечерам щеголявший в модных очках с дымчатыми стеклами.

— Может, просто следы старых погребов и картофельных ям? — скептически спросил Савосин.

— Вполне возможно, — согласился Стариков. — Несомненно одно: пустоты, заполненные более рыхлой землей. А об их происхождении или назначении, к сожалению, ничего сказать не могу.

— Н-да, геофизика — наука точная, — пробурчал Алексей Петрович.

Решили пробурить еще две скважины. Одна ничего не прояснила. Долгожданной глины в ней опять не оказалось.

Но следующая неожиданно принесла глину. Теперь никаких, сомнений не оставалось: конечно, это курган!

Мы стали прикидывать, как побыстрее добраться до погребальной камеры. Придется сначала прокапывать узкую траншею по примеру Смирнова и археологов прежних времен, а дальше, подражая древним грабителям, пробивать штольню. Это займет много времени. Ведь копать придется вручную. Но другого выхода нет.

Лагерь решили устроить в саду, на склоне кургана. Общее руководство взял на себя Клименко, и работа закипела.

Мы с Алексеем Петровичем вычертили крупный план кургана, нанеся на него все данные сейсмической и геохимической разведок и бурения.

— Как будто вырисовывается, — с некоторым сомнением пробормотал, склонившись над ним, Савосин. — Посмотри: золото тяготеет к этим двум точкам. Примерно здесь же нащупали геофизики пустоты.

— Две погребальные камеры? Бывает. Ладно, гадать нечего, — решил я. — Будем копать. И начнем с центрального, главного.

Сначала, выбрав местечко, где между домами и огородами нашелся небольшой прогал, мы стали прорывать постепенно углуб-

ляющуюся траншею, воспользовавшись помощью навесного экскаватора. Его нам выделил Непорожний.

Стенки траншеи становились все выше по мере того, как мы врезались в холм. Их приходилось делать слегка наклонными, чтобы не обвалились. Поэтому траншея ко дну сужалась. И, хотя экскаватор был небольшой, поворачиваться ему становилось все труднее.

А когда траншея уперлась в чей-то огород, пришлось браться за лопаты. Дальше предстояло уже вручную прокладывать шахтерскую штольню. То была работа не только тяжелая, но и небезопасная. Прорывать штольню стали мы с Алексеем Петровичем, а студентов в нее не пускали. Они лишь отгаскивали землю и помогали укреплять кровлю, чтобы не обвалилась, подпорками из крепких бревен. Их где-то раздобыл всемогущий Андрей Осипович.

Работать в штольне было куда труднее, чем в траншее. Там хоть на воздухе и светло. А тут работаешь чуть не на коленях, темнота, душно, обливаешься потом — помните, каким знойным выдалось лето семьдесят второго года?

Андрей Осипович опять порывался копать с нами, но в штольню мы его не пустили под предлогом, что и двоим в ней тесно. Тогда он снова что-то задумал. Взял на следующий день машину и пропал до самого вечера. Вернулся довольный, однако ничего о своей поездке рассказывать не стал. Помалкивал и шофер дядя Костя. Но с ними на новеньком пестро размалеванном, полосатом, как зебра, вездеходе приехали гости — два энергичных молодых человека в пластмасовых ярко-оранжевых шлемах и брезентовых курточках, выглядевших шеголевато и даже изысканно.

— Инженеры-строители Костя и Серго. Отличные ребята, прошу любить и жаловать, — представил их Клименко. — Строят тут неподалеку канал. Проезжали мы мимо, разговорились. Заинтересовались они нашими раскопками, попросились в гости. Глядишь, что-нибудь умное посоветуют. Специалисты ведь по земляным работам.

Что могли нам посоветовать инженеры? Раскопки их не так заинтересовали, как напугали вопиющей кустарщиной.

Гости качали головами:

— Тяжеленько вам придется. И крепить кровлю, товарищи, надо все-таки тщательней. У нас бы в таком забое инспектор по технике безопасности минуты не дал работать.

— Конечно, — сокрушенно поддакивал Андрей Осипович. — Так у вас же все — наивысший класс, последнее слово техники...

Я коротко, радуясь в душе возможности передохнуть, рассказал гостям историю Матвеевского клада. Поведал и о цели наших раскопок. Андрей Осипович угостил их «походным завтраком», и довольные приемом строители уехали, пригласив нас к себе в гости.

Но нам было не до гостеваний. Снова взялись за опостылевшие

лопаты.

И вдруг на следующий день нам неожиданно повезло: копая штольню, мы наткнулись на коридор-дромос, ведущий прямо к погребальной камере. И он не был засыпан землей, как обычно бывает.

Это сразу подняло дух. Однако ликовали мы недолго.

Пройдя по дромосу всего пять с небольшим метров, мы наткнулись на лаз, проложенный явно грабителями. Они тоже сумели отыскать дромос в толще земли, чтобы дальше уже свободно пробраться по нему к погребальной камере. У них было преимущество: они опередили нас на двадцать четыре века...

— Вот чертовы проходимцы, — устало сказал Савосин. — Опять пустышка.

Светя фонариками, мы пошли дальше по коридору. Алексей Петрович присел на корточки и поднял с пола наконечник копья. Через несколько шагов нам попались валявшаяся золотая заколка-фибула и два наконечника стрел. Их обронили грабители. Значит, камера очищена.

А еще через несколько шагов мы уперлись в покатуую земляную стену.

— Так, — пробормотал Савосин, шаря по стене лучом фонарика. — Кровля обвалилась.

Да, потревоженная грабителями, обвалилась кровля дромоса и завалила коридор. Придется ее раскапывать. А земля довольно рыхлая — станет снова сыпаться нам на головы. До погребальной же камеры, судя по всему, еще недалеко. Стоит ли тратить силы, если она ограблена? Вполне возможно, и она завалена...

Мы с Алексеем Петровичем сели прямо на сырую землю, закурили. Могильная тишина царила в штольне. Только где-то чуть слышно монотонно капала вода. В тусклом желтоватом свете фонариков наши усталые лица, мокрые и перемазанные грязью, выглядели довольно скверно. Даже подсевший к нам Андрей Осипович вроде как осунулся от огорчения.

— У тебя план с собой? — спросил вдруг Алексей Петрович.

Я достал из планшета план кургана и подал его Савосину. Алексей Петрович развернул план и, морщась от дыма сигаретки, попадавшего в глаза, начал задумчиво рассматривать его.

— Слушай, а если нам свернуть? — предложил он, посмотрев на меня. — Очищенная погребальная камера никуда не денется. А мы давай свернем вправо, пока силенки не порастралили. Посмотрим, что тут прячется, — постукал он черным ногтем по бумаге. — Может, там другая камера, и грабители ее не заметили?

Оставив пока дромос нерасчищенным, мы снова стали врубаться в твердую, еще никем не копанную землю. Продвижение сразу резко замедлилось. Проработали так день, другой. А в середине третьего

дня к нам в штольню смутно донеслись какие-то громкие клики.

Опершись на лопаты, мы с Алексеем Петровичем удивленно переглянулись. Я хотел уж было пойти выяснять, что там творится, но увидел, что к нам спешит сияющий Алик Горин.

— Всеволод Николаевич! Алексей Петрович! Там шахтеры приехали! — закричал он еще издали. — Такую машину привезли! Говорят, прямо как механический крот, землю роет. Идите скорей!

Мы вылезли из штольни, жмурясь от яркого света, как прозревшие вдруг слепцы. У входа в траншею в самом деле стояла некая пестро и весело раскрашенная машина. А возле нее в окружении студентов беседовали с Андреем Осиповичем уже знакомые нам инженеры — недавно приезжавшие в гости Серго и Костя, и еще несколько молодых людей в одинаковых брезентовых куртках и оранжевых пластмассовых шлемах, похожие друг на друга, как близнецы.

— Вот какие молодцы, Всеволод Николаевич, вы подумайте! — обнимая инженеров за плечи, говорил Клименко. — Решили нам помочь своей замечательной техникой. Вы полюбуйте, какую машину великолепную прикатили.

— Рассказали мы нашим ребятам, как трудно вам приходится. Решили помочь, — одаряя меня улыбкой и крепко пожимая руку, сказал один из инженеров.

Серго это или Костя? Нет, Костя, кажется, второй, — повыше, рыжеватый. Или наоборот? Черт, как неудобно...

— Поднажали наши хлопцы, перевыполнили план, так что появилась реальная возможность высвободить на недельку этот экспериментальный проходческий комбайн. Поможем вам пробить штольню. Габариты у него как раз подходящие, — продолжил между тем инженер.

От радости я только бессвязно восклицал:

— Спасибо, братцы! Ну, выручили!

Строители тут же с быстротой и ловкостью пожарников развернули машину, подключили к ней водопроводные шланги и черные толстенные кабели. Старший инженер (его действительно звали Костей, Константином Лазаревичем, теперь-то помню на всю жизнь) деловито нахмурился, посмотрел на часы и взмахнул рукой. Машина взревела, затряслась, потом загудела ровно и басовито и пошла вгрызаться в землю. Да с такой скоростью, что уже через несколько минут она скрылась под землей, оставляя за собой довольно широкий сводчатый коридор. По нему можно было идти, еле пригибаясь. И земля не осыпалась, обвала можно было не опасаться. Чудо-машина тут же пропитывала землю специальной моментально твердевшей, как цемент, синтетической смолой. Потолок и стены тоннеля покрывались прочной пленкой, сверкавшей в лучах прожекторов, разгонявших подземную тьму.

...Машина уходила все дальше, волоча за собой шланги и кабели. Земля с транспортеров так и летела. Ребята еле успевали ее оттаскивать и перегружать в самосвалы. Обратно, налегке, они бежали рысцой.

Всех захватил азарт работы. Все словно слегка захмелели: громко смеялись, перекидывались шутками.

Только Савосин, пристроившись рядом с механиком-водителем удивительного механического крота, хмурился, с озабоченным видом покачивал головой и то и дело требовал сбавить скорость:

— Как бы не влететь прямо в погребальную камеру!

До камеры мы добрались на следующий день. Обвалившаяся перед машиной земля неожиданно открыла зияющую дыру. Савосин сразу потерял к притихшей машине всякий интерес, стал покрикивать на шахтеров, выгонять их из тоннеля:

— Дальше будем сами копать, лопатами...

Лучи наших фонариков вырвали из вековой тьмы скелет, лежащий посреди камеры на земляном возвышении, вроде бы котлы вдоль стены, целехонькие, неразбитые сосуды.

— Кажется, не ограблено, — прошептал Алексей Петрович.

Камера оказалась просто пещерой в земле, даже без бревенчатой крыши. Это меня слегка встревожило: а вдруг мы опять промахнулись и наткнулись на погребение очередного кочевого или царского скифа. Их катакомбы без бревенчатых стен встречаются порой и в здешних краях.

Мы протянули в камеру кабель и установили несколько сильных ламп. Стало светло. Можно было начинать разбивку пола на квадраты и детально изучать находки.

Но строители нас остановили:

— Как хотите, а пока мы здесь, то отвечаем за технику безопасности подземных работ. Дайте нам сначала укрепить кровлю над камерой, чтобы она не обвалилась. Не беспокойтесь, все сделаем быстро и скелетов не потревожим.

Хотя Савосин и возражал, я согласился с инженерами. Конечно, они были правы. Ведь мы не раскапывали погребение как обычно: срыв сначала курганную насыпь и спускаясь постепенно в погребальную камеру сверху. Вся толща кургана оставалась над нами. И хотя земля уплотнилась, слежалась за века, но все равно могла обрушиться нам на головы.

Строители под наблюдением все время покрикивавшего на них Савосина за один день покрыли весь свод погребальной камеры синтетическим чудо-клеем. По их словам, он должен был сделать землю «крепче камня». И мы смогли приступить к работе.

В камере оказалось несколько погребений. Здесь, видимо, были похоронены слуги, вынужденные сопровождать своего господина в загробное путешествие. У самого входа в камеру, загороженном ос-

татками древней повозки, покоился, несомненно, конюх. На нём не было украшений — только скромный железный браслет на запястье. Рядом лежал уздечный набор с простыми бронзовыми удилами, костяными псалиями с головками лосей на концах и очень интересным серебряным налобником — словно кружево из оленьих голов с причудливо переплетенными рогами.

В противоположной стене была устроена неглубокая ниша. Там выстроились глиняные горшки и бронзовые котлы с ручками, чем-то напоминавшие глиняные рукомойки, сохранившиеся еще кое-где в деревнях. В одном из них мы нашли несколько костей — как потом выяснилось, бараньих, медную черпалку-ковшичек и заостренный железный стержень для вынимания мяса. Видимо, котел был с жертвенной пищей. Рядом лежали медное ситечко с изящно выгнутой длинной ручкой и бронзовая закопченная сковорода — полный набор посуды для похороненной тут же поварахи.

Конюху было лет восемнадцать-двадцать, когда его убили, а поварахе и того меньше.

Два других спутника, отправленных вместе с хозяином в бесконечное странствие, оказались постарше. Один из них, видимо, был при жизни плотником. Возле его скелета лежали бронзовое тесло, широкая втульчатая стамеска, конический толстый пробойник и массивный топор-колун. Все инструменты носили следы долгой работы, особенно колун — весь в глубоких вмятинах.

— А топор точно такой, как у строителя на той вазе, — многозначительно отметил ничего не упускающий Савосин.

Но окончательное подтверждение тому, что мы отыскали, наконец родину Золотого Оленя, дали предметы, обнаруженные возле скелета, лежавшего в соседней неглубокой нише. Здесь был похоронен явно не рядовой кузнец, а мастер художественной обработки металла — торевт. Возле него тоже лежали инструменты: три каменные литейные формы, две матрицы, пробойники и зубила разных размеров, молот-пуансон, служивший дляковки мелких, с ноготь величиной, тонких металлических пластинок, похожих на чешуйки. Назначения их мы сначала не поняли. По многим признакам было видно, что мастер сам изготовил для себя эти затейливые инструменты и отличался хорошей выдумкой и большой изобретательностью.

Одна из форм предназначалась для отливки рукояток мечей, украшенных фигурками скачущих оленей и гонящихся за ними львов, две другие — для отливки бронзовых котлов. К их стенкам прикипело несколько капелек бронзы и железа.

Еще интереснее были матрицы, отлитые из бронзы, видимо, по восковой модели. На них накладывался тонкий золотой лист, и на нем оттискивалось изображение. Потом эту обкладку прибавали тонкими золотыми же гвоздиками к деревянной основе горита —

футляра для лука — или прикрепляли прочными крючками к щиту.

На одной матрице были хорошо видны в лупу крошечные фигурки различных животных. Видимо, с нее штамповали золотые бляшки. Матрица порядком стерлась от частого и давнего применения.

А на другой...

Я даже не сразу поверил своим глазам. Неужели держу в руках неоспоримое доказательство того, что мы нашли наконец родину Золотого Оленя?! На другой матрице, несомненно, было изображение именно того красавца, чью копию, так талантливо сделанную Рачиком, мы нашли в Матвеевке.

Значит, мы склонялись над прахом мастера, который его сделал?!

Мастер этот и все в могиле, видимо, были задушены. Ужасный обычай. Хотя, судя по словам Геродота и данным раскопок, многие принимали такую смерть добровольно, чтобы сопровождать своего владыку в загробный мир. Во всяком случае, скифов больше страшила не смерть, а опасность остаться непогребенными в чужих краях и тем самым лишиться возможности отправиться в счастливый загробный мир вечных пиршеств, среди раздолья небесных кочевий, с верными слугами и необходимыми для дальней дороги вещами. Поэтому они и стремились непременно устроить своим воинам хотя бы ложные погребения — кенотафы, какое мы нашли тут прошлым летом.

Легко ли нам теперь по случайным разрозненным находкам представить обычаи, поверья и мысли давно исчезнувших людей!

Литейные формочки и особенно матрицы, положенные в могилу принесенного в жертву замечательного мастера, были совершенно бесценны. Они позволяли нам буквально заглянуть в его мастерскую и устраняли последние сомнения: конечно, именно из нее вышел Золотой Олень, чтобы отправиться в запутанное и богатое всякими приключениями странствие по белу свету, растянувшееся на много веков.

— Жаль, Авенир Павлович не приехал, вот бы обрадовался, — сказал Клименко. — Напишу ему сегодня.

Я же помчался на почту и дал длинную телеграмму профессору Казанскому. В этом году, к счастью, он вел раскопки со студентами и аспирантами неподалеку от нас, под Мелитополем.

Олег Антонович примчался на запыленном «газике» уже на следующий день. Ничего не слыша и не замечая вокруг, он, торопливо пожав руки мне, Савосину, Клименко и всем, кто попался на пути, ринулся в штольню.

Забыв обо всем на свете, он чуть не на коленях обследовал камеру, осторожно и нежно прикасаясь к древним сосудам, бронзовым котлам, матрицам.

Только все тщательно осмотрев, Олег Антонович выбрался на поверхность, вымыл руки, прямо-таки рухнул от усталости на подстав-

ленный складной стул и начал раскуривать трубку. Руки у него дрожали от волнения.

— Олег Антонович, может, душ примете? — предложил я.

— А у вас даже душ есть? Молодцы. Богато живете. Не откажусь. Дай только немного прийти в себя.

Но вместо того чтобы хоть немного отдохнуть, он тут же принялся размышлять вслух:

— Погребение, нет слов, интереснейшее и полностью подтверждает твою правоту. Конечно, это скифское погребение. Но немало и признаков того, что племя — оседлое, не кочевое, сдается мне, — именно то, что изображено в сценках на нашей вазе. И пожалуй, действительно, это потомки местных, а не пришлых племен... Вот Тереножкин обрадуется, — вздохнув, ревниво добавил Олег Антонович.

Я прекрасно понимал его чувства. Легко ли было ему согласиться, что правильной оказалась чужая гипотеза, против которой он возражал со всей своей энергией и напористостью? Но я уже писал, что Казанский умел признавать ошибочность своих взглядов, выше всего ставя и ценя истину.

Разговоры о находках и, разумеется, споры продолжались и за обедом, и вечером в походном клубе у костра. Послушать их любили многие из селян — и старики, и молодежь, и люди среднего возраста. Нередко, хоть ненадолго, заглядывал и Непорожний. Пришел, конечно, он и сегодня, присел в сторонке.

А Олег Антонович разлегся вместе с нами прямо на земле, на выгоревшей от зноя траве. Он наслаждался походным бытом, словно возвращавшим его в молодость.

В присутствии профессора студенты сидели тихо, изредка издавая негромкие возгласы удивления, недоверия или восторга, словно хор в античной трагедии. Но Олег Антонович быстро втянул их в дискуссию, настойчиво допытываясь:

— А вы что скажете, орлы? Всем высказываться, всем!

— Если это погребение такое богатое, то что же в главной камере?! — восторженно округлив огромные глаза и прикладывая ладони к размятым от волнения щекам, воскликнула Тося. — Ведь это не главная камера, верно, Всеволод Николаевич?

— Да, вероятно.

— Ну а главная ограблена дочи́ста, — сказал Алик, подбрасывая в огонь сухого бурьяна и отшатываясь от взметнувшегося пламени.

— Ишь какие вы пессимисты! — напустился на него Казанский. — Как советует старая гасконская пословица: «Не умирай, пока живешь». Мне лично то, что дромос засыпан обвалом, кажется довольно обнадеживающим признаком.

— Почему?

— Потому что обвал иногда отпугивал грабителей. Тут важно, ко-

гда он произошел.

— А почему же они это погребение не ограбили? Где слуги. — спросил из-за костра Саша Березин.

Олег Антонович покачал головой:

— Спросите о чем-нибудь попроще. Не надейтесь, будто мы раскроем все тайны прошлого. Это лишь в детективных романах все загадки непременно разъясняются. А в жизни и в нашем деле, к сожалению, чаще бывает иначе. Боюсь, так и останется невыясненным, почему они не ограбили эту камеру и что их напугало.

То была лишь одна из многих загадок, поджидавших нас в гробницах под курганом.

Мы начали все детально осматривать, фотографировать, зарисовывать, обрабатывая находки специальными растворами от разрушения. Работа очень кропотливая, медленная. Спешки и суеты она не терпит. А вечерами у костра обсуждали наши находки.

Когда уставали спорить, Саша Березин брал гитару, тихонько пощипывал струны, а мы начинали дружно подпевать.

Строители предложили нам расчистить дромос. Но пускать туда их машину мы не решились. Как бы она не повредила находки, которые могли обронить грабители.

Тогда строители стали собираться домой, жалея, что не могут остаться до конца раскопок. Их ждала своя работа. Геофизики уехали еще раньше.

— Вы нас крепко выручили, братцы! — прощаясь, благодарил строителей я. — И как чудесно, что случайно повстречал вас где-то Андрей Осипович.

— Случайно! — дядя Костя ревниво покачал головой. — Какой же это случай, если мы тогда с Андреем Осиповичем к ним специально поехали. Сколько бензина пожгли, пока их в степи нашли.

— Как так?

— Да так. Видели мы, что работа медленно идет, трудно, — пояснил шофер. — Рассуждали, как бы помочь. Вот я и вспомнил, какие замечательные машины видели мы у строителей каналов. Помните, встретили их как-то и позавидовали: нам бы такие? Ну, Андрей Осипович тоже про эти машины слышал и загорелся: надо к ним поехать, поговорить.

— Значит, чудо было хорошо организовано, а, Андрей Осипович? — засмеялся Непорочный.

— Без вас мы бы, наверное, еще долго не разобрались в этой запутанной истории, дорогой Андрей Осипович, — пожимая руку бывшему следователю, сказал Олег Антонович. — Рыскали бы по степи, раскапывая наугад курган за курганом, и совсем не там, где следовало. Признаюсь, поначалу меня немножко шокировало, сердило даже, что мой ученик вдруг больше к вашим советам прислушивается, чем к моим. И несолидно, мне казалось: вроде вы его в

какую-то уголовщину тянете, далекую от настоящей науки. Теперь вижу, как ошибался. Публично признаюсь в этом и еще раз от души благодарю вас, дорогой Андрей Осипович, за неопценимую помощь.

— Ну что вы, Олег Антонович, о чем говорить? — смутился Клименко. — Це ж наше общее дело, правильно сказал как-то Назар Семенович.

золотые бляшки

Проводив строителей и закончив вчерне все работы в боковой камере, мы занялись расчисткой завала в дромосе. Копали опять только мы с Алексеем Петровичем, студенты лишь оттаскивали землю. Конечно, это сильно замедляло работу. А так не терпелось поскорее добраться до погребальной камеры и узнать, оставили нам что-нибудь грабители или нет.

Но правильно мы поступили, отказавшись от чудо-крота. Почти на каждом шагу в земле попадались находки, оброненные грабителями: наконечники стрел и копий, золотые бляшки с изображениями разных зверей, бусинки. Тогда приходилось откладывать лопаты и брать за ножи и кисточки.

Эти находки больше огорчали, чем радовали: меньше оставалось надежды, что в погребальной камере осталось что-то ценное. Вероятно, все успели утащить грабители, прежде чем обвалилась кровля.

И вдруг я увидел торчащую из земли кость. А вот другая...

— Алеша, посмотри, что это лезет? — окликнул я Савосина, от волнения переходя на археологический жаргон.

Начинаем осторожно расчищать землю вокруг.

Да это целый скелет! Странно, что он лежит лицом вниз прямо в коридоре, словно пытаясь преградить нам дорогу. Воин, убитый и положенный тут, чтобы никто не потревожил покой его хозяина? Но почему при нем нет никакого оружия, кроме проржавевшего ножа?

К нам присоединился Олег Антонович. Втроем мы начинаем осторожно расчищать и осматривать скелет. Среди костей пальцев тускло сверкнуло золото. Три кольца и два браслета, один явно женский, ножной. Почему он оказался на руке скелета?

Присмотревшись внимательнее, замечаем, что и кольца вроде не были надеты на пальцы, как полагалось. Покойный словно зажал их в кулаке. Странно.

— Смотрите, а это что? — произносит Савосин, рассматривающий что-то, растянувшись прямо на земле рядом со скелетом.

На полу камеры едва заметен квадратный отпечаток. Сам загадочный предмет, видимо, был из кожи или ткани и давно истлел. Остался лишь непонятный костяной кружок почти посреди квадрата.

Савосин вопрошающе смотрит на Казанского. Тот пожимает плечами. Мы наносим на план загадочный отпечаток, фотографируем его так, чтобы получился на снимке поотчетливей, убираем костяной кружок и снова принимаемся за расчистку.

— Почему человек лежит вниз лицом? — недоумевает Казанский. — Странная поза.

— Наверное, труп перевернули грабители, — говорю я.

А сам думаю: почему же кольца у воина они не взяли? И что это за непонятная проржавевшая железная мотыжка лежит возле тела стражника?

Ладно, разбираться будем потом. Мы тщательно фотографируем скелет с разных точек, зарисовываем и вместе с куском вырезанной земли выносим его на поверхность. Студенты под руководством Олега Антоновича займутся детальным осмотром и описанием, а мы то-ропимся копать дальше.

Кажется, до погребальной камеры уже недалеко. Вот и вход в нее. Но и камера завалена землей.

На пороге натываемся на второй скелет. Этот тоже лежит неестественно — на боку, у самой стенки коридора. Начинаем расчищать.

Под скелетом находим двенадцать бронзовых наконечников истлевших стрел, две бронзовые бляшки в виде причудливых птичьих когтей, видимо, служивших пряжкой пояса, и небольшой кинжал.

Это, очевидно, тоже страж, убитый и уложенный на пороге гробницы, чтобы охранять ее вечный покой. Тело, вероятно, сняв драгоценности, если они были, отодвинули к стенке дромоса грабители,

расчищая себе дорогу.

Вечером, когда мы все, как обычно, лежали на земле у костра, любуясь игрой огня, и спорили, Клименко вдруг задумчиво произнес:

— А вы знаете, братцы, что за скелеты в коридоре? Я, кажется, понял. Тот, что лежал на пороге камеры, — конечно, стражник. А другой, которого раньше нашли в коридоре, — это ведь, пожалуй, грабитель. И мотыжка, что нашли возле него, — это его орудие воровское. Он ею землю копал, лаз прокладывал.

— Очередная детективная история? — недоверчиво проворчал Казанский, посапывая трубкой.

Но Андрей Осипович продолжал, словно не слыша:

— Грабители, видимо, все сразу в камеру не решились влезать, опасаясь обвала. Послали сначала одного. Он и передавал им драгоценности. И опасения оказались справедливыми: кровля обрушилась. Вот почему человек остался лежать ничком, придавленный. Пальцы его впились, вцепились в землю — пытался выбраться, задыхался. Так мне думается, хотя, конечно, может, и ошибаюсь.

Все притихли, представив себе мысленно события, разыгравшиеся двадцать четыре века назад.

А я опять подивился, какой причудливой и драматичной оказалась история Золотого Оленя. Сколько времени мы уже идем по его следам и наталкиваемся на всё новые неожиданности и новые преступления, в том числе и в далекой древности.

— Вот и становится понятным, почему кольца и браслеты у него не надеты на пальцы, — произнес Савосин. — Он их с покойников снял и держал в горстях. Воровская добыча.

— Ну, снова повело на детективщину, — поморщился Олег Антонович. Но тут же сказал, привставая с земли:

— А я, пожалуй, понял, что за странный отпечаток оказался возле скелета. Помните загадочный костяной кружочек, который мы там нашли? Это просто пуговица. Была у грабителя сумка — вероятно, кожаная. Он складывал в нее драгоценности и передавал друзьям. Сумка истлела, оставив, однако, отпечаток, который нас озадачил. И пуговица от нее сохранилась.

— Так просто? — разочарованно протянул Алик.

А Клименко одобрил:

— Логично, логично, Олег Антонович.

— Конечно. Пожалуй, все сходится. Знать бы только, сколько он успел утащить и передать друзьям, подлец. Оставил ли нам хоть что-нибудь?

Летняя ночь коротка. Кажется, только успел заснуть, как уже будит тебя, дергая за ногу, дневальный и разносится по лагерю зычный призыв Григорьевны:

— Сниданок стынет!

Бодрящий душ, плотный завтрак — и снова за лопаты.

Но не успеваем мы проработать в штольне и двух часов, как в лагерь снова прибывают знакомые гости. На своей пестро раскрашенной машине приезжают строители и буквально выгоняют нас из раскопа:

— Не можем мы допустить, чтобы вас завалило.

— Но в камеру же нельзя машину пускать! — пугаюсь я. — Она там последние находки переломает, если они остались.

— А мы другую технику привезли, — успокоили меня строители. — У нас есть из чего выбирать, мы не бедные. Не беспокойтесь: снимем вам осторожненько только верхний слой осыпавшейся земли, а нижний, под которым находки, трогать не станем. Потом укрепим потолок, как в первой камере, чтобы он тверже камня стал, и продолжайте себе копать на здоровье.

— Это идея, — одобрил Казанский. — Молодцы, светлые головы. Мне бы таких орлов да с этакой техникой — горы бы переверотил!

А я смотрю на Клименко. Голову могу дать на отсечение, что это он, ничего мне не сказав, опять вызвал подмогу.

2

Нам удивительно повезло! Обвалился не весь потолок погребальной камеры, а лишь часть его, у входа, преградив путь грабителям.

Их подвело то, что они поленились прокладывать до конца свой собственный лаз, а, наткнувшись на дромос, решили воспользоваться готовым коридором. Его кровля и часть потолка погребальной камеры обвалились, заживо похоронив одного из грабителей и закрыв остальным дорогу к сокровищам. Пытаться проложить новый лаз в свежем завале было бесполезно. Рыхлая земля продолжала бы сыпаться и сыпаться сверху, ее невозможно было удержать. К тому же грабители, видимо, считали, что обвалившейся землей засыпана вся погребальная камера, и отступились.

И произошло это, видно, в самом начале воровской операции, сразу после того, как в камере побывал передовой разведчик и полез туда вторично, указывая в темноте дорогу товарищам. Тут его и придавило. Так что успел он унести, наверное, драгоценностей немного — первое, что попало под руку. А уж особенно интересные и ценные для нас бытовые предметы сохранились все.

И тут нам даже повезло, что часть находок засыпало обвалившейся землей. Земля сохранила от тления дерево и кожу, даже частично древнюю ткань, — так редко попадающиеся в руки археологов.

Строители хорошо справились со своей задачей. Расскажу сразу, что мы увидели, когда вся камера предстала перед нашими глазами.

Это было богатое погребение переходного типа — почти квадратная погребальная яма уже без деревянной крыши. Стены ее тоже не выложили бревнами, а просто вкопали по углам четыре столба и промежутки между ними забрали частоколом из жердей. Впрочем, похожие погребения встречались иногда и у чернолесцев.

Но в одной из стен была устроена, уже по типично скифскому обычаю, ниша-катакомба в виде небольшой овальной комнатки со сводчатым потолком. В ней на земляном возвышении покоились рядом два скелета, как потом оказалось, — мужской и женский. Они были положены по-скифски — головами на запад, а не на юг, как обычно делали чернолесцы. Видимо, скифский похоронный обряд уже почти совсем вытеснил древние местные обычаи.

Нас сразу удивило, что мужчину и женщину похоронили рядом, в одной нише. Жен или любимых наложниц обычно убивали и хоронили вместе со знатным скифским воином, чтобы они сопровождали его и в загробное царство. Но всегда женщин устраивали отдельно.

Хотя, конечно, тела мог передвинуть грабитель, сдирая драгоценности. Но не перетащил же он сюда откуда-то тело женщины!

Значит, их так и похоронили рядом, рука об руку. Загадочно!

Обвал наверняка произошел в самом начале грабежа. Грабители даже не успели снять три тяжелых золотых гривны с шеи покойного вождя (судя по богатству погребения, это была, конечно, могила главы племени). Одна гривна заканчивалась склоненными головами красавцев лосей, выставивших вперед могучие рога, словно сходясь в поединке. Другая была попроще и такой потертой, что трудно было разобрать — с головками львов или пантер на концах. Зато увесиста — около семисот граммов! Судя по всему, ее сделали задолго до смерти вождя, и она сопровождала его во многих походах. Возможно, гривна даже принадлежала раньше предкам вождя и передавалась по наследству.

Но самой интересной оказалась третья гривна, сплетенная из трех тоненьких золотых жгутов. Она весила всего двести сорок граммов и была словно только что изготовлена. Вполне возможно, ее делали специально к похоронам, чтобы положить в могилу вождя.

Концы этой гривны венчали фигурки двух воинов, очень похожих по одежде. Один был бородатый, другой безбородый, с длинными, свисающими вниз усами. Точь в точь как представители двух племен в сценке битвы на Матвеевской вазе! Только изображенные на кончиках гривны воины не враждовали, а, наоборот, протягивали друг другу кубки в виде рога — серебряные ритоны с вином. Представители разных племен братались!

В головах у покойного вождя лежал бронзовый увесистый клевец, или чекан, напоминающий металлическую палку с изогнутой рукояткой. Рукоять была в виде безрогой головы лосихи, тоже сильно стертая от времени.

Клевец у скифов довольно редкое оружие. Чаще клевцы находят при раскопках в Сибири. А лежавший перед нами — явно не был просто оружием, хотя и выглядел достаточно грозно. Скорее всего, он служил символом власти. И был из бронзы, хотя для изготовления обычного оружия уже давно применяли железо. Такая боевая железная секира и лежала рядом с клевцом. Зазубрины на ее широком лезвии свидетельствовали об участии во многих боях. Обушок и рукоять секиры были выложены золотыми пластинами с изображениями различных зверей. Среди них почетное место опять занимали олени — все в той же гордой, летящей позе.

Тело покойного было, видимо, укутано покрывалом — от него остались золотые бляшки с изображением зверей. Но и они сохранили нам даже очертания складок покрывала.

А под этой «тенью покрывала» мы увидели множество небольших, с ноготь, сильно проржавевших железных пластинок, напомнивших рыбью чешую. Это были остатки панциря.

— Какая уникальная находка! — восхищался Андрей Осипович. — Можете мне поверить, ни в одном музее подобного панциря нет. Жаль, подкладка истлела. Но можно будет восстановить. Вы полюбуйтесь, как ловко его смастерили.

Панцирь действительно был сделан весьма изобретательно. Металлические чешуйки накладывались на кожаную подкладку. Она истлела, от нее сохранились лишь несколько клочков, прилипших к некоторым чешуйкам. Они прикреплялись к подкладке, как пуговицы, с помощью кожаных ниточек, продетых в специально пробитые отверстия, как пояснил нам Андрей Осипович. Поскольку каждая пластинка была прикреплена отдельно, панцирь плотно облегал тело воина, не стеснял движений, был легким и в то же время прочным и надежным...

И сделал этот замечательный панцирь, конечно, мастер, похороненный в первой камере! Теперь стало понятным назначение найденного у его могилы затейливого молота-пуансона. Именно им ковались тончайшие чешуйки.

Справа от скелета вождя лежал стальной меч в золотых ножнах, украшенных сценками борьбы разных животных. Навершие меча было в виде когтистой орлиной лапы, а перекрестие напоминало формой бабочку, сложившую крылья. А на рукояти мы увидели те же самые изображения оленей и гоняющихся за ними львов, что и на стенках одной из каменных литейных форм, положенных возле тела принесенного в жертву мастера. Не оставалось никаких сомнений: именно в ней талантливый мастер отлил меч для вождя.

Меч был с длинным — в семьдесят сантиметров, как у сарматских, — лезвием и предназначен рубить, а не колоть и резать, как обычные скифские акинаки. Рядом с ним тремя кучками лежали наконечники истлевших стрел. На земле сохранились отпечатки колчанов, а в одном месте — даже несколько кусочков кожи от одного из них. Еще несколько пучков стрел стояли у стенки в углу. Отлично сохранились даже некоторые древки, достигавшие в длину более семидесяти сантиметров. Целые стрелы производили, конечно, куда более внушительное впечатление, чем одни наконечники.

Наконечников же мы насчитали свыше трехсот, в большинстве бронзовых.

— Их было легче отливать в формочках, чем ковать железные, — пояснил студентам Андрей Осипович. — А стрел в бою требовалось много.

Возле головы покойного вождя лежал его шлем — бронзовый, усиленный ребром с шишечкой на верхушке и с подвесными нащечниками. В двух местах были заметны вмятины от ударов вражеских мечей.

Ребят поразило, что шлем оказался невелик — всего тридцать сантиметров высотой. Никому из студентов он бы на голову, пожалуй, не налез.

— Акселерация, — глубокомысленно заметил по этому поводу дядя Костя. — Наглядный пример совершенствования человеческого рода. Не только продолжительность жизни увеличилась, но и объем черепа. Читал в журнале «Здоровье».

Рядом со шлемом лежал боевой щит — вернее, лишь его железная оковка, украшенная в центре золотой маской свирепого божества, чтобы устрашать и отпугивать врагов, и фигурками стремительно скачущих, словно летящих, шести оленей по краям. На щите оказалось немало вмятин. Видимо, он прикрывал своего хозяина во многих битвах. В центре щит был пробит насквозь, так что лицо изображенной на нем богини исказилось. Казалось, она широко открыла рот в последнем вскрике гнева и боли.

— Странно, — пожимая плечами и покачивая головой, вопрошал Казанский, сидя на корточках возле скелетов. — Такое впечатление, что они умерли одновременно, потому и похоронили их вместе. И мужик этот погиб явно не от старости. Что с ними случилось?

На этот вопрос мы вскоре получили обстоятельный ответ. Его дала судебно-медицинская экспертиза, проведенная спустя двадцать пять веков после реальных событий. Жизнь, как нередко бывает, сочинила историю куда более романтическую и драматичную, чем мы нагадали у костра. Но не стану забегать вперед.

Женское погребение оказалось еще богаче: тут была похоронена, видимо, жена вождя, а не простая наложница. Голову ее украшала высокая коническая шапочка — вероятно, кожаная, — сплошь обшитая золотыми бляшками и пластинками. Кожа истлела, но бляшки хорошо передали форму убора. На лбу хорошо сохранилась золотая лента с растительным орнаментом.

Золотыми бляшками был усыпан и весь скелет. Мы насчитали их шестьдесят восемь. На тех, что покрупнее, квадратной формы, было вытеснено изображение явно богини и стоящего перед нею на коленях воина. На овальных бляшках поменьше, всего в два-три сантиметра длиной, были изображены различные животные, особенно часто — крошечные олени.

— Явное пристрастие к оленям, видимо, отнюдь не случайно, — сказал Олег Антонович, в какой уже раз внимательно изучая украшения в лупу. — Присмотритесь получше. Теперь оленей у нас набралось много и всяких размеров, можно их сравнивать. Совершенно очевидно: все они схожи между собой. У всех летящая поза, и рога

типично оленьи, хотя и стилизованные. Но морда у всех с горбинкой и толстые лосиные губы. Сочетание несколько странноватое, но явно не случайное. Своего рода герб племени, а? — посмотрел он на меня. — Вероятно, художник взял за основу изображение лося, — служившего, вполне возможно, еще родовым тотемом его предков, обитавших тут, на границе лесостепи, издавна, — и придал ему черты благородного оленя — нового божества, завезенного сюда скифами. Так что, пожалуй, эти олени действительно подтверждают, что племя было коренным, местным, но вошло наравных в скифский союз. Во всяком случае, есть о чем поразмыслить...

Взяв в руки фотографию Золотого Оленя, лежавшую на столе, он задумчиво произнес, окутываясь облачком ароматного дыма, вырвавшегося из трубки:

— И ведь все началось с этого красавца. А где подлинник, мы так и не знаем. — Помолчав, Олег Антонович добавил: — И ведь действительно есть у него сходство с барельефами Покрова на Нерли. Верно Караев подметил, глазастый. А еще больше, пожалуй, — у этих маленьких оленят, что на бляшках. Где у тебя папка?

Я подал ему папку, где хранил отдельно фотографии найденных нами украшений, какие хоть отдаленно походили на фигурки зверей, которыми через две тысячи лет русские мастера украшали белокаменные стены храма, стоящего далеко на севере, среди владимирских лесов на берегу задумчивой Нерли.

— Смотри, и эти ползущие на брюхе львы явно схожи, — продолжал восхищаться Казанский. — А этот олень, которого терзает грифон с орлиной головой. Ей-богу, у него даже морда чуть лосиная, как у наших оленей! И даже манера подчеркивать резкими насечками мускулатуру прыгающих животных здесь та же, что у нашего мастера.

Да, сходство между изображениями зверей, разделенными между собой тысячами километров и веками, было несомненным. Видимо, именно отсюда, где нам посчастливилось вслед за покойным Смирновым раскопать курган самобытного скифского племени, мастера которого отличались таким умением создавать замечательные украшения в зверином стиле, их чудесные творения и отправились странствовать по белу свету. Ими восхищались художники — торевты других племен, копировали эти украшения, передавая их друг другу, как эстафету, через расстояния и века. Конечно, связь была очень сложной, требующей еще длительного изучения. Но уже явно прослеживалась ощутимая ниточка, протянувшаяся из глубин древности до наших дней. Думая об этом, я снова ощутил волнующее чувство неразрывной связи времен.

— И змееногая богиня на обеих наших подвесках весьма напоминает «береговину» славянского фольклора. Да, Тереножкин, конечно, прав. Тут надо искать корни славянства — не только у негров, но

и у скифов-пахарей, — решительно сказал Олег Антонович.

Изображение змееногой богини мы обнаружили и на овальных щитках, подвешенных на цепочках к массивным золотым серьгам, которые носила жена вождя, погребенная вместе с ним под курганом. Судя по тому, как хорошо они сохранились, надевала она их, видимо, нечасто, лишь по самым торжественным случаям.

конский налобник с переплетением змей

Лицо богини на щитках напоминало изображенное на «висюльках», найденных среди обломков чемодана в Матвеевке, но выглядело мягче, добрее. Длинные извивающиеся волосы уже не оставляли сомнений, что это змееногая богиня. То же подтверждали и две змеиные головки, грозно высматривавшие, приподнявшись, возможных врагов. А по нижнему краю каждого щитка одна за другой плыли рыбки. Но по манере исполнения изображение богини заметно отличалось от найденного в Матвеевке. Серьги с подвесками, очевидно, сделал скифский мастер, весьма талантливо подражая греческим образцам. И все же рыбешек и змеек в привычных ему традициях изобразил он гораздо свободнее и увереннее, чем лицо богини.

— Очень важная находка! — торжествовал Казанский. — Неоспоримое свидетельство перемен в художественной манере, стремления скифских мастеров поучиться у греков изображать людей, обогатить свое искусство.

— И такого мастера не пожалели, принесли в жертву! — ужасалась вечером у костра Тося.

— Интересно, а ученики у этого мастера остались? — задумчиво спросил Алик.

— Наверное, — рассудительно ответил Аркадий Буценко, явно увлекшийся раскопками и тайнами прошлого больше, чем мечтой о морских скитаниях, но все еще не расставшийся с выгоревшей тель-

няшкой. — Кто-то помогал мастеру, не один же он работал.

— Конечно, — поддержал его Саша Березин. — Кто-то продолжал его традиции, если они даже до Покрова-на-Нерли в конце концов дотянулись.

Почти каждая находка давала повод для долгих бесед у костра, а порой и споров. Но, пожалуй, особенно интересен оказался сосуд, стоявший на почетном месте у изголовья жены вождя. Он был сделан из электра — сплава золота и серебра, теплого янтарного цвета. Сосуд был невелик, всего около двадцати сантиметров высотой и чуть побольше сорока в диаметре, округлый, с невысоким горлышком. Напоминал он найденные ранее в Куль-Обе и в Частых курганах под Воронежем, но отличался, на мой взгляд, большим совершенством.

электрическая ваза

Самым же примечательным и важным было содержание сенок, изображенных на сосуде, как и на Матвеевской вазе. Всего три сценки — рассказы в картинках, не нуждающиеся в разъяснениях. Как и на Матвеевской вазе, изображен бой: столкновение между конными воинами — бородатыми, в типично скифской одежде и островерхих башлыках — с пешими бойцами — безбородыми, длинноусыми, одетыми в кафтаны немножко иного покроя. Головы у воинов обнажены, только у вождя шлем с шишечкой наверху, какой мы нашли в гробнице.

Сцена боя весьма выразительна, хотя, по сравнению с Матвеевской вазой, на ней, как и на знаменитом гребне из Солохи, изображен лишь один уголок поля сражения: два всадника сражались с тремя пешими воинами, заслонявшими вождя.

А на заднем плане виднелись еще два воина.

Один оказывал товарищу первую помощь прямо на поле боя, вытаскивая зубами у него из раны на руке вражескую стрелу. Беглая, но какая впечатляющая деталь!

Вторая сцена изображала переговоры между вождями двух племен. Оба были в парадных облачениях и высоких шапках и выглядели весьма торжественно и внушительно.

Весьма вероятно, и на этом сосуде, как на Матвеевской вазе, были запечатлены не только памятные эпизоды истории взаимоотношений двух племен, но и события из жизни вождя, погребение которого мы раскопали. Только греческий торевт, изготовивший электрический сосуд, изобразил не конкретных, вполне определенных вождей, а явно идеальных, попутно придав им некоторые совершенно очевидные черты героев родного ему эллинского эпоса. Так что искать портретное сходство между покойным вождем и изображенным на вазе было безнадежным занятием. Причем идеализировал изображенных на сосуде вождей художник вовсе не случайно: сосуд имел несомненно культовое назначение. Возможно, он был специально заказан, чтобы ознаменовать такое торжественное и важное событие, как заключение дружественного союза между двумя племенами.

образец скифской посуды

Именно такой момент изображала третья сценка. Те же самые два торжественно-величавых вождя стояли друг перед другом с ритонами, а виночерпий готовился налить им вина из культового сосуда. Приглядевшись внимательнее, можно было разглядеть, что сосуд — тот самый, что мы теперь, двадцать пять веков спустя, держали в руках!

Не могло остаться ни малейших сомнений, что в трех сценках на сосуде рассказывалось, как побратались враждовавшие прежде племена — кочевое и оседлое: одно чисто скифское, пришлое, другое, — видимо, местное. У нас набиралось все больше неопровержимых подтверждений этому.

Немало нашлось в погребении и посуды — целой, неразбитой. Простенькие горшки явно местного типа, украшенные лишь робким валиком вокруг венчика. И уже более совершенные, нарядные, но тоже наглядно показывавшие рядом с простыми свое несомненное родство. А греческие сосуды, имевшие клейма мастерских, позволили нам не только установить, откуда их привезли, но и довольно точно определить, когда был насыпан этот курган над гробницей скифского вождя и его жены. Не позже начала пятого века до нашей эры.

Не стану детально рассказывать о наших находках, пусть для меня они все интересны. Но повествование грозит превратиться в каталог древностей. Однако об одной находке, как бы вдруг чудом ожившей у нас на глазах, не могу не упомянуть.

Возле левой руки женщины стояла простая глиняная миска, а в ней горкой насыпанные глиняные зернышки. Чуть побольше настоящих, но с пропорциями и особенностями, выдержанными настолько точно, что легко различался даже вид растений. Анализ показал, что к глине, из которой делали эти зернышки, была примешана мука. Они явно имели магическое значение и применялись, вероятно, чтобы во время соответствующих обрядов умиловить богов и выпросить у них щедрый урожай.

Зернышки особо заинтересовали Непорожного и стариков—селян, которым мы их показали.

Старики качали седыми головами и восхищались:

— Дивитесь, — пшеничка, рожь. Ну прямо як насправди!¹³

— А це просо.

— Ячмень!

— Все уже тогда сеяли. Ну и ну!

А в одном из глиняных горшков мы нашли несколько настоящих зерен древней пшеницы. Назар Тарасович внимательно изучил их вместе с колхозным агрономом и сказал:

— Очень похожи на краснодарку.

Это подтвердили потом и специалисты-селекционеры. Несколько сортов пшеницы, которые и поныне сеют на полях Украины и Краснодарского края, оказывается, ведут свое происхождение ещё от этих древних семян. Так что с полным правом можно сказать, что мы кормимся пшеницей, выращивать которую на здешних полях начали еще три тысячи лет назад скифы-пахари.

Непорожный выпросил у нас одно зернышко этой пшеницы и через некоторое время пригласил в колхозную агролабораторию. И благоговейно показал нежный зеленый стебелек, высунувшийся из земли в глиняном горшке, стоявшем на окне под стеклянным колпаком.

— Полюбуйтесь на скифскую пшеничку, — сказал он. — Взошла! Размножим и посеем, попробуем, что за хлебушко они ели. Не зря ж старались древние хлеборобы, пот на полях проливали.

Глядя на тоненький, упрямо тянущийся к солнцу стебелек, я словно воочию увидел единый поток истории, непрерывно струившийся из глубин незапамятной древности.

Закончив общий осмотр погребальной камеры и разбив ее на квадраты, мы занялись тщательным и кропотливым изучением находок, предвкушая все удовольствие от неторопливой работы.

Но не тут-то было. Нам все время мешали. Слухи о нашей удаче уже стремительно летели по свету. Теперь к нам отовсюду спешили гости — из Киева, Москвы, Ленинграда, Ростова. Даже из Парижа прилетела, нагрянув буквально как очаровательный ангел с небес, мадемуазель Жанна Коломб, занимающаяся, оказывается, в Лувре скифским искусством.

Конечно, одними из первых примчались, прервав свои раскопки, Василь Бидзиля и Борис Мозолевский, которым я недавно так завидовал.

Из Киева прилетел ликующий Петренко. Он крепко обнял меня, словно и не было у нас никаких ссор и разногласий, приговаривая:

— Большая удача, большая удача! Крепко повезло. Всему наше-

13 Как на самом деле (укр.)

му коллективу есть чем гордиться. То Гайманова могила, то находки Мозолевского, теперь этот курганчик. Всё наши отряды! Есть чем похвастать во всесоюзном масштабе.

Теперь и мне приходилось давать интервью. И я очень скоро почувствовал, как обременительна слава. Тем более что раскопки привлекали не только ученых и журналистов. Приезжали полюбоваться нашими находками строители каналов, без чьей помощи мы бы еще долго возились в недрах кургана. Несколько экскурсий в погребальные камеры мы устроили для местных селян.

Олег Антонович поражал нас неумемной энергией. Несмотря на возраст, он наравне со всеми занимался расчисткой находок, вел нескончаемые споры с приехавшими учеными и не отказывался провести беседу с любопытствующими экскурсантами.

Я знал, что у него больная печень и пошаливает сердце. Но никогда мы не слышали от Казанского не то чтобы жалоб, а даже просто разговоров о здоровье, которые обожал вести мнительный дядя Костя.

Только однажды, разбирая находки, Олег Антонович вдруг вздохнул и задумчиво произнес:

— Может, правильно сказано в талмуде: «Вы говорите: время проходит. Время стоит, проходите вы...»?

А в другой раз я услышал, как Олег Антонович, выйдя утром из палатки и с трудом потянувшись, с каким-то непередаваемым выражением сказал:

— Хорошо в такое утро быть живым...

И я вдруг со щемящей сердце болью понял, что мой учитель все-таки стар и болен, хоть и старается держаться молодцом.

Но через минуту Казанский уже снова громогласно шутил, торопил нас и опять выглядел чуть ли не моложе и энергичнее всех. Поспать полтора часика после обеда где-нибудь в тени под яблоней — вот и все, что он себе позволял.

Однако даже и его начали утомлять постоянные визитеры.

— Будем относиться к ним стоически и по примеру индейцев улыбаться под пытками. Больше нам ничего не остается, — утешал он нас.

Но сам норовил скрыться от гостей где-нибудь в укромном уголке погребальной камеры, чтобы спокойно поразмышлять над находками.

А поразмышлять было над чем. Когда стали внимательно осматривать лежавшие рядом на погребальном ложе скелеты и пропитывать кости укрепляющим составом, чтобы вынести их на свежий воздух, помогавший нам Клименко вдруг тихонько присвистнул и сказал:

— Посмотрите-ка, Олег Антонович, какой наконечник стрелы застрял у него в шейном позвонке.

— Где?.. Да, действительно. Как же я раньше не заметил!

— Так он же лежал на спине. Не было видно.

Внимательно осмотрев застрявший в позвонке наконечник, Андрей Осипович добавил:

— Сдается мне, тут дело нечисто. Его явно подстрелили сзади, из-за угла.

— Вы думаете? — произнес Казанский таким тоном, что отчетливо прозвучало: «Опять сочиняете детективную историю?..»

— Конечно, — уверенно продолжал Клименко. — Ведь не убежал же вождь с поля боя, подставив спину вражеским стрелам? Да и угол, под каким пущена стрела, весьма подозрителен. Знаете что? — поднял он голову и посмотрел на Казанского. — Попрошу-ка я приехать и поглядеть на древнего покойничка профессора Заметаева. Того самого, что помог нам с продырявленным черепом разобраться. Пусть посмотрит и скелеты, а? Пока не будем их трогать, оставим как есть.

— Ну что ж, попробуем, — без особого воодушевления согласился Олег Антонович.

Эксперт, судебный медик профессор Заметаев, приехал на следующую же день. Краснощекий лысеющий здоровяк лет сорока пяти, своей плотной фигурой и всем видом он больше напоминал, пожалуй, циркового борца, особенно в тренировочном костюме, какой надел, приняв с дороги душ. Не только студенты, но и мы с Казанским, признаваясь, посматривали на эксперта с некоторым сомнением.

Но когда он облачился в белоснежный халат, натянул на руки резиновые перчатки и начал колдовать вокруг скелетов с лупой и кронциркулем, время от времени делая фотоснимки с разных точек, все прониклись к нему уважением.

Впрочем, ненадолго. Провозившись со скелетами до вечера, эксперт снял перчатки, халат и, оказавшись опять в спортивном костюме, снова потерял профессорский вид. И огорчил нас. Всем, конечно, не терпелось услышать, что же он высмотрел в свою лупу. Но за ужином криминалист ничего рассказывать не спешил, с завидным аппетитом уплетая яичницу со шкварками. Казанский пробовал его разговорить, но не тут-то было. Эксперт не поддался его обаянию и отвечал весьма осторожно и уклончиво:

— Есть кое-что любопытное, но надо проверить, проанализировать. Пока ничего определенного сказать не могу. Я вам пришлю подробное заключение. Денька через два, не позже.

Утром, с таким же аппетитом плотно позавтракав, Заметаев уехал, снова пообещав незамедлительно выслать заключение, но пока так ничего больше не сказал.

Мы были разочарованы. Андрей Осипович попробовал вступить к коллегу:

— Нельзя спешить с выводами. Надо понимать, работа у нас деликатная. От выводов эксперта, бывает, судьба человеческая зависит.

Заключение, действительно присланное через два дня, снова заставило нас проникнуться к эксперту еще большим почтением. Профессор поработал на совесть и сумел выяснить о людях, погибших при весьма драматических обстоятельствах за несколько столетий до нашей эры, массу поразительных подробностей. Не стану приводить полностью его заключение, приведу только самые интересные и важные выводы:

«Стрела вонзилась в тело позвонка, в нижнюю часть его правой боковой поверхности (см. фото 1). Наконечник располагался косо, его острие находилось выше остальной части наконечника. Пострадавший не мог видеть стрелявшего в него. Последний находился сбоку и ниже своей жертвы, к тому же, надо полагать, — за укрытием. Стрела достигла середины тела позвонка (фото 2). Следовательно, она была пущена с очень близкого расстояния. Никаких реактивных изменений в позвонке нет: они не успели возникнуть. Видимо, смерть последовала мгновенно или через очень короткое время — вероятно, из-за повреждения жизненно важных кровеносных сосудов...

...Из особенностей скелета убитого мужчины следует также отметить наличие умеренно выраженного деформирующего спондилроза в грудном и поясничном отделах. Можно предполагать, что, обладая сильными конечностями, этот человек был недостаточно ловким, гибким и поворотливым. Не исключено, что позвоночник не позволил ему с необходимой быстротой повернуться и нагнуться, чтобы обнаружить спрятавшегося где-то внизу и сбоку врага...

...Покойный, по-видимому, принимал участие во многих сражениях и хорошо владел мечом. Косвенно об этом можно судить по изменениям, обнаруженным у него в тех суставах и костях, которые больше всего нагружаются при ударе мечом...

...Грацильность костей, сохранение поперечных тяжей во многих трубчатых костях, следы сегментарного строения в грудине и аналогичные изменения в крестце позволяют сделать выводы о некоторых своеобразных особенностях эндокринного аппарата покойного. Эти особенности должны были сказываться на его характере. Легкая возбудимость, живая фантазия, в то же время быстрая раздражимость и бурная реакция даже на незначительные раздражения — таким он, видимо, был при жизни...

...На четвертом грудном позвонке женщины обнаружена ца-

рапина, нанесенная, несомненно, тем же наконечником стрелы, который застрял в шейном позвонке мужчины (фото 3). Это подтверждается также и тем, что ранение нанесено сзади и снизу под тем же углом, что и мужчине. Таким образом можно предположить, что стрела была выпущена с очень близкого расстояния и с такой силой, что сначала пробила навывлет, задев четвертый позвонок, тело женщины, стоявшей позади мужчины, а лишь потом поразила самого мужчину, застряв у него в шее.

Прежде чем повредить позвонок, стрела, судя по оставленному ею следу, должна была непременно задеть восходящую аорту, находящуюся на том же уровне, но справа и несколько впереди от места ранения позвонка. Ранение, видимо, вызвало разрыв аорты и моментальную смерть женщины. Это так же подтверждается отсутствием каких-либо реактивных изменений в ее поврежденном позвонке...»

— Та-ак, — сокрушенно покачал головой Олег Антонович. — Предательский выстрел в спину из-за угла. Еще одно преступление, совершенное почти двадцать пять веков назад. А я-то надеялся, что уж теперь, когда занялись раскопками, уголовщина перестанет нас донимать.

Как обычно, вечерами мы отдыхали после работы и плотного ужина у костра. Олег Антонович восседал в позе Будды, подогнув по-восточному ноги, а все разлеглись вокруг прямо на нагретой за день земле и почтительно внимали ему, не упуская, впрочем, случая задавать каверзные вопросы.

Уже близилась осень. Вероятно, это был один из последних наших любимых вечеров у походного костра. Раскопки заканчивались. Приближалось время отъезда. Можно было уже подводить итоги.

Собственно, мы занимались этим уже давно. Заключение криминалистов, пожалуй, разрешало последние загадки.

— Ну, с покойничками мы вроде разобрались, — продолжал Казанский. — А какие молодцы эксперты! Даже о характере вождя по его костям разузнали. Живая фантазия, легкая возбудимость — весьма любопытно. Действительно, маги и волшебники. Передайте им нашу благодарность, дорогой Андрей Осипович.

— С удовольствием.

— Но с женщиной все же не очень понятно, — сказала Тося. — Почему она оказалась на поле боя и стояла рядом с вождем, у него за спиной?

— Да, тут, как говорится: «Дело ясное, что дело темное», — подхватил Саша Березин, тихонько пощипывая струны гитары.

Олег Антонович хотел что-то ответить, но не успел.

Она любимого своим прикрыла телом,
Но уберечь от смерти не смогла.
Рукой предательскою пущена с прицелом,
Стремительна была разящая стрела.

Это продекламировал Алик.

Все притихли. Только было слышно, как потрескивают сучья в костре да где-то далеко-далеко, словно на другой планете, тихонько играет радио.

— Вот здорово! — прошептала Тося. — Алик, ты гений!

Все засмеялись, окончательно смутив Алика.

— А что? — пришел ему на выручку Казанский. — Очень неплохо! Звучит прямо как эпитафия. И впечатляет! Как по-вашему, Андрей Осипович?

— Очень убедительная версия, — согласился Клименко, заставив снова всех рассмеяться. — Вполне возможно, так и было, хочу я сказать, — поспешил пояснить Андрей Осипович. — Она его загородила, заслонила.

Да, пожалуй, почти все разъяснилось. Уже не оставалось никаких сомнений: вслед за покойным Смирновым мы напали на погребения самобытного племени — видимо, одного из тех, кого «отец истории» называл скифами-пахарями. Оно было явно местным, не пришлым, вело преимущественно оседлый образ жизни и вошло на равных правах в скифский союз. Все подтверждало это: сценки на вазе и священном ритуальном сосуде; оригинальные украшения в зверином стиле, в которых давние местные традиции так талантливо сочетались с умением неведомого мастера и его учеников изображать не только различных животных, но уже и людей; орудия труда, положенные рядом с принесенными в жертву древними мастерами; посуда с отпечатками пальцев древних мастериц, лепивших ее явно тоже в духе местных традиций; пшеница, найденная в одном из горшков.

— Да, кажется, в основном разобрались, — помолчав, удовлетворенно повторил Олег Антонович. — А что неясно, над тем еще будет время подумать. Хотя кое-что наверняка так и останется неразгаданным, не надейтесь — конус этот ваш непонятный ведь никто еще не объяснил. Попадаются порой такие находки, что никак не поймешь, для чего они служили.

— Предметы неизвестного ритуального назначения, — лукаво подсказал Алик.

— Вот именно. Уже усвоили? Ничего не попишешь, такая уж наша доля. Слишком отличаются мировоззрение и вся жизнь древних людей от нашей, чтобы могли мы во всем разобраться. Впрочем, без этих загадок, что всегда оказываются «в остатке», вообще стала бы бессмысленной всякая научная деятельность. Если всерьез прики-

нуть, конечно, узнали мы много любопытного, но загадок и задач перед нами немало. Прежде всего надо выяснить границы, в каких обитало это племя, раскопать курганы не только его вождей, но и рядовых воинов. Непременно отыскать остатки древних поселений, чтобы познакомиться с хозяйственным укладом и с повседневным бытом древних людей.

Студенты заслушались, видно воображая свои будущие сенсационные открытия. Трепетный свет костра отражался в глазах ребят и скользил по их лицам, придавая им особую одухотворенность.

Но Олег Антонович неожиданно спустил всех с небес, показав на уже крепко спавшего, пригревшись у костра, Савосина:

— Вот с кого берите пример, друзья мои. Набирайтесь сил для будущих раскопок. Пора спать, а то мы опять заболтались. Как, Андрей Осипович?

— Совершенно с вами согласен, — улыбаясь, проговорил Клименко, и они, помогая друг другу, стали подниматься.

К ним присоединились остальные. С песней и гитарным перезвоном ушли прогуляться перед сном ребята, и вскоре я остался один у затухающего костра. Поднялся легкий ветерок. Он шелестел листвою в соседнем спящем саду и, раздувая угли, трепал из стороны в сторону рыжее косматое пламя. Вокруг костра заметались, приплясывая, тени.

Хорошо думалось под едва слышные, долетающие с порывами ветра далекие звуки радио и гитары. Мысли неторопливо тянулись одна за другой — ленивые, разные, не очень связанные.

Опять я думал о том, какой причудливой и запутанной оказалась история, начавшаяся так внезапно пасмурным зимним утром со счастливой находки Матвеевского клада среди развалин. Стала она действительно настоящим расследованием. Нелегко оказалось отыскать, где же выкопал эти сокровища из кургана Скилур Смирнов. То и дело преследовали нас всякие неожиданности — вплоть до уголовщины и нападений из-за угла, даже когда заглянули мы в глубь веков.

И снова подумалось мне о том, сколько самых различных людей оказалось втянуто в эту историю. Разве смогли бы мы распутать все тайны Матвеевского клада без помощи всезнающего и всемогущего бывшего следователя Клименко и его товарищей-партизан? Немало помогли нам и старый учитель Андриевский, и мой немецкий коллега Шнитке, раскопавший сведения о предателе и убийце Ставиномском в архивах полицейспрезидиума Берлина.

Может, нам еще удастся найти и подлинник Золотого Оленя? Ведь где-то он спрятан!

А как нас выручили действительно маги и волшебники — криминалисты и эксперты, друзья нашего Андрея Осиповича! Отпечатки пальцев они сличили через две с половиной тысячи лет, а по про-

битому черепу, по костям скелетов восстановили драматические судьбы давно погибших людей. Пожалуй, и о Ставинском, Мироне Рачике и их воровских дружках, приложивших нечистые руки к Матвеевскому кладу, дотошный профессор Заметаев смог бы наверняка узнать немало любопытного, если бы те не сгнули без следа...

Я припомнил всех, с кем свели меня странствия по следам Золотого Оленя: строителей в брезентовых куртках и славных метростроевцев, колхозных трактористов, озабоченного директора совхоза Петровского и так непохожего на него Головú — Непорожного. Все они сейчас словно сидели рядом со мной у затухающего костра.

Все, кто нам помогал, — ощущали себя, как и Непорожный, прямыми потомками и наследниками «древней голоты», принявшими от них под защиту эту прекрасную землю с ее бескрайними степными просторами, поспевающими полями пшеницы, сонно шелестящими садами, дремлющими во тьме курганами.

А потом я, конечно, вспомнил о том, сколько нелегкой работы нам предстоит. Но опять в игре затухающего огня мне виделись отблески древних пожаров, начинали мелькать всадники на полудиких конях...

Тут самое время, пожалуй, прервать рассказ.

Пока он не имеет конца. Нам ведь лишь посчастливилось найти вход в неведомую страну и чуть приоткрыть дверь.

А самые интересные открытия, да и новые загадки, — еще наверняка впереди.

